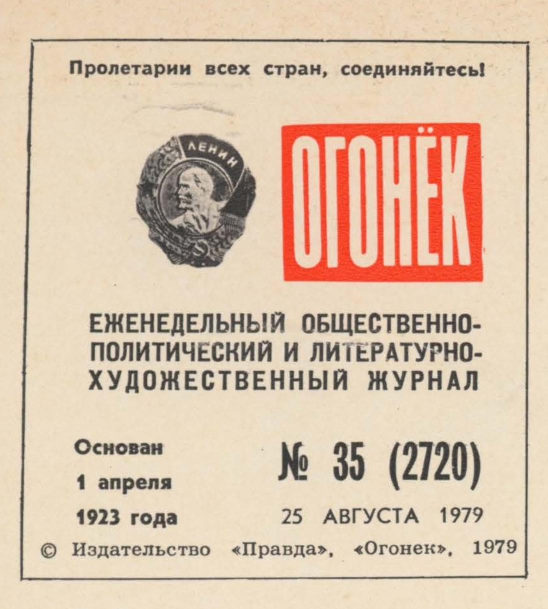

ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 35 АВГУСТ 1979

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 35 (2720)

25 АВГУСТА 1979

УЧЕНЫМ, КОНСТРУКТОРАМ, ИНЖЕНЕРАМ, ТЕХНИКАМ И РАБОЧИМ, ВСЕМ КОЛЛЕКТИВАМ И ОРГАНИЗАЦИЯМ, ПРИНИМАВШИМ УЧАСТИЕ В ПОДГОТОВКЕ И ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ДЛИТЕЛЬНОГО КОСМИЧЕСКОГО ПОЛЕТА НА ОРБИТАЛЬНОМ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОМ КОМПЛЕКСЕ «САЛЮТ-6» — «СОЮЗ»

КОСМОНАВТАМ

ЛЯХОВУ Владимиру Афанасьевичу,

РЮМИНУ Валерию Викторовичу

ВЫДАЮЩЕЕСЯ ДОСТИЖЕНИЕ СОВЕТСКОЙ КОСМОНАВТИКИ

Дорогие товарищи!

Отечественная наука и техника достигли нового выдающегося успеха в исследовании и освоении космоса. Советские космонавты Владимир Афанасьевич Ляхов и Валерий Викторович Рюмин успешно завершили самый продолжительный в истории 175-суточный полет в космическом пространстве.

Длительный полет советских космонавтов, их героический труд на околоземной орбите вызвали огромный интерес и неослабное внимание миллионов людей во всем мире. На борту научно-исследовательского комплекса «Салют-6» — «Союз» выполнена широкая программа научно-технических и медико-биологических исследований, включающая астрофизические наблюдения, эксперименты по космическому материаловедению, изучение развития биологических объектов в условиях невесомости, исследование природных ресурсов Земли, испытание новых приборов и систем космических аппаратов. Космонавты Ляхов и Рюмин совершили выход в открытый космос и выполнили в сложных условиях работы по отводу от станции антенны радиотелескопа и демонтажу научной аппаратуры. Ряд экспериментов, осуществленных в период длительного полета, был подготовлен совместно учеными Советского Союза и социалистических стран — участниц программы «Интеркосмос», а также учеными Франции.

Орбитальная научная станция «Салют-6» находится в космосе около двух лет, общее время ее функционирования в пилотируемом режиме составило более года. За этот период на борту станции работали три основные длительные экспедиции космонавтов и четыре экспедиции посещения.

По программе «Интеркосмос» вместе с советскими космонавтами совершили полеты космонавты Чехословацкой Социалистической Республики, Польской Народной Республики, Германской Демократической Республики и Народной Республики Болгарии, что является ярким свидетельством плодотворного научного сотрудничества братских социалистических стран.

Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза, Президиум Верховного Совета СССР и Совет Министров СССР с большим удовлетворением отмечают новый крупный успех советской космонавтики.

Сердечно поздравляем вас, Владимир Афанасьевич Ляхов и Валерий Викторович Рюмин, с успешным выполнением длительного космического полета.

Горячо поздравляем ученых, конструкторов, инженеров, техников, рабочих, специалистов космодрома, Центра управления полетом, Центра подготовки космонавтов, командно-измерительного и поисково-спасательного комплексов, все коллективы и организации, которые принимали участие в осуществлении самого длительного в истории пилотируемого полета на борту орбитального научно-исследовательского комплекса «Салют-6» — «Союз», а также в подготовке, запуске и проведении полетов космических транспортных кораблей «Союз» и автоматических грузовых кораблей «Прогресс».

Дорогие товарищи! Новое выдающееся достижение отечественной космонавтики является результатом вашего самоотверженного труда на благо Советской Родины. Успешным осуществлением длительной экспедиции советских космонавтов внесен крупный вклад в решение намеченных XXV съездом КПСС важных задач исследования космического пространства в интересах развития науки и народного хозяйства страны. Желаем вам новых творческих успехов в освоении космоса во имя мира и прогресса на благо всего человечества.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ КПСС **ПРЕЗИДИУМ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР** **СОВЕТ МИНИСТРОВ СССР**

Снова на родной Земле.

Приземление спускаемого аппарата космического корабля «Союз-34». Фото А. Пушкарева (ТАСС)

КОСМОС — ДЛЯ СИЛЬНЫХ!

Р. ГЕОРГИЕВА

19 августа. 12 часов 07 минут. Пружины мягко оттолкнули от станции космический корабль «Союз-34». До свидания, станция! Шесть месяцев была она надежным домом для Владимира Ляхова и Валерия Рюмина, верным их союзником в героической, трудной, небывало длинной космической вахте...

...Как же это было давно, когда на подмосковном аэродроме провожали космонавтов на старт! Шел мокрый снег, мела поземка, и было грустно расставаться. Знали, что они идут в космос надолго, и каждый думал: шесть месяцев — это ужасно много. Выдержат ли?

И станция «Салют-6» была уже не та новая, с иголочки, что встречала Георгия Гречко и Юрия Романенко. 96 дней они там отработали, а потом 140 суток Владимир Коваленок и Александр Иванченков. Выходы в открытый космос, встреча интернациональных экипажей, первые дозаправки двигателя, стыковки грузовых кораблей и перестыковки — все уже было. И, наверное, подустала станция изрядно, если говорить о технике в человеческих понятиях. Да и специалисты считали, что на станции кончался ресурс многих приборов и систем. И, прежде чем приступить к научной программе, В. Ляхову и В. Рюмину пришлось омолодить станцию, обновить приборы, отремонтировать ее агрегаты. Даже когда в квартиру въезжаем, где раньше были другие жильцы, сколько хлопот с ремонтом и устройством. А в космосе?!

Вроде бы скучные слова «ремонтно-восстановительные работы на станции», «ремонтно-профилактические работы на двигательной установке», но именно здесь и сразу проявился главный талант экипажа: быть сильными, талант упорства и четкости.

Ни разу за весь полет не открывалась «дверь» станции для гостей, только трудяги «Прогрессы» по-прежнему доставляли на станцию топливо, оборудование, воду, питание, почту.

Дни бежали за днями — вот на календаре уже 96 суток, потом 140, потом — рекорд по продолжительности пребывания в невесомости. Выдержали! А если рассказать, что сделано Ляховым и Рюминым за это время, так получилась бы книга, а не статья. Попробую перечислить только основное.

Продолжили технологические эксперименты: около 60 включений печей «Сплав» и «Кристалл», причем плавки были более длинными, чем раньше. Смонтировали установку «Испаритель» и в условиях вакуума провели 24 эксперимента по напылению серебра на различные образцы. Так что первый опыт, если в будущем срочно понадобится подновить покрытия, теперь есть. Отсняли огромное количество пленки. Госцентр «Природа» получит для специалистов более 100 направлений изображение одних и тех же районов нашей страны в различное время года: и когда лежали снега, и в весеннем разноцветье, и в летних вариациях зеленого и золотого. На борту была аппаратура, изготовленная болгарскими специалистами,— «Спектр», «Дуга». Ряд экспериментов по изучению природных ресурсов Земли, загрязненности атмосферы, особенно над промышленными районами, был выполнен космонавтами с помощью именно этих приборов. «Протоны» установили прочные творческие связи с рыбаками. Судовая разведка во время их полета не просто бороздила океан, а точно шла к рыбе по координатам с орбиты.

Для науки и для души занимались биологическими объектами. Жизнь, так сказать, во всех проявлениях была представлена на «Салюте». Эксперименты шли на космическом огороде, работала сложная система «Оазис», включили в действие биогравистат с центрифугой, имитирующий для растений силу земного притяжения. Выполнили советско-французский эксперимент «Цитос». А в самом конце полета по программе у «Протонов» были исследования с космическим радиотелескопом КРТ-10. Он в разобранном виде прибыл с последним грузовиком. Антенну космонавты смонтировали в переходной камере, а пульт управления — внутри станции. Когда «Прогресс» уходил, дали команду на выдвижение антенны, и она вслед за уходящим кораблем раскрыла у стыковочного узла станции свой ажурный десятиметровый зонтик.

Около десяти дней все внимание экипажа

Во время вручения ордена.

Телефото В. Соболева и Н. Жиганова (ТАСС)

ОРДЕН НА ЗНАМЕНИ ГОРОДА

15 августа в столице Киргизии состоялось торжественное заседание городского комитета партии и городского Совета народных депутатов, посвященное вручению городу Фрунзе ордена Трудового Красного Знамени.

В зале — члены ЦК Компартии Киргизии, депутаты Верховного Совета республики, руководители партийных, советских и общественных организаций республики и города, передовики производства, деятели науки и культуры, воины Советской Армии.

С воодушевлением участники заседания избрали почетный президиум в составе Политбюро ЦК КПСС во главе с товарищем Л. И. Брежневым.

Тепло встреченный собравшимися с речью выступил член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС К. У. Черненко.

Товарищ К. У. Черненко огласил Указ Президиума Верховного Совета СССР и под бурные аплодисменты собравшихся прикрепил к знамени города Фрунзе орден Трудового Красного Знамени.

На заседании выступили первый секретарь Фрунзенского горкома партии К. М. Молдобаев, молодой рабочий Ю. М. Дьячков, писатель Герой Социалистического Труда Ч. Айтматов, бригадир бригады строителей Герой Социалистического Труда А. Е. Рослова, Герой Советского Союза К. Усенбеков, студентка Киргизского университета Н. Байымбекова, первый секретарь ЦК Компартии Киргизии Т. У. Усубалиев.

Участники торжественного заседания с большим подъемом приняли приветственное письмо Центральному Комитету КПСС, Президиуму Верховного Совета СССР, Совету Министров СССР, товарищу Л. И. Брежневу.

было отдано телескопу: то он слушал Землю, то звездные пульсары. По сигналу точного времени одновременно с космическим собратом по тем же самым источникам включался 70-метровый крымский телескоп. Образовывалась как бы единая гигантская антенная система.

И вот работы с телескопом успешно закончились, а с ними и вся научная программа полета была завершена, и оставалось только отстрелить антенну: она сделала свое дело, надо было освободить от нее станцию. По команде с Земли сработали пиропатроны, антенна качнулась, подалась и... повисла, зацепившись тросиками силового каркаса и сеткой за перекрестье стыковочной мишени. Такого никто не ожидал... В иллюминатор космонавтам ее было видно: казалось, дунь — и упадет. Попробовали, и не раз, включать двигатель, но безрезультатно. Отцепить можно только вручную — значит, нужен незапланированный выход в космос. Так решила Земля.

15 августа в 17 часов по московскому времени начались операции по выходу в космос. Экипаж в скафандрах, к рукавицам прикреплен инструмент, телекамеру взять не могут. Открыли люк.

Первым выбрался Рюмин, командир его страхует. Потом он скажет, что в эти минуты вспомнил рассказ летчика-испытателя Анохина, когда тот выбирался с парашютом по крылу горящего самолета. Видимо, представил это ощущение. А Ляхов добавил: «У меня тоже засосало где-то внутри, как перед первым своим парашютным прыжком, на миг подумал: вот сейчас должен быть ветер. Но ветра не было, тихо, только, чувствую, какая-то сила выталкивает из люка».

Рюмин встает на якорь, открывает поручень и перебирается, уже держась за поручень, но с другой стороны, а на его место с фалами встает Ляхов. И теперь люди плывут на площадке ступнями друг к другу, а головами в разные стороны. Ляхов — вверх от Земли, а Рюмин — вниз. На одной прямой. Такое только в космосе возможно. «Очень быстро темнеет, сейчас наступит ночь»,— слышится с орбиты.

«Ребята, помните, светофильтр более чем на десять минут в темноте не поднимать, а на свету — ни одной секунды. И осторожно работайте»,— еще раз напоминает с Земли А. Елисеев. «Вы не волнуйтесь за нас»,— успокаивают его с орбиты.

Кончается радиосеанс. «Протоны» уже летят над Японией, ушли из зоны видимости, и на Земле остается теперь только ждать. Целый час ждать! За это время космонавты должны освоиться, переждать ночь, благо дни и ночи в космосе меняются быстро. А потом Рюмин один должен идти вдоль станции до торца большого цилиндра к злополучной этой антенне и попытаться освободить ее. Если же не удастся, то хотя бы выяснить, что там произошло.

На табло в зале управления Центра полета мигают минуты — нет, это, оказывается, секунды. Как медленно тянется время... Стихли разговоры, все думают об одном. Сосредоточенно спокоен Елисеев, молчит. Ему было бы легче, если б пошел он сам... Да, на Земле проанализировали все, просчитали, обговорили. Составили циклограмму выхода. Должно все получиться, должно. А как там?..

Наконец в динамиках голос Ляхова: «Мы уже в люке». Он делает паузу, и в зале повисает абсолютная тишина... «Антенны нет»,— продолжает он. И весь Центр управления взрывается аплодисментами: молодцы!

Заканчивается выход в космос. Экипаж осмотрел станцию, забрал снаружи образцы покрытий, возьмут на Землю для ученых...

А на другой день космонавты рассказали о своем выходе уже подробнее.

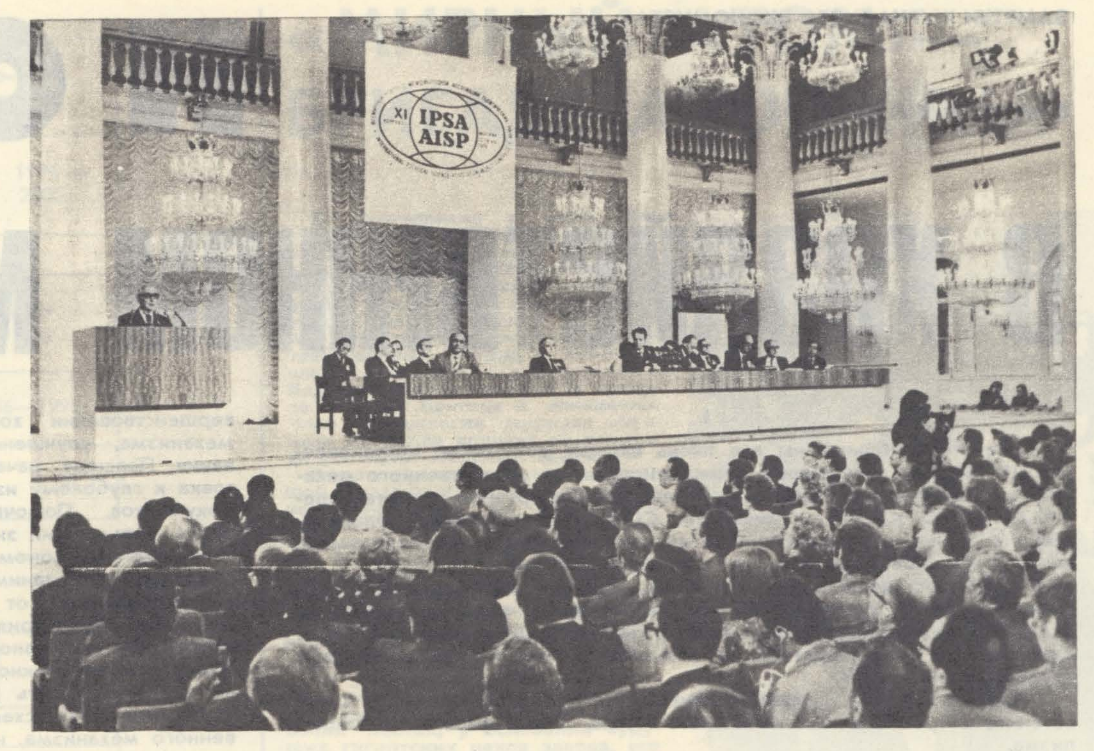
В. Рюмин: «Я туда долго добирался, было трудно идти, солнце очень сильно било через светофильтр в глаза. Когда увидел антенну близко, сначала показалось, что не смогу ее освободить, вроде бы распорки глубоко утоплены в вакуумную изоляцию. Отдохнул, наклонился и бокорезом перекусил первый тросик».

В. Ляхов: «Я страховал Валеру, стоял на якоре, потихоньку выбирая фал. Антенну видел всю целиком. Когда один тросик ее был отрезан, вижу, как она вдруг качнулась и пошла прямо на Валеру. Я ему кричу: «Стой! Осторожно!» Постепенно колебания затихли. «Теперь давай другой трос»,— говорю. Валерий спокойно отрезал второй. И антенна опять качнулась, как бы освобождаясь от натяга, но уже в другую сторону. И так все четыре. Но антенна все держится. Тогда Валерий подцепил ее рычагом с рукояткой и оттолкнул от себя. Только тогда она медленно пошла в сторону...»

Словом, «обычная работа» в необычных условиях.

Но обычная ли? Нет, космос, ой, как не скоро станет обычным. Я думаю, даже никогда не станет обычным. Космос для сильных! Ведь экипаж уже выполнил свою программу, необычную и по длительности и по сложности. Уже готовились домой. Уже врачи обсуждали

ВО ИМЯ ПРАВА НА ЖИЗНЬ

Торжественное открытие конгресса в Колонном зале Дома союзов в Москве.

Фото А. Стужина (ТАСС)

Сегодня никто и нигде не оспаривает той мысли, что наука может и должна сыграть существенную роль в определении исторических судеб человечества. Именно этой роли был посвящен проходивший с 12 по 18 августа в Москве XI Всемирный конгресс международной ассоциации политических наук (МАПН). Ответственность ученых в наши дни чрезвычайно велика — ведь человечество переживает переломную эпоху объединенного действия великой социальной и научно-технической революции.

Политика мира стала первой и главной темой Московского конгресса, тем более, что сейчас для ее проведения сложилась особо благоприятная международная атмосфера. Как указывали в своих выступлениях многие участники московского форума, огромный вклад в создание такой атмосферы внесло успешное завершение многолетней работы по выработке советско-американского Договора об ограничении стратегических наступательных вооружений. «На успех дальнейших переговоров в этом направлении,— сказал вашему корреспонденту последний президент МАПН, известный американский ученый — профессор Гарвардского университета Карл Дойч,— надеется все человечество. И эта надежда обоснованна: ведь в эпохальном успехе венской встречи — несомненный залог того, что международные отношения будут развиваться в лучшую сторону. Договор об ОСВ-2 исключительно важен и потому, что лишний раз доказывает возможность при наличии доброй воли решать за столом переговоров самые сложные и на первый взгляд непреодолимые проблемы. Сейчас задача ученых, широкое сотрудничество которых, по словам Л. И. Брежнева, «служит важным фактором решения насущных глобальных проблем современности», в том, чтобы добиться если не единомыслия — пока это, увы, невозможно,— то по крайней мере сознательного стремления к сближению в понимании этих проблем. Наш конгресс стал неоценимым шагом к такому сближению. И не последнюю роль, я должен сказать, сыграла в этом отличная организация первого подобного форума в столице социалистического государства; устроители конгресса шли навстречу своим гостям во всем. Я не первый год знаком с советскими учеными, и это меня не удивляет. Но атмосфера конгресса не могла не произвести впечатления на тех, кто прибыл в Москву с известными предубеждениями. Немало делегатов разделяли точки зрения, диаметрально противоположные советской, и сомневались, что смогут изложить их без помех. Между тем Московский конгресс был трибуной абсолютно свободного обмена мнениями — и это свидетельствует о том, что коллеги из СССР готовы к серьезной дискуссии»...

Да, мы за свободу дискуссий, потому что это путь к взаимопониманию. Но были и случаи злоупотребления этим. И на конгрессе и в его кулуарах предпринимались откровенные попытки увести научный форум в сторону от его магистральной темы — участия ученых в разработке политики мира, навязать его участникам обсуждение несуществующей «проблемы» прав человека в социалистических государствах. Но закономерным итогом дискуссий стало признание того факта, что проблему прав человека необходимо рассматривать в общем контексте сохранения мира. «Право на мир, право жить в условиях мира — главное право человека, и к пониманию этой истины рано или поздно придут все те, кто не скован стереотипами»,— подчеркнул советский ученый, профессор А. Я. Зивс.

А сколько еще людей на земле лишены этого кардинального права — в Латинской Америке, на Ближнем Востоке, в Юго-Восточной Азии! С болью и негодованием говорил вьетнамский ученый Нгуен Кхань Тоан о том, что его регион остается взрывоопасной точкой планеты. «При поддержке Пентагона и НАТО,— указал он,— китайские руководители пользуются малейшим поводом для того, чтобы развязать войну... Последовательно выступая за мир, социалистические государства являются главным оплотом свободы, независимости и социального прогресса».

А. ГРЕЧУХИН

с ними режим их подготовки к посадке. Истосковались по Земле, она уже казалась им совсем близко. И вдруг им предлагают выход.

А вот что рассказывает Алексей Станиславович Елисеев — руководитель полета:

— Мы объяснили ребятам, что эта работа не является для них обязательной. Она очень важна, но они могут отказаться. Это их право. Они долго летали. Они выполнили свой долг. Но ребята согласились сразу, с большой охотой тут же стали со специалистами обсуждать циклограмму выхода. А Рюмин ответил, что для него лучший подарок ко дню рождения и не придумать. Шестнадцатого августа ему исполнилось сорок лет. Возраст зрелости.

— Они блестяще провели все эти операции,— продолжает Елисеев.— Для техники, которая два года служит на орбите, для скафандров, дважды до этого побывавших в космосе, и для людей, управляющих всей этой техникой, внеплановый выход был замечательной проверкой.

В Центре управления загорается транспарант: «Внимание! Сеанс связи». Это последний, завершающий сеанс полета, уже с кораблем, а не со станцией, она сейчас далеко, огни погашены, летит в автоматическом режиме...

...Космический корабль «Союз-34» уже принес Ляхова и Рюмина домой. Трудная это была дорога: и тряхнет, и сожмет, и огнем опалит на прощание космос. Земля своим земным притяжением встречает поначалу тоже сурово. Приходится платить за разлуку нестерпимой болью, немощью тела, когда заново надо учиться ходить, сидеть. Но космос для сильных!

Подмосковный Центр управления полетами

МИР УЧИТ РУССКИЙ

Этот снимок сделан в столице ГДР, где 18 августа завершилась работа IV Международного конгресса преподавателей русского языка и литературы. В его работе участвовало около двух тысяч делегатов из 65 стран.

Половина всех публикуемых сегодня в мире печатных материалов выходит на русском языке. Это язык родины Октября, язык Ленина. Тяга к нему огромна. Пятьсот миллионов человек говорят на нем сегодня, и интерес к изучению русского постоянно растет. Особенно в связи с предстоящей в Москве Олимпиадой.

Какими должны быть учебники русского для иностранцев? Как лучше использовать на уроках современную технику? Какие из методов обучения наиболее эффективны? Эти и многие другие вопросы занимают преподавателей-русистов и специалистов во многих странах мира. Чтобы получить на них ответы, педагоги вот уже десять лет регулярно собираются на конгрессы МАПРЯЛ — Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы. Встреча в Берлине — четвертая. Она проходила под покровительством Генерального секретаря ЦК СЕПГ, Председателя Государственного совета ГДР товарища Эриха Хонеккера.

В приветствии ЦК КПСС и Совета Министров СССР участникам конгресса сказано, что деятельность МАПРЯЛ служит сближению народов во имя мира, дружбы и социального прогресса.

ЗАМЕТКИ ЖУРНАЛИСТА-ЭКОНОМИСТА

Виктор ФИЛИППОВ

НОВОЕ В ХОЗЯЙСТВЕННОМ МЕХАНИЗМЕ

I

В печати опубликованы два очень важных документа: постановление ЦК КПСС о дальнейшем совершенствовании хозяйственного механизма и задачах партийных и государственных органов и постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об улучшении планирования и усилении воздействия хозяйственного механизма на повышение эффективности производства и качества работы».

В этих постановлениях, исходя из решений XXV съезда КПСС, сформулирована система мер по дальнейшему совершенствованию планового руководства экономикой, развитию демократических начал в управлении производством и повышению творческой инициативы трудовых коллективов.

Задача — поднять уровень планирования и хозяйствования в соответствии с требованиями нынешнего этапа, этапа развитого социализма.

Конечная цель — добиться значительного повышения эффективности и качества и на этой основе обеспечить неуклонный подъем экономики страны и благосостояния советского народа.

НЕМНОГО О ТЕРМИНОЛОГИИ

Безуспешно искать на страницах Большой Советской Энциклопедии статью, разъясняющую, что такое хозяйственный механизм. Такое словосочетание пока еще не обрело «прав гражданства» даже в Экономической энциклопедии. И напрасно. Термин «хозяйственный механизм» очень точно, очень емко отображает суть комплексного подхода к совершенствованию управления экономикой страны.

Откроем один из словарей русского языка: **«Механизм.** 1. Внутреннее устройство машины, прибора, аппарата, приводящее их в действие. 2. Перен. Система, устройство, определяющее порядок какого-нибудь вида деятельности».

Механизм, особенно в современной технике,— сложное устройство. Состоит оно из многих элементов, выполняющих определенные функции. Взаимосвязь отдельных элементов механизма можно видеть на так называемой кинематической схеме. Хорошо разобраться в ней по силам лишь специалисту.

Сказанное целиком и полностью относится и к хозяйственному механизму. Его «конструкторы» должны предусмотреть множество «оригинальных и унифицированных деталей» и скомпоновать их в узлы. А главное — уложить все это в своеобразную «кинематическую цепь», где значение взаимосвязей и взаимодействия отдельных элементов куда более важно, чем в технике. Ведь речь-то идет не о машине, а о механизме, назначение которого— воздействовать на развитие экономики такой могучей страны, как наша.

Основу хозяйственного механизма, образно говоря, составляют «три кита»: **планирование, стимулирование, управление.** Соединенные воедино в общем хозяйственном механизме, они «держат» всю нашу экономику.

Мы здесь не только разъясняли суть нового термина: видимо, в общих чертах суть эта понятна каждому. Гораздо важнее, чтобы читатель представил себе всю сложность научного формирования хозяйственного механизма. Ведь не секрет, что людей, уверенно считающих себя большими знатоками проблем управления, немало. По крайней мере ничуть не меньше, чем, например, «знатоков» игры в футбол, где, как известно, каждый болельщик — готовый тренер команды высочайшего класса. Без профессиональных знаний о футболе мы как-нибудь проживем — смотреть матчи интереснее. Ведь когда спортивные комментаторы стремятся «вложить» в нас эти знания — нам становится скучно.

Иное дело—экономические знания, знания закономерностей развития общества, системы управления общественным производством. Потребность в них каждого из нас предопределена природой нашего общественного строя, положением трудящегося как хозяина страны. «Ошибочно думать,— говорил на XV съезде ВЛКСМ Л. И. Брежнев,— будто с экономическими законами имеют дело только большие ученые и руководители. Эти законы, если их понять правильно, диктуют логику поведения не только администратору, инженеру, ученому, технику, но и каждому рядовому рабочему, колхознику».

И еще. Читатель не должен ждать от этих записок исчерпывающих сведений, подробного рассказа о деталях механизма — это задача специальных экономических изданий. А наша куда проще — нарисовать общие контуры нового в хозяйственном механизме, как бы дать его упрощенную «кинематическую схему».

ВЕЛЕНИЕ ВРЕМЕНИ

С большим удовлетворением встретили советские люди решения партии и правительства о совершенствовании хозяйственного механизма, улучшении планирования. Повсюду началась подготовка к глубокому изучению этих документов. Помочь овладеть здесь серьезными знаниями призвана система экономического образования, где занимаются люди всех профессий — от рабочего до министра. Аудитория немалая — почти 35 миллионов человек. Здесь есть возможность не только научиться читать упрощенную «кинематическую схему» хозяйственного механизма, но и познать те «детали», которые особо необходимы в практической работе. Недаром у слушателей системы экономического образования есть такой девиз: «Знания, убеждения, практические действия».

Теперь об условиях, при которых возникла объективная необходимость совершенствования хозяйственного механизма.

Посмотрите на публикуемую диаграмму. Обратите внимание, как динамично развивается наша экономика, как растут масштабы производства: в VII пятилетке ежегодно выпускалось промышленной продукции в 51 раз больше, чем в 1928 году. Цифры впечатляют. Но и они меркнут рядом с цифрой 150, показывающей масштабы производства X пятилетки.

Достижения убедительно подтверждают преимущества социалистической плановой системы хозяйства. Они результат научно обоснованной экономической политики партии, которая выработана и последовательно осуществляется после октябрьского (1964 г.) Пленума ЦК КПСС.

Весь мир видит эти достижения. Комментируя принятые ЦК КПСС и Советом Министров СССР решения, газета французских коммунистов «Юманите» на днях писала: «Советская экономика продемонстрировала свой динамизм, более чем удвоив национальный доход страны в течение последних трех пятилеток и заняв первое место в мире по производству ряда определяющих видов продукции. Цель постановления и предусмотренных им мероприятий,— подчеркивает газета,— привести структуру руководства и управления народным хозяйством СССР в соответствие с возросшими масштабами производства, с усложнившимися экономическими отношениями».

Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об улучшении планирования и усилении воздействия хозяйственного механизма на повышение эффективности производства и качества работы»[1] состоит из трех частей:

— меры по повышению уровня плановой работы в народном хозяйстве;

— меры по ускорению ввода в действие производственных мощностей и объектов и повышению эффективности капитальных вложений;

— меры по развитию хозрасчета и усилению роли экономических рычагов и стимулов.

ЗАВОЕВАНИЕ XX ВЕКА

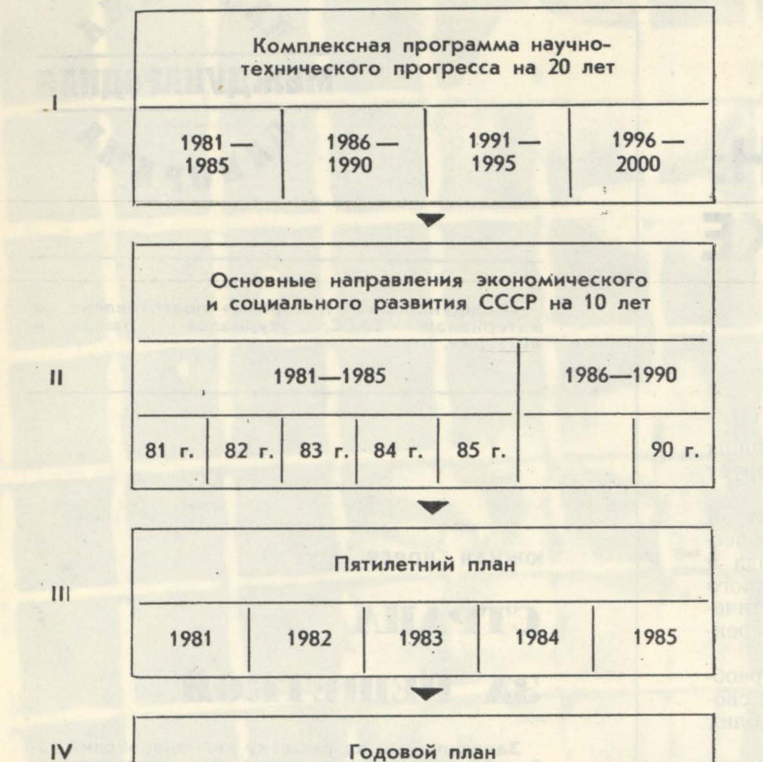
Планирование развития народного хозяйства — одно из важнейших научных и социальных завоеваний XX века. Наши планы — это не только планы хозяйственного строительства, но и социального прогресса. Они служат достижению высшей цели социалистического общественного производства — наиболее полному удовлетворению материальных и духовных потребностей людей.

Недавно отмечалось пятидесятилетие первого пятилетнего плана. За полвека накоплен огромный опыт. Сложившийся механизм планирования, в основе которого пятилетние планы, прошел проверку временем. Но это вовсе не означает, что, скажем, приемы и методы работы в пору первых послевоенных пятилеток применимы без изменения и в одиннадцатой пятилетке.

Огромные масштабы общественного производства, ориентация на эффективность и качество—характерные черты экономики развитого социализма — диктуют необходимость серьезного улучшения планирования на всех «этажах» управления экономикой.

Что нового в планировании? В каком направлении оно будет совершенствоваться? Здесь, видимо, нужно выделить 3—4 взаимоувязанных звена, которые в наибольшей степени подверглись «модернизации». Среди них — система планов. Вот как она будет выглядеть начиная с одиннадцатой пятилетки:

[1] Полный текст постановления опубликован в № 32 «Экономической газеты».

ПЕРВОЕ СЛОВО — УЧЕНЫМ

Как видно из схемы, подготовка к составлению очередной пятилетки будет начинаться с разработки Комплексной программы научно-технического прогресса на 20 лет (с разбивкой по пятилетиям). Работа эта возложена на Академию наук, Госкомитет по науке и технике, Госстрой СССР. Они располагают широкой сетью институтов и лабораторий, в которых трудятся лучшие ученые — гордость советской науки. Академические институты, Комитет по науке тесно связаны с отраслевой наукой, роль которой в разработке программы будет весьма весомой.

Таким образом в новых условиях первое слово в планировании будет предоставлено ученым. Они должны определить тенденции развития науки. В век научно-технической революции это очень важно. Вспомните первую в мире атомную станцию, построенную в Советском Союзе в 1954 году. Или этапы развития ЭВМ, лазерной техники. И многое-многое другое.

Еще на XXIV съезде КПСС партия поставила задачу—органически соединить достижения научно-технической революции с преимуществами социалистической системы хозяйства. В решении этой задачи — смысл разработки Комплексных программ.

Ученые призваны создавать научный фундамент планирования, еще более активно, чем сейчас, участвовать в определении перспектив научно-технического прогресса. Наука должна еще сильнее, чем сейчас, влиять на рост эффективности общественного производства. Такая задача нашей науке по плечу. Она не обделена талантами. Да и числом выглядит довольно внушительно — более четырех миллионов человек занято сейчас в науке и научном обслуживании. Новые методы хозяйствования создают хорошие условия для дальнейшего повышения эффективности науки.

Второе звено системы планов— Основные направления экономического и социального развития СССР на 10 лет. Как видно из схемы, на первое пятилетие они будут разрабатываться с разбивкой по годам и с выделением показателей последнего года второго пятилетия (1990 год).

Работа эта возложена на Госплан СССР, министерства и ведомства СССР и Советы Министров союзных республик. При разработке Основных направлений будут исходить из задач, определяемых партией на длительную перспективу, и из положений Комплексной программы на 20 лет.

Основные направления — это еще не план, не программа конкретной производственно-хозяйственной деятельности предприятий, объединений, министерств. Это база плана. Вот почему в проекте документа будут различные варианты решения крупных экономических и социальных проблем. Взвесив достоинства и недостатки вариантов, можно принять оптимальное решение, получить наибольший экономический и социальный эффект.

Комплексная программа и Основные направления будут уточняться и составляться на каждое новое пятилетие. К двенадцатой пятилетке, например, будут разработаны:

— Комплексная программа научно-технического прогресса на 1986—2005 годы;

— Основные направления экономического и социального развития на 1986—1995 годы.

Третье звено системы — пятилетние планы экономического и социального развития.

И четвертое — годовые планы. Если судить только по схеме, эти звенья не подверглись изменению. Но это не так. В новых условиях серьезно изменяется роль пятилетнего плана как главной формы планирования. Важное место займут цеховые Комплексные программы. Вводятся новая система плановых показателей и новый порядок оценки деятельности производственных коллективов. Ориентир — эффективность и качество, конечные народнохозяйственные результаты.

«МИРНЫЙ АТОМ»— БРИГАДЕ АНОШКИНА

В Волгодонске в честь Дня строителя состоялся большой праздник. Около десяти тысяч горожан и жителей ближайших сел собрались на городском стадионе, чтобы чествовать героев труда, участников сооружения «Атоммаша», удостоенных высоких правительственных наград и завоевавших первенство в соревновании. Под гром аплодисментов к трибуне выходит бригада А. Аношкина. Член редколлегии журнала «Огонек» Ю. Попов вручает ей переходящий приз «Мирный атом».

В заключение состоялся большой праздничный концерт. Сильное впечатление на присутствовавших произвело театрализованное представление, подготовленное волгодонцами. На транспарантах лозунги: «Даешь энергию!», «Даешь «Атоммаш»!» По стадиону идут колонны машин, в которых лучшие люди завода и стройки. Вертолеты доставляют корзины цветов...

На другой день члены творческой группы «Огонька» встретились со строителями прямо на рабочих местах, у основания будущих гигантских цехов завода, его 1-го и 4-го корпусов. Поэт Петр Градов читал свои стихи.

В работе группы огоньковцев приняли участие поэт Борис Примеров, артистки Московской государственной филармонии Лидия Неведомская и Валентина Акулина, фотокорреспондент Алексей Гостев, корреспондент Феликс Медведев.

Бригада А. Аношкина.
Фото А. Гостева.

«АТОММАШ»

Петр ГРАДОВ

Невозможно
судьбу предсказать человека.
Век грядущий
придется ли
встретить тебе?

А вот я
по цехам
двадцать первого века
прохожу,
благодарный за это судьбе.
Потрясает
размах
этой стройки-громады,
думал
чудом назвать я ее,
но не буду.
Здесь повсюду
рабочие парни
что надо!
Вот они-то
и есть
настоящее чудо.
Я немало красавиц
встречал на планете,
хороши парижанки,
волжаночки — краше,
но красивей,
признаться,
не видел на свете
той казачки,
что встретил
в цеху «Атоммаша».
Рядом с нею
и горе любое — не горе,
в гордом взгляде ее
притаилась гроза.
Как зеленые волны
Цимлянского моря,
чаруют
зеленые эти глаза.
И любить
и работать
умеет строитель
и о смене рабочей
заботится впрок.
В Волгодонске
родился
стотысячный житель,
а давно ли здесь был
небольшой городок...
У монтажника Гены
глаза озорные,
голубые,
как этот донской небосклон.
Над землею
монтируя фермы стальные,
день грядущий
сегодня
монтирует он.
Пятилетка проходит
развернутым маршем,
мы работою славим
Отчизну свою.
Как же нам
не гордиться
родным «Атоммашем» —
правофланговым
в рабочем строю!

Волгодонск.

Наш взгляд

АФГАНИСТАН: НАРОД НА СТРАЖЕ

Леонид КОРЯВИН

Афганистан... Древняя страна, раскинувшаяся там, где горные вершины высоко поднимаются к синему небу, где хрустальная вода быстрых рек полирует вековые камни, а краски Джелалабадской долины сказочно ярки и пестры.

Совсем недавно казалось, что время остановилось в этой стране, стиснутой оковами феодализма. Но сотряслись горы, гулкое эхо народного восстания пронеслось над афганскими долинами, лучи солнца обновления осветили его города и селения. Апрельская революция мощным рычагом повернула судьбу афганского народа. Если проследить за изменениями, которые произошли в Демократической Республике Афганистан после этих исторических дней, то можно с уверенностью сказать, что один год смело бросил вызов целым векам.

За один только год народной власти осуществлены такие важнейшие преобразования, которые были не под силу многим столетиям. С первых же дней своей исторической победы трудящиеся Афганистана стали преобразовывать облик страны, выводить ее из сумрака средневековья к свету новой жизни.

Успешно завершен первый этап земельной реформы, и афганская деревня приступила к осуществлению ее второй фазы. Государство не только способствовало тому, чтобы была справедливо распределена земля между теми, кто ее обрабатывает, но и приняло решение предоставлять им кредиты, машины, химические удобрения. Принят первый пятилетний план экономического и социального развития, проведены прогрессивные мероприятия в области культуры и образования. Ставшие полноправными гражданами республики туркмены, белуджи, пуштуны и другие народности, проживающие в Афганистане, впервые получили возможность слушать радио на своих родных языках, ликвидировать неграмотность, читать собственные газеты.

Все эти революционные преобразования, происходящие в Афганистане, пришлись не по душе империалистическим и реакционным кругам. Сброшенные с пьедестала власти феодалы ощетинились ненавистью к новому строю. Подстрекаемые извне, они стали плести сеть заговоров, предпринимать контрреволюционные выступления. При этом произошли не только вооруженные вылазки, но и на полный ход заработала пропагандистская машина реакции, прибегающая к преднамеренному искажению событий, происходящих в Афганистане. Контрреволюция попыталась играть на чувствах и настроениях представителей различных национальностей, искусственно создавать сепаратистские настроения и сеять национальную рознь.

Естественно, что последние события в Афганистане, когда внешние силы в сговоре с местной реакцией пытаются нарушить нормальную жизнь государства, вставшего на новые рельсы развития, надо рассматривать в контексте глобальных империалистических планов. Соединенные Штаты и другие западные страны никак не могут смириться с новой ситуацией, сложившейся в связи с победами, одержанными в освободительной борьбе народами стран Среднего Востока. Так, они встретили в штыки события, происшедшие в Иране, с той же ненавистью отнеслись и к изменениям, охватившим Афганистан. Используя излюбленный прием «разделяй и властвуй», они стали натравливать на молодую республику соседние страны, создают на их территории плацдармы антиафганской деятельности, плацдармы контрреволюции.

Недавно в Кабуле была предпринята попытка контрреволюционных выступлений. Заговорщики пытались прежде всего захватить находящуюся на юго-восточном склоне горы Шир-Дарваза старинную крепость Балахистар — стратегическую позицию, которая дает возможность держать под прицельным огнем основные кварталы и улицы афганской столицы. Благодаря бдительности народной власти и афганских патриотов попытка вооруженного мятежа была сорвана, и в столице страны вновь установилось спокойствие. Все эти события показывают, какую нелегкую пору переживает афганский народ. Но он полон решимости дать достойный отпор проискам сил контрреволюции, которая, кстати, особенно подняла голову после того, как за океаном раздались голоса, пекущиеся о «защите» американских интересов в так называемых важных стратегических районах.

Афганский народ избрал свой путь развития, определенный апрельской революцией. Он понимает, что это трудный путь, ибо революционным силам предстоит отражать атаки сил вчерашнего дня, сил обреченных, но пытающихся оказать сопротивление и реставрировать свои былые привилегии.

Народ Афганистана уверен в своей окончательной победе. Сегодня он радуется новому труду на фабрике и стройке, на крестьянском поле, над которым впервые слышится рокот сельскохозяйственной машины. Новый человек Афганистана склонился над книгой, впитывая так нужные для успешного строительства республики знания. Но он всегда начеку, всегда в карауле, бдительно охраняя завоевания апреля 1978 года, когда над древними вершинами афганских гор, среди его долин, над Кабулом, Джелалабадом — над всей страной взошло солнце первого дня новой жизни.

Недавно афганский народ отмечал свой большой праздник — День восстановления независимости. В этот день 60 лет назад он одержал победу в упорной и героической борьбе с иностранными поработителями. В поздравительной телеграмме, направленной Л. И. Брежневым и А. Н. Косыгиным руководителям ДРА, выражено пожелание дружественному афганскому народу дальнейших успехов в защите завоеваний апрельской революции от внутренней и внешней реакции, в деле строительства новой жизни, в обеспечении национального и социального прогресса страны.

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

МЕЖДУНАРОДНАЯ ПАНОРАМА

«Международная панорама» подготовлена по материалам ТАСС, журналов «Лайф» и «Штерн».

ЮЖНАЯ КОРЕЯ

СТРАНА ЗА РЕШЕТКОЙ

Заключенный за решетку южнокорейский рабочий поет песню протеста. Всех непокорных, всех протестующих режим Пак Чжон Хи стремится упрятать в тюрьму. Для этого у Пака есть огромная армия подавления. Только под ружьем у диктатора 600 тысяч солдат наземных войск. Все мужчины в возрасте до 35 лет раз в месяц проходят многочасовую военную подготовку. Учащиеся средних школ и студенты в маскировочной форме маршируют строевым шагом и учатся обращаться с винтовками во дворах школ и университетов. Страна превращена в военный лагерь.

Пак Чжон Хи усиливает репрессии против оппозиции. Диктатор издал четыре года назад указ о чрезвычайном положении, объявивший вне закона всякое политическое инакомыслие. Последовали аресты, террор по всей стране.

Недавно сотни полицейских совершили налет на штаб-квартиру Новой демократической партии, чтобы положить конец сидячей забастовке протеста против массовых увольнений, в которой участвовали более 170 женщин-работниц. Одна женщина погибла, около 50 получили ранения.

Диктатор расправляется и с непокорными журналистами. Радиостанция «Хангук мунхва» сообщила из Сеула об аресте главного редактора и двух сотрудников южнокорейской газеты «Минчжу чонсон». Вся вина их заключалась в том, что они осмелились осудить режим Пака. Сеульские власти поспешили упрятать журналистов за решетку.

В борьбу против тиранического режима, за демократию вступают все новые и новые силы.

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ

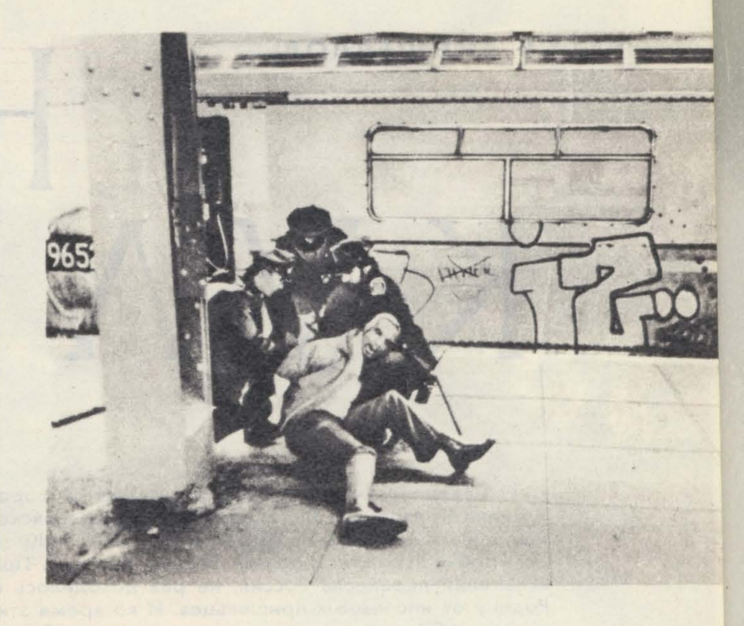
ДЕСЯТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

В столице Северной Ирландии Белфасте снова тревожно. Десять лет прошло с тех пор, как британские войска оккупировали Ольстер. Армия стала орудием подавления борьбы народа за гражданские права. Не проходит и дня, чтобы из этой части Соединенного королевства не поступали сообщения о кровавых расправах над мирными жителями. За десять лет, пишет газета «Ивнинг ньюс», были убиты 1936 человек, ранены 20 776 человек, большинство из них — гражданские лица.

В связи с десятой годовщиной ввода английских войск в Белфасте состоялась массовая демонстрация протеста. Британская армия и ольстерская полиция провели многочисленные рейды в католических кварталах Белфаста. Произведены аресты. В городе то тут, то там слышны выстрелы и автоматные очереди. Горят автомашины, дома, опрокинутые автобусы. На улицах Белфаста и других городов возникли баррикады.

Официальный Лондон, цинично игнорируя требования прогрессивной общественности о выводе английских «сил безопасности», по-прежнему проводит политику жестоких репрессий и грубого попрания прав человека в Северной Ирландии.

На снимке: таков «новый порядок», насаждаемый британскими войсками в Ольстере.

США

ПОДЗЕМНЫЕ ПРЕСТУПНИКИ

По признанию самих американцев, нью-йоркское метро — самая грязная и шумная система подземного транспорта в мире. Теперь у него появилась новая «слава». В начале этого года серия преступных акций была совершена в подземных лабиринтах. Поножовщина, драки, ограбления стали повседневным явлением жизни метро. Волна преступления оказалась настолько сильной, что мэр Нью-Йорка Эдвард Коч распорядился поставить дежурного полицейского в каждый поезд и на каждую станцию. Эти экстренные меры не снизили количества совершенных преступлений. Спустя только неделю после полицейской мобилизации был совершен 261 уголовный акт. Для преступников полутемные подземные лабиринты, коридоры, закоулки, узкие проходы и лестницы оказались тем «лесом», в котором они смогли легко совершать свои нападения. Особенно дурную славу приобрела станция «Таймс сквер». По словам полицейских, самым опасным поездом для пассажиров является поезд под номером 2, который идет из Бронкса через Манхэттен в Бруклин. Станции и поезда стали пристанищем бродяг, хулиганов, пьяниц и наркоманов. По словам одного полицейского, «подземка — рассадник преступности, и у нас не хватает сил и средств бороться с ней».

На снимке: станция «Таймс сквер». На этот раз преступник обезврежен.

ФРГ

ВСЕ ХУЖЕ И БЕЗЫСХОДНЕЕ

«Угнетенное меньшинство» — так названы дети и подростки в докладе национальной комиссии Западной Германии по проведению Международного года ребенка. В ФРГ насчитывается около 100 тысяч выпускников школ, которым негде обучаться специальности. Многие тысячи молодых людей имеют только временную работу. Весной они пополняют армию подсобных рабочих. Зимой они не находят и этой работы. Как только выпадает первый снег, на бирже труда начинают отмечаться отцы семейств.

Положение становится все хуже и безысходнее. Многие политические деятели, предприниматели и руководители ведомств по вопросам труда спешат прилепить молодым людям оскорбительные ярлыки: «не хотят учиться», «плохо учатся», «поддались дурному влиянию среды», «мало способны»,— утверждая, будто в этом и заключаются подлинные причины безработицы.

Слабые порой не выдерживают жизненной гонки и накладывают на себя руки. Так, журнал «Штерн» рассказал о двадцатилетней Габриэль, попытки которой найти свой путь в жизни кончились провалом. Ей удалось устроиться только на временную работу. Ведомство по вопросам труда подыскало ей место санитарки в приюте для престарелых. Работа девушке нравилась. Но сознание того, что через несколько месяцев она вновь окажется на улице, травмировало ее психику. В состоянии душевного надлома она вскрыла себе вены.

Школьники также чувствуют себя ущемленными. Безработица родителей, нехватка учителей в школах, равнодушие и жестокость буржуазного «общества потребления» — все это трагически сказывается на подрастающем поколении. Западногерманская печать сообщает чудовищные цифры: только в минувшем году четырнадцать тысяч школьников этой страны пытались покончить жизнь самоубийством, восемьсот из них погибли, как и запечатленный на снимке пятнадцатилетний Вальтер Г.

В. ЕНИШЕРЛОВ

НА ПОЛЕ КУЛИКОВОМ

Символично, что выставка произведений воронежского художника Василия Криворучко была развернута в московском Зарядье, в зале на улице Разина. Когда-то двигались по ней от Кремля воинские дружины, чтобы вступить в бой за землю русскую. Пролетели века. Много испытаний перенесла Россия, не раз доводилось ее народу отстаивать Родину от иноземных пришельцев. И во время этих тяжелых испытаний всегда обращались потомки к славному боевому прошлому своих пращуров, черпали в нем новые силы для борьбы с завоевателями.

Со стен одного из древнейших зданий Зарядья, где были выставлены картины Криворучко, смотрели на нас, людей конца XX века, Дмитрий Донской и Сергий Радонежский, гениальный Рублев и витязь Александр Пересвет, князь Дмитрий Бобрик и Феофан Грек... Мы погружались волей талантливого художника в глубины веков, в древнюю Русь, ходили по затейливым улочкам ее городов, любовались чудо-храмами, белоснежными церквами, воочию ощущали неприступность суровых крепостей, наслаждались поистине былинными просторами степей. Надо очень любить прошлое своей земли, чтобы так искренне и проникновенно воспевать его на холсте, как это удается Криворучко. И, кроме обязательного мастерства, следует обладать еще изрядными знаниями истории, надо быть исследователем и, конечно, гражданином, осознающим неразрывную связь времен, преемственность традиций.

Задачи, которые ставит перед собой истинный художник, работающий над историческими сюжетами, неизмеримо шире и глубже, чем достижение максимальной точности в изображении внешнего вида зданий, одежды и утвари, той этнографической скрупулезности, которая характеризует научную работу. Художник стремится передать на полотне эпоху, дыхание времени, характеры и судьбы людей. Слов нет, внимание к детали необходимо, но мастер всегда идет дальше наивного правдоподобия — ибо он творец и в конечном счете создает свой, особый мир. Но все-таки достичь той внутренней свободы, которая характеризует произведения лучших исторических живописцев, можно лишь на прочном фундаменте знаний. Василий Криворучко постигал историю России и в тихих читальных залах библиотек и под сводами музеев и архивохранилищ; он прошел, проехал, изучил многие старые русские города и памятники. Художник смотрел, размышлял и постоянно рисовал. Десятки, сотни эскизов, набросков, этюдов, написанных в разное время дня, при разном освещении, непрекращающийся поиск цветовой гаммы, собственного живописного языка — на это уходили годы, и каждый приближал его к этапным работам, воспевающим военные подвиги древней Руси.

Не только из летописей и книг знает Василий Криворучко, что такое война. Быть может, кровавое зарево, заливающее фигуры воинов на картине «Суздаль. Возвращение после похода. XIV век», видел боец Криворучко сам, после одного из сражений Великой Отечественной, которую он прошел всю, закончив в бастионе фашизма — Берлине. Было бы наивно думать, что отгремевшие залпы забылись, что ушли в тишь воспоминаний бои, землянки, гибель друзей, страшные будни войны. Именно тогда выковывалось мировоззрение художника, утверждался его взгляд на духовный мир русского человека, росла любовь к родной природе, к земле, на которой вырос и которую защищал.

И именно потому так разительно звучат на полотнах Криворучко контрастные темы — тихие, нежные мелодии мирного сельского пейзажа, небольших городов, древних построек и резкая, набатная тема сражения, битвы,— что довелось ему самому испить горькую чашу войны и познать радость мира.

Интерес к произведениям древней русской архитектуры приводит художника после войны в Новгород и Псков. Казалось бы, выбирает он путь проторенный, а потому в искусстве вдвойне опасный. Ведь что может быть страшнее для художника, чем повторение уже сделанного до тебя, повторение, быть может, интуитивное, подсознательное, и все же...

И вот перед нами «Храм во Пскове». Какая тишина разлита на этом полотне. Великолепна серебристо-голубая цветовая гамма, четки строгие линии древней церкви, как бы замершей на холме на фоне беспредельного неба. Картина удивительно гармонична, и ее скромная лирика дает возможность почувствовать всю прелесть древней псковской архитектуры, такой поразительно простой и прекрасной.

А в Новгороде художник увидел очень по-своему одну из улиц торговой стороны. Прилепились друг к дружке, сбились в кучу темные деревянные домишки, а за ними лебедем белоснежным взметнулось здание древнего собора. Это чудо белокаменное реет в воздухе подобно парусу рыбацкой ладьи, бегущей по раскинувшемуся на заднем плане озеру.

Перед этими полотнами вспоминается, что, увы, не всегда, далеко не всегда с должным вниманием относились мы к своему достоянию — памятникам минувшего. Незадолго перед революцией критик Сергей Маковский писал: «Многих как будто раздражает желание двух-трех молодых художников, полюбивших старину, напомнить обществу о ее красоте, напомнить о неисчерпаемых богатствах великого, тихого творчества народного. Вообще, как мало сочувствия, как мало уважения кругом ко всему нашему, исконному, медленно выросшему из родной почвы, унаследованному от времен дедовских! Стоит хоть раз проехаться по старым историческим городам России, чтобы понять, до какой степени они заброшены, забыты, никому не нужны. Памятники искусства, сохранившиеся кое-где, как сказочные оазисы среди пустынь нашей провинциальной скуки и грязи,— свидетели единственные минувшего — стоят без призора, заваленные мусором, не вызывая ни в ком благоговения». Именно художники разбудили в русском обществе интерес к старине. Ушедшие в своем творчестве, казалось бы, в дела дней давних, они отлично осознавали, что прошлое — трамплин для будущего, и последовательно занимались сложнейшими проблемами выявления и охраны памятников.

Так создавалась своеобразная живописная летопись Руси. Свое место заняли в ней работы лиричнейшего Нестерова и исторически точных, самобытных братьев Васнецовых, сказочника Билибина и мудрого Н. Рериха и многих других интереснейших мастеров. Связь времен не прерывается и в современном искусстве. И Василий Криворучко один из тех советских художников, кто, наследуя традиции, плодотворно развивает их.

В. Криворучко поистине безудержен в своих поисках, поездках по древним русским городам и окраинным землям. На его полотнах появляются овеянные веками стены Ростова Великого и гениальное творение рук человеческих, одно из чудес света — церковь Покрова на Нерли; художник пишет Золотые врата в Суздале и Соборную площадь во Владимире; его влечет к себе град легендарного Трувора и тревожный силуэт Мирожского монастыря. Криворучко по крупицам собирает материал, аккумулирует знания и впечатления о древней Руси для основного труда, которому посвятит многие годы.

Мало кто так знает ныне Куликово поле, как Василий Криворучко. Он перенес на полотна самые отдаленные его уголки. Он писал здесь пейзажи, когда только-только начинали зеленеть нивы и когда рощи подергивались темным золотом осени, на его картинах и село Монастырщина при слиянии Непрядвы и Дона, близ места, где переправлялись полки Дмитрия Донского, и памятник на Красном холме, отлитый по проекту архитектора А. П. Брюллова, и мемориальный храм в честь Сергия Радонежского, вдохновившего русские войска на победу. На картинах Криворучко зримо оживает историческая Задонщина, где 599 лет назад в смертельной схватке отстаивали русские воины свободу и независимость своей страны.

Постичь образ русского воина, передать ожесточенность сражения стремится художник в больших, обобщающих полотнах цикла «На поле Куликовом». О многом рассказывает одна из картин этого цикла — «За землю русскую». Решителен князь Дмитрий. Настал час кровопролитного боя, в котором должна определиться судьба России. Мужественное, суровое лицо Дмитрия отражает сосредоточенность полководца, тревогу и непреклонную волю биться до победы. Нет в этом полотне патетики и показной красивости. Тонкими пластическими средствами, интересно решенной композицией, насыщенным напряженным цветом достигает художник психологически выверенного, точного решения сложной темы — народного подвига во имя Родины.

В стремительной, динамичной работе «Куликовская битва» передает художник драматизм и крайнюю напряженность зенита сражения, и как бы оживают строки «Задонщины»: «Наехали русские сыны на сильную рать татарскую, ударили копьями харалужными о доспехи татарские, взгремели мечи булатные о шеломы татарские на поле Куликове, на реке Непрядве».

Потемнело небо над полем брани, застонала земля, гремит смертельная сеча. Монументальное, запоминающееся полотно венчает цикл, посвященный подвигу русского народа на поле Куликовом.

Этот цикл тем более значителен, что живописных творений о «символическом моменте русской истории», Куликовской битве, создано на удивление немного. Тем отраднее пристальный интерес и упорная работа В. Криворучко над произведениями о героической борьбе русского народа с завоевателями в XIV веке.

От картины к картине шли мы с художником по залам выставки. Он рассказывал о своих работах, поисках, говорил о творческих планах. И вдруг остановился у романтического портрета молодого Дмитрия Ивановича — великого князя Московского.

— Я писал этого юношу, будущего князя Дмитрия Донского,— сказал художник,— и мечтал, чтобы когда-нибудь хоть несколько моих картин оказались в музее на Куликовом поле. Его нет пока, этого музея. И долг наш — его создать. Ведь всего год остается до шестисотлетия битвы. А на поле Куликовом еще непочатый край работы, и выполнить надо ее достойно, ведь в этом наш долг перед славными предками, перед историей Родины и, безусловно, перед потомками.

...Живет в степном Воронеже хороший художник, ему есть что поведать зрителям, и он бережно ведет их в глубь истории к тем героическим истокам, о которых помнить будем мы вечно — пока стоит земля русская. Его работы нужны людям, в них дышит живая память старины, память о героическом прошлом.

В. Криворучко. Род. 1919. ЗА ЗЕМЛЮ РУССКУЮ. 1972.

ЗОЛОТОЕ ПОЛЕ. 1978.

В. Криворучко. КИЖИ. 1966.

СУЗДАЛЬ. ВОЗВРАЩЕНИЕ
ПОСЛЕ ПОХОДА XIV в. 1976.

МАТЕРИНСКИЕ ГЛАЗА

Ободияв ШАМХАЛОВ

•

Опять с тобой мы расстаемся, мама,
Прощаюсь я, в дорогу торопясь.
Перед разлукой долго и упрямо
Не сводишь ты с меня тревожных глаз.
Велик простор, и путь лежит далекий,
И пусть придется туго мне не раз, —
Мой трудный путь и песенные строки
Согреешь ты сияньем чутких глаз.
Добро и зло, что ходят рядом с нами.
Движенье сердца, скрытое подчас, —
Ты все измеришь строгими глазами,
Нет справедливей материнских глаз.
Когда восходы серы и унылы
И ветер бьет в лицо, ожесточась,
Мне придает уверенность и силы
Спокойный свет твоих лучистых глаз.
Ты пожелай мне радости грядущей,
Ты повели, чтоб радуга зажглась.
Твои глаза добры и всемогущи —
Померкнет мир без этих добрых глаз.

ОТЦУ

Мне кажется, что ты и ныне рядом,
Что я заговорить с тобой могу,
Ты комнату обводишь долгим взглядом,
Задумчиво садишься к очагу.
И хабарча[1] твоя на прежнем месте,
И, как всегда, папахи на гвозде,
И все, как встарь, и мы с тобою вместе.
И нас вовек не разлучить беде.
Но если это так, то отчего же
Часы выстукивают без конца:
— Отец твой умер! У-мер!
Нет от-ца!
И поутру, в рассветном алом дыме,
И в поздний час, когда сгорит закат,
Так горестно за окнами моими,
Так исступленно ветры голосят.
И тяжело вздыхают аульчане,
И утешают добрые друзья,
И мать склоняет голову в молчаньи,
И слезы застилают ей глаза...

•

В свинцовой дымке, в пепельном тумане
Над городом пустынный небосвод.
Над городом восход маячит ранний
Так немощно — тоска, а не восход.
Здесь, в спешке, в суете неугомонной,
С годами человеку все трудней
Остаться верным простоте исконной
И первозданной доброте своей.
И все же зов природы изначальной,
Сквозь камень и железо просочась,
Как отзвук песни, светлой и печальной,
Коснется и его души подчас.
Но иногда в толпе, на перекрестке,
Замедлит шаг, не зная отчего,
Взгляд прояснится, пасмурный и жесткий.
Смягчится строгое лицо его.
И человек проснется в человеке
И ощутит, став чище и добрей,
Тепло земли, родной ему навеки,
И легче будет жить ему на ней.

•

Хотел бы я, забыв про дождь осенний,
Про то, что опечален и устал,
Уткнуться в материнские колени
И так уснуть —
Как в детстве, может, спал.
И, пробудясь и ни о чем не помня,
Взойти над долом по уступам круч,
Чтоб было тучи высмотреть легко мне
И сшить папаху из лохматых туч.
И за полночь на мшистых росных склонах
С ребятами аульскими играть
В разбойников
И на холмах зеленых,
Как было встарь, зарю встречать опять.
Хотел бы в сагуле я позабытой
С отцом вести беседу не спеша,
Чтоб звезды плыли над отарой сытой
И полнилась надеждами душа.
И знал бы я —
Начнется от рассвета
Дорога, у которой нет конца.
Она улыбкой матери согрета
И словом окрыляющим отца.
Все впереди:
И травы в зыбком свете,
И та любовь, что я давно искал —
Таинственная, словно звезды эти,
И древняя, как гребни этих скал.
И будет мир распахнутый лучиться,
Чтоб, как ребенок, радостно дивясь,
Его неповторимые страницы
Я каждый раз читал, как в первый раз.

•

Когда Хунзах осенний от печали
Темнеет, словно спрятавшись в тени,
И падают дожди, и серы дали,
Как старости неласковые дни,
Когда с утра вершины в тучах рваных
Свои седины прячут, и вдали,
Захлебываясь в сумрачных туманах,
Летят, курлыча, к югу журавли, —
Тогда во мгле, как бы в разрывах дыма,
Порою кажется невольно мне,
Что все вокруг неслышно и незримо
Растворено в извечной тишине.
И годы прошлые встают, как тени,
И чувствуешь острей в осенней мгле
Тревожным сердцем, словно в озареньи,
Как быстролетно время на земле.

Перевел с аварского
Яков СЕРПИН.

ЛЕГЕНДЫ РАССКАЗЫВАЮТ...

Вековечные легенды, пережитые века
Говорят — земли опора рога мощного быка.
Говорят еще легенды, что затеряны в веках,
Что покоится извечно вся земля на трех китах.
Так и есть: легенды — лишь легенды,
А не жизнь.
Окружает землю небо, окружает землю высь.
Землю нашу с городами, всю в звенящих проводах
Держат нежно и надежно
Наши матери в руках.
В мире, где сады залиты половодьем белизны,
Сохранить должны мы землю
От разора, от войны.
Пусть цветет земля родная, будет пусть всегда в цветах.
Корни древа светлой жизни — в наших душах и в сердцах.
Пусть качается планета в колыбели из широт,
Пусть же ей всегда свобода
Колыбельные поет.

МАТЕРИ

> Думая о тебе, я всегда вспоминаю твои слова, мама: «Поздно мы любим, поздно!»

О мама,
Моя светлая печаль,
Заноза моей совести бессонной.
Знай, в сердце у меня любви печать.
Как не жалеть мне возраст твой преклонный.
Нет сына твоего,
Нет, для тебя
Даже на день единственный, как плаха,
Не встану я, прошедшее губя,
Из серых буден
Из тоски,
Из страха.
О мама, мама,
Не растает лед
В душе твоей, что лучше нет на свете.
Тоска по небу чистому сосет
Меня, пока зовет в дорогу ветер.
О мама,
Ты в душе моей, как рок,
Всегда, как вечно ноющая рана,
Всего, что не успел свершить, упрек.
Пресветлая печаль моя ты,
Мама...

Перевел с аварского
Вл. ЦЫБИН.

[1] Хабарча — овчинный полушубок.

ВОСП
ЧЕЛ

«КИНО — МОГУЧЕЕ СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ. ПОЭТОМУ ВЕСЬМА ВАЖНО, ЧТОБЫ ЕГО ВЛИЯНИЕ БЫЛО ИСПОЛЬЗОВАНО НА БЛАГО, А НЕ ВО ЗЛО ЧЕЛОВЕКУ, ЧТОБЫ ОНО МОГЛО ВОЗВЫШАТЬ ЛИЧНОСТЬ, ПРОБУЖДАТЬ В ЛЮДЯХ БЛАГОРОДНЫЕ ЧУВСТВА И МЫСЛИ» — СКАЗАНО В ПРИВЕТСТВИИ ТОВАРИЩА Л. И. БРЕЖНЕВА УЧАСТНИКАМ И ГОСТЯМ XI МОСКОВСКОГО МЕЖДУНАРОДНОГО КИНОФЕСТИВАЛЯ.

Ал. РОМАНОВ

«Ленин в 1918 году».

«Чапаев».

Советское киноискусство — неотъемлемая и притом весьма значительная часть духовной культуры социалистического общества. Оно мужало, набирало силы, совершенствовалось вместе со всей страной — и как искусство, любимое и особо ценимое партией и народом, и как общественное явление, с которым связаны коренные преобразования в интеллектуальном и нравственном развитии общества, в жизни едва ли не каждой советской семьи и каждого советского человека.

Кинотеатр посещают люди в любом возрасте. Но особенно велико влечение к кинематографу у молодежи; для нее посещение кинотеатра — одно из правил повседневного быта. Значит, если в среднем по стране каждый советский гражданин бывает в кино 17 раз в год, то для молодых людей цифра эта возрастает до 50—60 посещений; и каждое связано не только с восприятием фильма, но и с непременным его обсуждением в кругу семьи, друзей... Любой киносеанс, следова-

ИТАНИЕ ОВЕЧНОСТИ

60 ЛЕТ СОВЕТСКОГО КИНО

тельно,— это акция просвещения и воспитания населения, а для зрителя — урок политический и нравственный. Урок воспитания чувств, урок человечности.

За минувшие 60 лет советские киностудии (теперь их тридцать девять) выпустили более четырех тысяч полнометражных художественных картин. В девятой и десятой пятилетках ежегодно создавалось до двухсот художественных фильмов для киноэкрана и телевидения и около тысячи двухсот документально-хроникальных, научно-популярных, мультипликационных и учебных короткометражных лент. Конечно же, это были разные фильмы, очень разные по творческому почерку их создавших художников: режиссеров, сценаристов, актеров, композиторов. У каждого своя тема, своя форма, свои приемы выразительности, наконец, свое отношение к жизни. И восприятие их зрителями тоже далеко не одномерное: иным творениям сопутствует заслуженная слава и завидное долголетие, многим — увы! — справедливая критика и неминуемое забвение. Говорят: третьего не дано... Не дано?.. Так ли это?

Думается, такое суждение было бы опрометчивым, а во многом и несправедливым.

Слов нет, созданным в разное время, лучшим по содержанию и мастерству произведениям советских кинохудожников присуща и большая степень эмоционального воздействия на зрительскую аудиторию, а значит, и более высокий идейно-художественный потенциал. Но есть у них и нечто общее, о чем не следует забывать. Все эти фильмы — **советские.** Создавали их советские художники, конечно, разные по таланту и мастерству, но отнюдь не противостоящие друг другу по мировоззрению. Их объединяет идеология, единый творческий метод — метод социалистического реализма, единая советская кинематографическая школа, советское отношение к жизни, впитанное с детских лет, и этим отношением порожденная высокая человечность нашего киноискусства.

Это не бескрылая, абстрактная, умозрительная человечность, далекая от житейских проблем и в силу этого лишенная социально-нравственного смысла. Нет, это человечность действенная, воинствующая, преобразующая внутренний мир и личные качества людей. Человечность, чуждая духу жестокости и насилия, национальной и расовой розни, чем пропитан буржуазный кинематограф, направляемая и вдохновляемая нравственным идеалом коммунистического общества.

Правдивое отражение жизненных явлений и их революционное осмысление, поиски совершенного в революционной действительности, стремление показать мир не только таким, каков он есть, но и каким хотел бы его видеть художник, вдохновленный ленинской правдой великой революции,— этими идеями проникнуты уже ленты Дзиги Вертова и его друзей — «киноков». Особенно волнующим был выпуск его «Киноправды», посвященный В. И. Ленину, и фильмы: «Три песни о Ленине», «Шагай, Совет» и «Шестая часть мира».

А Сергей Эйзенштейн? В свое время он писал, что углубление в историю партии и революционное прошлое русского народа дало ему то идеологическое накопление, без коего невозможно большое искусство. Героями его первой картины — во многом еще несовершенной «Стачки» — были простые рабочие люди. Но это были уже новые герои киноискусства — красивые, сильные, мужественные, спаянные единством мысли, воли и революционного действия. Затем «Броненосец «Потемкин», его революционные матросы. Это был не просто немой фильм, это был звучащий гимн революции. Он вошел в историю мирового кино прежде всего теми сценами, где с особой силой выражена человечность, человеческое достоинство героев... Вот по команде палача-офицера накрыты брезентом матросы, отказавшиеся есть гнилое, червивое мясо. Сейчас их расстреляет конвойная команда. «Братья, в кого стреляете?» — звучит с орудийной башни голос Вакулинчука. Не забудем — фильм немой. Но возглас-то, словно раскат грома, **звучит** в замершем зрительном зале... Или сцена расстрела демонстрантов на приморской лестнице. Навстречу стреляющим солдатам мать несет на вытянутых руках убитого ребенка... В той же сцене молодая мать падает на коляску с ребенком, своим телом защищая жизнь.

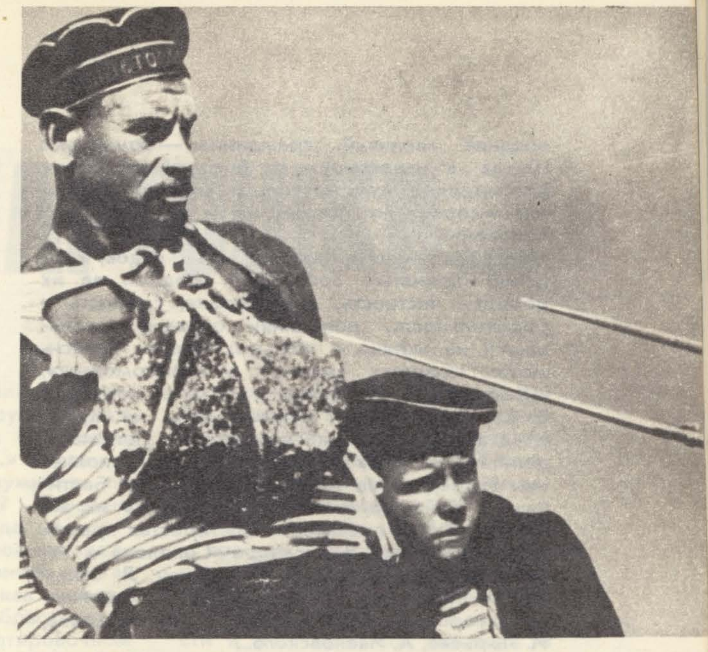
А Всеволод Пудовкин? Его русский рабочий, белозубый, сильный Павел Власов, с искрящимися глазами. Образ этот в фильме «Мать» создал Николай Баталов. И он и Ниловна, простая русская женщина, сыгранная Верой Барановской, живут и ныне, воздействуя на сознание миллионов.

В 1958 году на Всемирной выставке в Брюсселе мне довелось быть свидетелем того, с каким удовлетворением и единодушием посетители и пресса восприняли сообщение Международного бюро критиков о том, что фильмы «Броненосец Потемкин» и «Мать» отнесены к числу двенадцати лучших фильмов «всех времен и народов».

А Александр Довженко? Его бессмертный Тимош — рабочий-коммунист, герой фильма «Арсенал» и тракторист Василь, принявший смерть за великое дело преобразования села, герой фильма «Земля»,— и они остались в нашей памяти навсегда.

...Шли годы. Кино обрело звук. Художественная сила экрана словно бы удвоилась. Но неизменной осталась его генеральная тема — тема переустройства жизни и сознания людей на началах социализма, тема активной, не затихающей борьбы за нового человека. Первая же советская звуковая картина — «Путевка в жизнь» Николая Экка — о трудовом перевоспитании беспризорных детей, лишенных крова и семьи, о восприятии людьми с улицы новой, социалистической морали — весомый вклад в художественное воплощение этой темы новыми средствами киноискусства.

В первой половине тридцатых годов появились «Чапаев» Г. и С. Васильевых, «Юность Максима» Г. Козинцева и Л. Трауберга, «Крестьяне» Ф. Эрмлера, где образы большевиков: полководца Чапаева, партийца-подпольщика Максима и начальника политотдела МТС Николая Мироновича, созданные Б. Бабочкиным, Б. Чирковым, Н. Боголюбовым,— по существу, положили начало созданию живой галереи образов героев русских коммунистов: умных, преданных делу социализма и непримиримых к врагам. Их уже можно и видеть, и слышать, и словно бы общаться с ними. Чапаев, Максим, Николай Миронович (как

«Мы из Кронштадта».

«Выборгская сторона».

«Путевка в жизнь».

«Иван Грозный».

позднее «великий гражданин» — коммунист Шахов в исполнении Н. Боголюбова) стали властителями дум не только людей тридцатых — сороковых годов, но и последующих поколений.

Галерею кингероев тридцатых годов, сердечно принятых советскими людьми за их доброту, честность, дружелюбие, смелость и решительность, пополнили образы, появившиеся на экране в фильмах Сергея Герасимова: «Семеро смелых» и «Комсомольск», «Шахтеры» С. Юткевича и «Ночь в сентябре» Б. Барнета, Ефима Дзигана «Мы из Кронштадта». Незабываем профессор Полежаев, депутат Петросовета, в блестящем исполнении Н. Черкасова из фильма «Депутат Балтики» И. Хейфица и А. Зархи; героиня из же фильма «Член правительства», простая крестьянка-колхозница Александра Соколова в исполнении Веры Марецкой; наконец, Л. Орлова, М. Ладынина, З. Федорова, Л. Целиковская, героини кинокомедий Г. Александрова, И. Пырьева, А. Ивановского...

В это же время режиссеры М. Ромм и С. Юткевич создали первые игровые фильмы о Ленине.

Покоряющий образ вождя с большой глубиной и любовью воплотили замечательные актеры Борис Щукин и Максим Штраух.

С появлением этих картин тема воинствующей человечности в советском киноискусстве поднялась на новую ступень; воспитательное их значение поистине трудно переоценить.

Постижение ленинского миропонимания, взглядов на жизнь, отношения Ильича к окружающим людям, ленинские принципы революционного гуманизма, получив образное отражение на массовом киноэкране, стали подлинной школой действенного патриотизма для бесчисленных зрителей города и села в канун Великой Отечественной войны.

...В годы войны, суровые, грозные, кровавые, советское искусство кино отнюдь не утратило своей отличительной черты — одухотворенности идеями социализма и человечности. Защита Советской Родины, чести и свободы советского человека, воспитание стойкости, непримиримости, несгибаемости духа — вот тема киноискусства. А во фронтовых условиях кинокамера по значению своему может быть приравнена к боевому оружию.

Огромную роль играли фронтовые кинорепортажи, «Боевые киносборники», документально-публицистические фильмы, и короткометражные и полнометражные. Первой полнометражной документальной лентой был «Разгром немецко-фашистских войск под Москвой» И. Копалина и Л. Варламова. Показ картины в кинотеатрах страны сопровождался патриотическими манифестациями и митингами. Первым полнометражным художественным фильмом о войне стала картина И. Пырьева «Секретарь райкома» (сценарий И. Прута).

Замечательные советские актеры В. Ванин и М. Жаров создали глубоко достоверные, словно выхваченные из жизни мужественные образы героев народной войны — секретаря райкома Кочета, организатора и руководителя партийного подполья, и старого солдата Русова, крестьянина-патриота — яркие индивидуальности покорили сердца миллионов зрителей. Убежденные, бесконечно смелые люди, преданные общенародному делу, они готовы отдать жизнь во имя победы.

Неизгладимое впечатление оставили появившиеся позднее «Радуга» М. Донского (по повести В. Василевской) и «Зоя» Л. Арнштама.

А можно ли забыть страшные испытания, что выпали на долю украинской крестьянки Олены Костюк — патриотки, чей образ с необычайной силой создала актриса Наталия Ужвий, ныне народная артистка СССР, Герой Социалистического Труда. Прошло 35 лет с тех пор, как впервые мы увидели этот фильм. А кажется, будто смотрели его только вчера. Смотрели, сжимая кулаки, проклиная палачей.

«Радуга» потрясла не только советских людей, чью землю топтал враг. И за рубежом фильм многим открыл глаза на те нечеловеческие страдания, которые обрушил на нас гитлеризм, на то мужество и стойкость, которые проявил наш народ в войне за свою честь и свободу. В телеграмме, полученной М. Донским от президента США Франклина Рузвельта, сообщалось, что «Радугу» смотрели в Белом доме и что она будет показана американскому народу. На просмотр в Белый дом был приглашен переводчик, но, говорилось в телеграмме президента, «мы поняли почти все без перевода».

Истинное искусство, пронизанное благородной идеей возвеличения человеческого достоинства, действительно в переводе не нуждается. Без перевода воспринимали зарубежные зрители тогда же появившийся фильм «Зоя», где Г. Водяницкая создала незабываемый образ московской школьницы-комсомолки.

Носителями высоких идей советского патриотизма, коммунистических принципов воспитания человека в годы перед войной были герои и многих других, созданных уже в военное время художественных лент, над которыми работали выдающиеся мастера советского киноискусства, мобилизуя силы народа — армии и тыла — на разгром врага.

Не менее значимыми для патриотического воспитания населения были фильмы о минувшей войне, вышедшие уже в последующие годы. Так, в фильме С. Герасимова «Молодая гвардия», поставленном по одноименному роману А. Фадеева, навеки запечатлены простые, бесхитростные и отважные герои Краснодона. Великолепным апофеозом серии военных лент явилась осуществленная Ю. Озеровым на киностудии «Мосфильм» киноэпопея «Освобождение». С необычайной мощью в пяти фильмах серии передана сила духа советских людей, беспредельная преданность их своему Отечеству и ленинской партии.

В послевоенные годы многие советские киностудии создали фильмы о войне. Но в большинстве этих лент преобладала уже не батальная, а скорее морально-этическая тема — тема **поведения** человека на фронте и в тылу, отношения к своему долгу. Иначе говоря, тема моральной чистоты и нравственной стойкости. Такими были запомнившиеся зрителям образы, созданные Татьяной Самойловой и Алексеем Баталовым в фильме М. Калатозова «Летят журавли»; В. Ивашовым и Е. Урбанским в «Балладе о солдате» Г. Чухрая, С. Бондарчуком в им же поставленном фильме «Судьба человека»; С. Закариадзе — в «Отце солдата» Р. Чхеидзе...

...Борьба за ум и сердце человека, за непреходящие духовные ценности социалистического общества остается и в послевоенные годы главной темой советского киноискусства. Роль кино в формировании мировоззрения нравственных убеждений, духовной культуры не только не утратила значения, но с развитием новой техники кинематографа — внедрением цвета и стереозвука, широкого экрана и широкого формата, различных ракурсов съемки, внутрикадрового движения и в особенности крупного плана, наконец, с широчайшим распространением телевидения, в особенности цветного, возросла многократно.

Обратимся ради примера к некоторым фильмам последних лет.

«Коммунист» Ю. Райзмана остался в памяти зрителей прежде всего образом героя, созданным Евгением Урбанским; это честный, открытый, не останавливающийся ни перед какими трудностями коммунист Губанов, убитый кулачьем. Столь же ярко и сильно передана органическая нерасторжимость, духовная преемственность поколений в образе его сына, тоже коммуниста, волевого, принципиального человека в фильме Ю. Райзмана «Твой современник» в образе, созданном И. Владимировым.

Миллионам кинозрителей пришелся по душе образ Башкирцева, генерального конструктора космических ракет и кораблей. Он наделен неукротимой энергией ученого-новатора и вместе с тем не очень-то счастливый в личной жизни человек, ошибающийся и увлекающийся. Эта роль, блестяще исполненная К. Лавровым в фильме «Укрощение огня» Д. Храбровицкого, сделала мастерство актера известным всему миру. Удивительно близкий людям, симпатичный образ человека увлеченного, инженера-строителя Черных, созданный В. Шукшиным в фильме С. Герасимова «У озера», столь же дорог советским людям, страстной заинтересованностью в любимом деле и личным бескорыстием.

Думается, зрители навсегда запомнили то грустный, то гневный, то отрешенный, но всегда словно бы обращенный с экрана к каждому, кто сидит в зале, взгляд советского разведчика Исаева-Штирлица, сыгранного В. Тихоновым в многосерийном телевизионном фильме «Семнадцать мгновений весны». Зрителям хочется сказать: «Вот настоящий человек!» — помочь герою хоть чем-то.

А сколько духовно богатых, красивых, умных советских женщин открыл нам экран в своей повседневной борьбе за нового человека! Вспомним сыгранную В. Заклунной решительную, гордую сибирскую коммунистку, руководителя городской партийной организации в фильме А. Салтыкова «Сибирячка». Вспомним Соню из фильма К. Ершова «Родная кровь», так выразительно показанную Вией Артмане; или героиню Н. Аринбасаровой в фильме «Песнь о Маншук» М. Бегалина. Или Майю Аймедову в фильме «Невестка» Х. Нарлиева. Сколько в этих прекрасных образах душевной красоты и готовности к подвигу!

Предвижу, что меня могут спросить: неужто у нас совсем нет картин, где не воплощена должным образом ленинская мысль об истинном искусстве для народных масс?

Как ответить на этот вопрос?

Миллионы советских зрителей искренне радуются каждому новому значительному кинопроизведению. И столь же искренне огорчаются, когда жизнь оказывается богаче, чем ее художественное отражение на экранах. Или когда персонажи многих и многих картин явно уступают реальным советским людям и в уровне развития и в душевности, обаянии...

Сказать — как не раз уже было сказано,— что, мол, время от времени появляются у нас и такие кинопроизведения, которые именуются «слабыми», «серыми», «вторичными»,— этого, думается, мало. В постановлении ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию советской кинематографии» от 22 августа 1972 года сказано прямо, что нашему кинематографу «недостает глубины в художественном отображении важнейших процессов современности», что некоторым кинофильмам «не хватает идейной целеустремленности, четкого классового подхода к раскрытию явлений общественной жизни».

Эти негативные явления имеют место в нашем кино и по сей день. Зрители все еще сталкиваются с поверхностным, односторонним истолкованием событий и фактов советской действительности. Бывает и так, что в силу неправильно понятой задачи объективного отображения действительности в фильмах отсутствует четкий отбор явлений жизни. И тогда выплывают на экраны кино и телевидения фильмы, где видишь грубость и черствость, потасовки и пьянство, свинское отношение к женщине, постыдное поведение в семье и обществе.

Авторы картин такого рода словно бы чураются утвердившихся в нашем обществе и законодательно закрепленных Основным Законом страны норм человеческого общежития. Словно бы остерегаются показа благородных нравственных черт в характере человека, которых он лишен в мире капитала, где властвует один закон: человек человеку — волк.

Слов нет, таких фильмов немного и становится все меньше. Но неизменно отрицательной остается реакция зрителей на появление такого рода лент, ненужных, оскорбляющих высокое достоинство советского человека.

Правдиво и увлекательно рассказать о новом в нашем обществе, в характере людей, посвятивших себя осуществлению коммунистических идеалов,— что может быть важнее для художника кино! Зрители ждут от самого массового из искусств, как писал Л. И. Брежнев, обращаясь к работникам «Мосфильма», «новых кинопроизведений всех жанров и видов, значительных по содержанию и интересных по художественному воплощению, произведений, которые будят мысль, помогают глубже осознать смысл эпохи, в которую мы живем, правдиво показывают живые образы наших современников, укрепляют в человеке благородные нравственные начала, которые необходимы строителям коммунизма».

...Ежедневно и ежечасно художник-кинематографист встречается с миллионами, сотнями миллионов человеческих глаз, с неизменной любовью и надеждой ожидающих этой встречи. Он не может не ответить любовью, не может не оправдать возлагаемых на него надежд. В его руках сильнейшее идеологическое и художественное средство общения с людьми и их воспитания.

Воспитания человечности.

НЕ ИЗМЕНИЛСЯ ВКУС КАРТОШКИ...

А. ЩЕРБАКОВ

Сперва два эпизода:

Эпизод первый

— Петрович, ты у нас генеральный конструктор, придумай что-нибудь для картофелесажалки, жалуются люди, неудобно бункер загружать, и времени на загрузку уходит много...

Петрович — колхозный кузнец, из тех смекалистых деревенских мастеровых, что славятся неистощимостью выдумки и золотыми руками. Он, если возьмется, непременно усовершенствует машину, будь то сеялка, или кормозапарник, или зерносушилка.

— Займусь... Раз нужно, председатель, что-нибудь придумаем.

К выходу сеяльщиков в поле Петрович успевает переделать бункер картофелесажалки так, что его можно загружать прямо из кузова автомашины и не нужно таскать по полю мешки на плечах, и посадка идет быстрая.

Председатель хвалит Петровича: вот что значит мобильная техническая мысль, вот что значит ответственность за общее дело!

Эпизод второй

Разговор в Министерстве торговли БССР.

Корреспондент:

— При министерстве создано специальное конструкторское бюро, разрабатывающее технику и технологию длительного хранения картофеля, овощей и фруктов. Ощутимо ли его существование?

Ответственный работник министерства:

— Такое бюро создано, действует. Перспективы заманчивые. Но это завтрашний день. А сегодня у нас не хватает даже самых обычных картофелехранилищ — обеспеченность республики 65 процентов.

...Два эти эпизода в какой-то мере дают представление о том, что изменилось за два примерно года — с тех пор, как журнал «Огонек» (№ 37, 1977) выступил со статьей «Вкус картошки». В статье затрагивались проблемы выращивания, транспортировки, переработки и хранения картофеля, некоторые из этих проблем тогда решались плохо.

Редакция получила ответы от трех министерств — сельского хозяйства СССР, тракторного и сельскохозяйственного машиностроения СССР и нефтеперерабатывающей и нефтехимической промышленности СССР. Признавая выступление журнала полезным, министерства сообщали, что предполагается предпринять, дабы поправить дело.

Что же изменилось на картофельном поле и вокруг него за два года?

Как известно, решением правительства повышены закупочные цены на картофель. Это, естественно, повысило заинтересованность хозяйств в его выращивании — есть основание ждать и рентабельности и прибыльности. Заметны достижения белорусских картофелеводов. В 1978 году собран урожай по 184 центнера клубней с гектара — такого республика прежде не получала никогда.

Налаживается выращивание элитных семян картофеля на безвирусной основе, что сулит тоже прибавку урожая. В лучшую сторону меняется отношение к семеноводству. Прижившиеся специализированные звенья по возделыванию картофеля гарантируют квалифицированную заботу о его судьбе на поле.

И тем не менее дела картофельные за два года почти не сдвинулись с места. Может быть, срок слишком малый? Смотря для чего. Вывести, например, новый сорт, испытать его, районировать и дать путевку в массовое производство — двух лет, конечно, недостаточно. Изменить что-то в организационной структуре, во взаимоотношениях ведомств, институтов, отвечающих в какой-либо мере за картофель,— времени хватит. Суть в ином. По-прежнему нет комплексного решения картофельной проблемы. К огромному полю протоптаны сотни дорог и тропинок, но идущие по ним — кто быстрее, кто медленнее — на поле встречаются редко, а то и вовсе не встречаются и не могут из-за этого как следует скорректировать свои усилия, чтобы добиться больших, стабильных успехов.

Вот, скажем, семеноводство. Даже в Белоруссии, где создано специализированное «Белсемкартофельобъединение», где есть институт картофелеводства с надежной репутацией, существует дефицит ранних и среднеспелых сортов. А это неизбежно нарушает пропорцию в посевах. И выходит: раннего картофеля потребителю в нужном количестве предложить не могут, потому что по привычке культивируют позднеспелые сорта. Причем убирают их часто недоспелыми (осень торопит). А недоспелый клубень легко повреждается при машинной уборке и потом плохо хранится.

Белоруссия ежегодно вывозит 140—150 тысяч тонн семенного картофеля, снабжает им Нечерноземье, Закавказье, Среднюю Азию. Казалось бы, при таком масштабе издержки нетерпимы. Казалось бы... Увы, до сих пор не вошли в моду пристанционные хранилища семенного картофеля, проблемой остается обыкновенный мешок. Потому и вывозку организовать как следует редко удается. И получается сплошь и рядом: одни уже приготовили поле и ждут, другие в это время «пробивают» вагоны, третьи хлопочут насчет тары... Гудят от срочных переговоров телефонные провода, стаями летят с юга тревожные телеграммы, вьются вокруг клубней телетайпные ленты. И уж не первый год. Доколе же?!

В подтверждение той же мысли о комплексном подходе вернусь к машинам для возделывания картофеля. Удивительнейшая ситуация: есть уникальные прокатные станы, автоматизированные системы управления... И вдруг в том же народном хозяйстве: «Петрович, придумай что-нибудь...» А где же те, кто должен придумывать по заданию государства? Деревенский умелец, как всегда, на высоте. Он и борта у грузовика предложит нарастить, и прицеп заставит разгружаться так, как удобнее механизатору, и разбрасыватель приспособит на сортировочном пункте. Ну, а конструкторское бюро с красивыми вывесками, экспериментальные базы, отряды высокооплачиваемых ученых? Кто объединит усилия этих звеньев и бросит их на помощь колхозному кузнецу? Сегодня единой, продуманной нацеленности на машинный парк картофелевода нет.

Картофелесажалка СН-4 появилась лет пятнадцать назад. Она давно морально устарела. Однако и таких сажалок не вволю. На 1978 год Министерство сельского хозяйства Белорусской ССР заказывало их 5516 штук, выделили 1629. На этот год — соответственно 5264 и 1770. Не удовлетворяется спрос на сортировочные пункты (хотя и они отжили свой век), на культиваторы давнишней конструкции.

А где же новые машины «картофельного профиля»? На их разработку и внедрение в производство по-прежнему тратится 8—10 лет. В Министерстве сельского хозяйства СССР мне сказали, что сажалки с большим удобным бункером, например, в этой пятилетке на полях не появятся, не раньше 1981 года обещают новый картофелесортировочный пункт.

Случается и так: пока машина доедет до картофельного поля, она уже теряет шансы вписаться в его современные контуры. Долгожданная сажалка яровизированного картофеля САЯ-4, не успев появиться, уже претендует на модернизацию по возрасту.

Долго и трудно рождался четырехрядный картофелеуборочный комбайн. Наконец, сделали первые шаги. Промышленность еще не успела насытить им деревню, а картофелеводы уже потеряли к нему интерес — тяжелый, ненадежный в эксплуатации, он уступает по производительности труда, например, трехрядному комбайну, выпускаемому в ГДР. Тем не менее в одиннадцатой пятилетке эту машину намереваются пустить в серийное производство. Есть ли смысл?

В упомянутой нами статье «Вкус картошки» речь шла о лидском заводе «Сельмаш» и, в частности, о том, что заводу целесообразно иметь свое конструкторское бюро и экспериментальную базу. Министерство тракторного и сельскохозяйственного машиностроения СССР сказало «да». А затем... Директор завода тов. Азаренко сообщил нам:

— Решение о создании конструкторского бюро и экспериментальной базы есть. Но до сих пор нет здания. Когда оно появится, неизвестно. Пока в его фундамент закладываются сплошные неувязки — с фондами, проектом, подрядом. До сих пор не началась намеченная на эту пятилетку реконструкция завода, не возводится новый корпус, который должен был вступить в строй в 1979 году. Экспериментальная база по-прежнему лишь в проекте.

Добавим, что лидский завод, как и прежде, систематически получает металл не того качества, что требуется для его изделий. Как тут не быть претензиям к прочности и долговечности копалок?! В Министерстве сельского хозяйства СССР давно тревожатся по этому поводу: высокосортным металлом обделяют и другие заводы сельхозмашиностроения. А за преждевременный износ машин расплачиваются потом колхозы и совхозы. Ждут, что Госплан СССР пересмотрит принципы обеспечения предприятий, дающих технику для полей. И не первый год ждут.

По-прежнему много трудностей с эксплуатацией и ремонтом техники. На каждом шагу возникают сложности во взаимоотношениях колхозов и Госкомсельхозтехники. Начинаются они с того, что сельхозтехника заказывает и испытывает машины, продает, а пользуются ими другие, на других, стало быть, и ложатся издержки при каких-либо просчетах в конструкции или производстве машин. А издержек хватает.

Их стало бы меньше, имей колхозы свои капитальные мастерские. Не надо было бы тогда по любому поводу стучаться в сельхозтехнику. Но ведь в чем загвоздка — колхозная мастерская испытывает острую нехватку металла, станков, карбида, запасных частей. Тут и Петрович бессилен.

...Мало что изменилось за это время в организации закупок, заготовок и хранения картофеля. Разработанные, но не подкрепленные материально, новые способы хранения клубней остаются на уровне экспериментов. И отходы в государственных хранилищах по-прежнему исчисляются многими тысячами тонн.

Плохо обращаются с картошкой с самого начала. Доказано уже, что лучше всего ее перевозить в контейнерах и без лишних перевалок. Чего проще: приехать заготовителям прямо к сортировочному пункту, взять контейнеры — и в хранилище. Взять... А если не хватает контейнеров, кранов для их погрузки, транспорта? И картошка по-прежнему обречена на дорожные страдания — навалом в кузов, навалом в вагон, навалом в хранилище. 10—15 процентов потерь от заготовленного считается нормой. Причем никогда в нее не укладываются.

...Один аграрник сказал мне с досадой и болью: «Мы вспоминаем о картошке осенью. Приходит пора уборки, и начинается аврал: едут в деревню горожане, объявляется мобилизация автотранспорта, картошка снится железнодорожникам, в десятках кабинетов размножают сводки... Закончится уборка, и затормаживается «картофельная память». Верно. Но вкус-то картошки мы помним круглый год. А ведь от картошки зависит еще и вкус молока и вкус мяса...

возвращаясь к напечатанному

КАПИТАН ПЕТР ВЕЗЕТ ТУР

Прежде чем ступить на борт теплохода «В. И. Ленин», мы побывали у начальника Главного управления речного флота при Совете Министров УССР Николая Антоновича Славова и задали ему несколько вопросов, касающихся работы пассажирского флота Украины, и в частности перевозок туристов.

— Как обстоит дело в натуральном виде, вы узнаете, пройдя, скажем, от Киева до Одессы,— сказал Николай Антонович.— Что касается речного пассажирского флота вообще, то могу сообщить следующее...

И мы получили краткие, но красноречивые сведения. Вот они.

За годы десятой пятилетки пассажирский речной флот Украины увеличился на 36 судов (в их числе четыре новейшей постройки, спущенные со стапелей Германской Демократической Республики, среди которых и нынешний флагман — теплоход «В. И. Ленин»). Это означает 6 тысяч добавочных мест. Построены новые пассажирские причалы и павильоны в Киеве, Каневе, Ржищеве, Благовещенке, Каховке, Переяслав-Хмельницком, Белгород-Днестровском и в других местах. Люди теперь могут пользоваться гораздо более широким кругом услуг. Освоен днепровский круиз — от столицы Украины до Одессы. Этот круиз, кстати, пользуется большой популярностью и у советских и у иностранных туристов — за последние два года их число увеличилось в 6 раз. Постоянными гостями Днепра стали подданные Австрии, Канады, США, ФРГ и других капиталистических стран. И, разумеется, граждане социалистических государств. В 1979 году на украинских реках открыто 266 пассажирских линий, на которых будет перевезено 26 миллионов человек, в том числе более полутора миллионов туристов и экскурсантов.

Что кроется за этими сухими данными, мы увидели на борту лайнера «В. И. Ленин».

Встреча в Каневе.

О. АННИНКОВ,
фото Н. КОЗЛОВСКОГО,
специальные корреспонденты «Огонька»

Из Киева флагман уходил в двенадцать часов ночи. Огни на нем — в салонах, каютах, на палубах — зажглись в половине десятого, так что горожанам, проходившим по набережной в тот вечер, лайнер, стоявший у причала, казался, наверное, красивой первоклассной гостиницей: четыре палубы—как четыре этажа. Общая высота теплохода «В. И. Ленин» от киля до крыши ходовой рубки — без малого шестнадцать метров, а от уровня воды — тринадцать, длина — сто двадцать пять, ширина — почти семнадцать, водоизмещение — 3560 тонн. Таких плавучих гостиниц прежде Днепр не видел...

На сон грядущий радио объявило по всем каютам:

— Товарищи туристы, прослушайте, пожалуйста, нашу программу на завтра. Подъем в семь ноль-ноль, зарядка в семь ноль-пять. Завтрак первой смены в семь тридцать, второй смены — в восемь. В восемь часов приходим в город Канев...

В две смены кормятся туристы потому, что столовая теплохода имеет 184 места, а на борту размещается 360 человек...

Всю ночь лайнер шел вниз по Днепру, обгоняя тихоходные грузовые пароходы и баржи, но не давая полных оборотов трем своим машинам по тысяче лошадиных сил каждая, не включая полную скорость в 27 километров в час (по-морскому это составляет 15 узлов, но речники меряют ход не узлами, а километрами): движение на реке оживленное, а фарватер этим летом кое-где мелковат для судна с трехметровой осадкой.

Ровно в восемь утра судно ошвартовалось в Каневе. А чуть позже к его правому борту мягко подошел точно такой же лайнер, рожденный на тех же стапелях в ГДР, и туристы, путешествующие на флагмане, приветствовали туристов из Западной Европы, плывущих на теплоходе «Советская Россия».

С борта на борт перебросили трап, и иностранцы через нижнюю палубу флагмана начали сходить на берег, перемешавшись в красочно пестрой толпе с советскими туристами, среди которых были и почтальон из Одессы Евгения Станиславовна Кузьмицкая, и начальник участка «Южтехмонтажа» из Ставрополя инженер Александр Михайлович Бурцев, и доярка из села Коминтерново, Одесской области, Галина Никифоровна Коваленко, и музыкальный руководитель детского сада Любовь Ильинична Кроль из Минска.

Канев — город знаменитый. Тут Тарасова гора—святое место. Поклониться праху великого Кобзаря едут люди со всех краев страны, со всех концов света.

А для капитана теплохода «В. И. Ленин» Петра Павловича Жука тут все его корни. В трех километрах от Тарасовой могилы стоит на берегу Днепра село Пекари, где он родился полвека назад. Капитан тоже сошел на берег и успел во время стоянки навестить родных.

Он вообще не упускает случая сходить в Пекари, если на то есть время, потому что иначе не может. Тут, в Пекарях, жил его прадед, бурлак, всю жизнь ходивший в лямке, тянувший баржи снизу вверх по реке, против течения. И отец капитана был речным человеком — работал бакенщиком. И сам Петр родился в лодке — в самом буквальном, а не фигуральном смысле. Будучи, как говорят в народе, уже на сносях, жена Павла Жука помогала мужу зажигать бакены и неожиданно, прямо в лодке, разреши-

ЖУК
ИСТОВ

лась от бремени. Так появился на свет младенец, которого нарекли Петром.

В Пекарях произошел с ним случай, определивший, можно сказать, его жизнь. Однажды бродил он, десятилетний, по берегу, провожая завистливым взглядом проходящие суда, и вдруг видит — ветер сорвал фуражку с головы капитана, который стоял на открытом мостике шлепавшего плицами колесного парохода. Петр кинулся в воду, поймал фуражку, выбрался на берег, побежал за пароходом, размахивая нежданным трофеем — хотел вернуть его. Но капитан махнул рукой — мол, оставь ее, хлопец, себе. Этот жест был как знак судьбы. Обзаведясь капитанской фуражкой, разве мог Петр Жук не загореться мечтой водить пароходы?

Но потом пришла война. В четырнадцать лет Петр сделался партизаном, воевал здесь же, в родных краях, по-над Днепром. А когда освободили Украину, он в сорок четвертом году поступил в ремесленное училище речников, а после в Киевский речной техникум. Еще студентом второго курса работал во время практики помощником капитана на пароходе «Н. К. Крупская», обслуживавшем пассажирскую линию Киев—Днепропетровск — Херсон. Тогда все было не так, как сейчас. Пароход без спальных мест, рассчитан на четыреста человек, а брали и по полторы тысячи... А теперь вот в каждой каюте — кондиционер...

Биография капитана — вся в тех судах, которые ему пришлось водить. Окончив техникум, Петр Жук принял в 1950 году пароход «Калинин». В 1958 году перешел на двухдечный двухколесный рейсовый пароход венгерской постройки «Тургенев». На нем ходил он до 1971-го, на нем получил звание Героя Социалистического Труда — за то, что выполнил в пять с половиной лет семилетний план. А после был туристический пароход «Чехов», который Петр Павлович повстречал в нынешний рейс у села Тубельцы.

На палубе под солнцем.

там, где в Днепр впадает речка Рось. А в марте этого года отправился в Германскую Демократическую Республику, чтобы принять теплоход «В. И. Ленин».

Мы так много рассказываем о Петре Павловиче Жуке потому, что, пожалуй, мало кто перевез по Днепру столько туристов, сколько он. И сейчас везет. Не один, конечно,— у него под началом команда в девяносто четыре человека,— но капитан есть капитан.

...Теплоход стоял в Черкассах. Проходил Днепропетровск, Запорожье и много других городов и сел. Делал «зеленую стоянку» в Дубовой роще, где пассажиры весь день купались в кристально прозрачной воде и загорали на белом, чистом и таком мелком песке, что его можно прямо засыпать в медицинские песочные часы.

В Херсоне на борт, в ходовую рубку, поднялся капитан дальнего плавания Виктор Николаевич Артемьев, шесть лет ходивший в загранплавание, а теперь водящий суда из Херсона в Одессу и обратно: речным капитанам, по существующим законам, самостоятельно ходить по морю запрещено, а после Херсона флагману украинского речного пассажирского флота предстояло выйти в море.

Проплыл справа по борту Очаков. Слева появился остров Березань, где стоит памятник казненному здесь лейтенанту Шмидту,— и вот оно, Черное море. Изменился цвет воды. Встречным курсом идет военный корабль. Он совсем маленький, раз в десять меньше теплохода, но Виктор Николаевич Артемьев спешит напомнить, что гражданское судно всегда должно первым приветствовать военные корабли, независимо от их размеров. На корму к мачте бежит вахтенный штурман, приспускает флаг на одну треть. Корабль четко отвечает на приветствие.

По всем морским правилам следует теплоход до Одессы.

Уже в виду порта капитан Артемьев берет трубку радиотелефона, связывается с постом регулирования движения.

— Радио восемь! Пассажирский теплоход «Ленин» прибыл в Одессу. Просим разрешения войти в порт и сообщить причал швартовки.

В ответ назвали номер причала — шестнадцатый. И помощник капитана Алексей Павлович Апанасенко, несший самую ответственную вахту, ошвартовался элегантно, без малейшего толчка — истинно по-морскому...

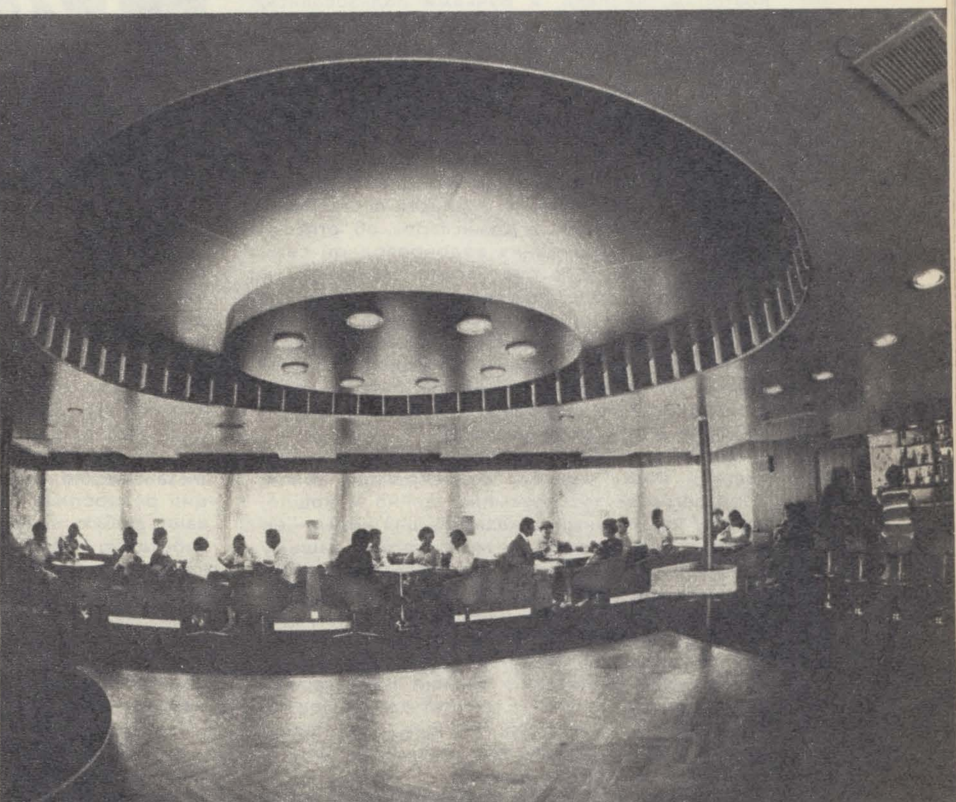
Наведен трап. Туристы, загорелые, отдохнувшие, улыбаются бортпроводникам, капитану, его помощникам, штурманам, жмут им на прощание руку.

Нет, никто не пожалеет, пройдя водой от Киева до Одессы...

Капитан Петр Павлович Жук.

Вечером в баре теплохода.

К. БАРЫКИН

Фото И. ТУНКЕЛЯ

СТАКАН МОСКОВСКОЙ ВОДЫ

О воде известно все. Она бывает обычная и легкая, тяжелая и даже сверхтяжелая; морская, речная, озерная. А еще — московская, вода из водопровода. Откроешь кран — вот она, пожалуйста, хоть залейся, как говорится. Аш-два-о с доставкой на дом. Упругой, тугой, звонкой струей ударит о дно стакана, и он уже до краев заполнен живительной влагой... «Воду мы пьем, какой в Саратове еще не приводил бог: громовую, проведенную из Мытищев, чистота и приятность вкуса и мягкость ее удивительны»,— свидетельствовал в 1846 году Н. Г. Чернышевский. Прямо скажем, повезло ему. Далеко не вся Москва пила в ту пору мытищинскую воду. Большинство пользовалось колодцами. Кто побогаче, тот мог позволить себе пить воду привозную, недешевую. Или шли на нынешнюю площадь Свердлова — до наших дней сохранился тут фонтан, один из первых городских водоразборников. Шли, погромыхивая ведрами на коромыслах, шли с бадейками и кожаными мешками. В центр города тогдашний водопровод подавал 72 литра воды на каждого горожанина, а по окраинам едва набиралось около двадцати четырех. От жажды, конечно, не умрешь, но и вдоволь не напьешься. А уж о стирке или других домашних делах и думать не смей. «Жителям сего великого города настоит крайняя надобность в хорошей воде для пищи»,— писал в давнюю пору главный директор водных коммуникаций России. А поэт определил сию проблему еще точнее и образнее: «Град Москва, водою нищий, знойной жаждой был томим».

В 1917 году в город поступало 170 тысяч кубометров воды в сутки.

Мытищинскую воду воспевали, ей одной досталось признаний больше, чем ныне всей московской воде. Тут и «Чаепитие в Мытищах», и строки из тогдашнего журнала: «Сия вода, чистая и прозрачная, эта первая после воздуха потребность жизни, проведена в столицу из мытищинских колодцев». Вспомнить все это сейчас как нельзя более кстати — скоро, осенью этого года, исполняется 175-летие московского водопровода.

Мытищинская вода в прошлом веке поила далеко не всю Москву. Тот, кто жил в районе Мещанских улиц, еще мог пользоваться ею, а чуть подальше — какое там. И из колодцев, повторим, черпали, и ручьями пользовались, прямо из Москвы-реки брали воду! Отстоится за ночь, выпадет на дно песочек или что там еще может выпасть из речной воды, и пей или чай кипяти. Как знать, может, и выпили бы Москву-реку, не приди ей на помощь Волга, а теперь и другие богатые, далеко от Москвы расположенные источники.

Помощь эта началась не сегодня. В феврале 1919 года В. И. Ленин подписал постановление Совета Народных Комиссаров об отпуске средств для расширения водопроводной сети.

...Шли годы. И к рублевской водокачке, к мытищинской воде добавился гигантский канал Москва — Волга, и уже в наши дни — река Вазуза. А сейчас мы едем к волжской воде, к одному из истоков столичного водопровода — далеко это от городской черты. Машина приостановилась у шлагбаума, проверили пропуск, соблюдены все формальности — и дальше.

Места, в которых проложен путь для московской воды, названы водоохранной зоной. И стерегут ее тут неусыпно, денно и нощно, потому что главный показатель для воды — ее чистота. И с первого же метра пути к вашему домашнему крану вода находится под надзором тех, кто работает в большом и сложном хозяйстве, замечаемом нами только тогда, когда вдруг случится какая неполадка. Трудятся тут тысячи инженеров, техников, рабочих, десятки ученых — химики и физики. Воды городу нужно много. Только за секунду один насос Восточной водопроводной станции закачивает две тонны воды. Таких же станций не одна, а насосов и того более.

Мы стоим на берегу широкой протоки, вода в ней разделена на несколько рукавов, которые упираются в берег и словно бы исчезают в нем. Оказалось, вливаются в широченные бетонные трубы — здесь грузовик запросто пройдет. И течет вода под землей, чтобы ни соринка в нее не попала, ни пылинка. Забота о столичной воде уже началась. Она будет нарастать, эта забота, и станет особенно активной и заметной ближе к станции. Немалы, серьезны хлопоты по очистке простой речной воды, по превращению ее в питьевую, в стандартную, выдержанную по ГОСТу. Да, на воду есть стандарт. Выверенный и согласованный, выраженный в формулах и иных показателях — мутность, цветность, коли-индекс... Не стану расписывать подробно ГОСТ «Вода питьевая», замечу лишь, что он по многим показателям превосходит зарубежные требования на питьевую воду. Безупречность московской воды вне сомнений. Хотя первозданно чистой воды просто-напросто нет. Принято считать чистой дождевую воду, но, выпарив около тридцати ее килограммов, все же получают грамм сухого остатка!

Водопроводный канал — 28 километров от начала до станции — в зеленом коридоре или в бетоне, подныривает под землю там, где надо преодолеть поселочки или дорогу, выходит наружу, на дневной свет, где есть в этом надобность.

Делает он это неподалеку от Мытищ. Здесь пересекаются два потока — богатый волжский и скромный — давний, яузский. А нам еще ехать несколько километров, прежде чем мы попадем на Восточную станцию, одну из многих, взявших на себя заботу по доставке в Москву свежей воды. Из суеты пригорода попадаем в тишину обнесенного зеленью городка. Тут, на Восточной, все как на современном заводе—моторы, машины, автоматика и электроника. А еще отстойники — из них и черпает воду станция. На ее территории — огромный ковш-водоприемник, будто опрокинутый на землю небесный Водолей. Он готов напоить людей, деревья, машины и начисто вымыть городской асфальт, дать прохладу и жизнь. Но пока ему эту работу не доверяют. Пока еще воду не отмыли. Что моют — сам видел. Да так старательно, так заботливо. Собственно, в этом ковше и начинается «великая стирка». Для сего — своя технология. Специальные реагенты, заставляющие выпадать в осадок самую малую малость. Затем ведется механическая чистка воды — фильтры на станции редкостные. Мало того, что они задерживают любую самую малую частичку, и о себе заботятся: автоматы отключают фильтры, как только начинается работа не в полную силу. И идет процесс очистки самих фильтров. А уж потом они снова принимаются за воду. Она попадает в контактные бассейны, здесь — еще один цикл обработки. И вот вода уже выходит — прозрачная, бесцветная, и думается нам, что лучше некуда.

— Можно попробовать?— спрашиваю.

— Пожалуйста,— отвечают,— эту воду уже можно пить. Она абсолютна безвредна. Но вот на вкус понравится ли?

На Восточной станции есть зал — большой светлый пролет. Тут ведется озонирование воды, так сказать, овкуснение ее. Восстановите в памяти ту минуту после грозы, когда дышалось особенно легко, когда воздух был настоян на чем-то бодрящем, неуловимо приятном. Это и есть озон. Такие его особенности приметены давно. И решено было использовать их при подготовке воды для питья. Озоновоздушная смесь насыщает воду, которая направляется с Восточной станции в столичный водопровод. Озон и завершает очистку воды, придает ей особый вкус, ощущение свежести. То самое «чуть-чуть», о котором не сегодня было сказано: приятность вкуса и мягкость удивительная. Будто это и не водопроводная вода, а родниковая, из Больших Мытищинских ключей.

Но специалисты подчеркивают, что сделано еще не все. Сейчас отрабатывается еще более эффективная система проверки качества воды — прямо на водохранилищах. На Рублевском и некоторых других уже стоят автоматы — днем ли, ночью ли, в непогоду следят они за водой. Всего будет около 30 таких станций, и АСУ будет получать от них все данные, обобщать их. Ни одна капля воды не останется незамеченной. А за каплями нужен глаз да глаз. Хоть и принято говорить: похожи, как две капли воды, но пока еще никому не довелось увидеть две абсолютно похожие капли...

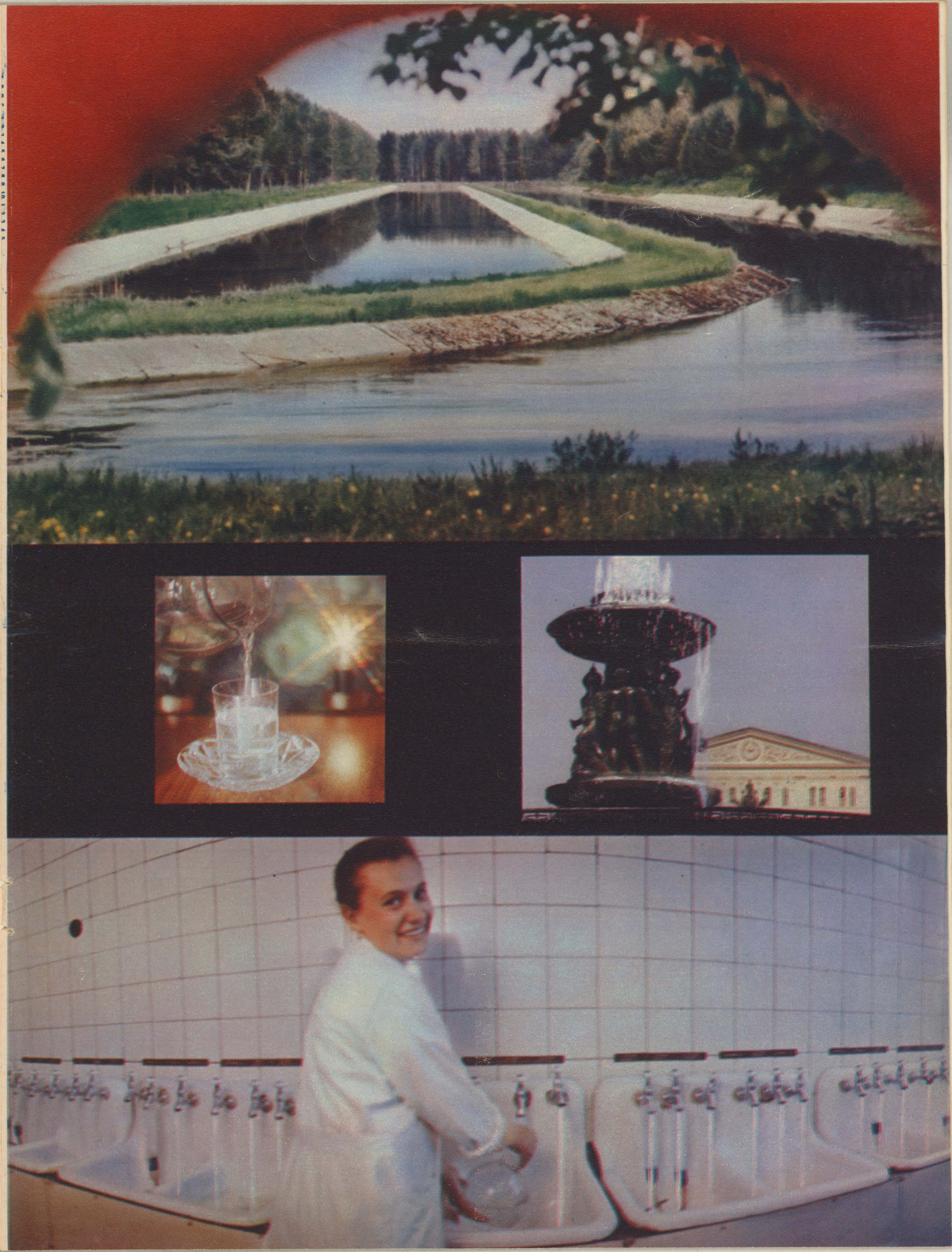
Московский водопровод очень щедр. Недавно появилось сообщение о том, что на каждого москвича сейчас приходится около 700 литров воды в сутки. Более чем достаточно! Но мы так привыкли к этому изобилию, что иногда забываем: воду надо беречь! Не скредничать, но беречь. Знать, что подтекающий кран убыточен, что бегущая из крана вода — пока вы говорите по телефону — проявление неуважения к тем, кто приготовил ее и доставил к вам домой.

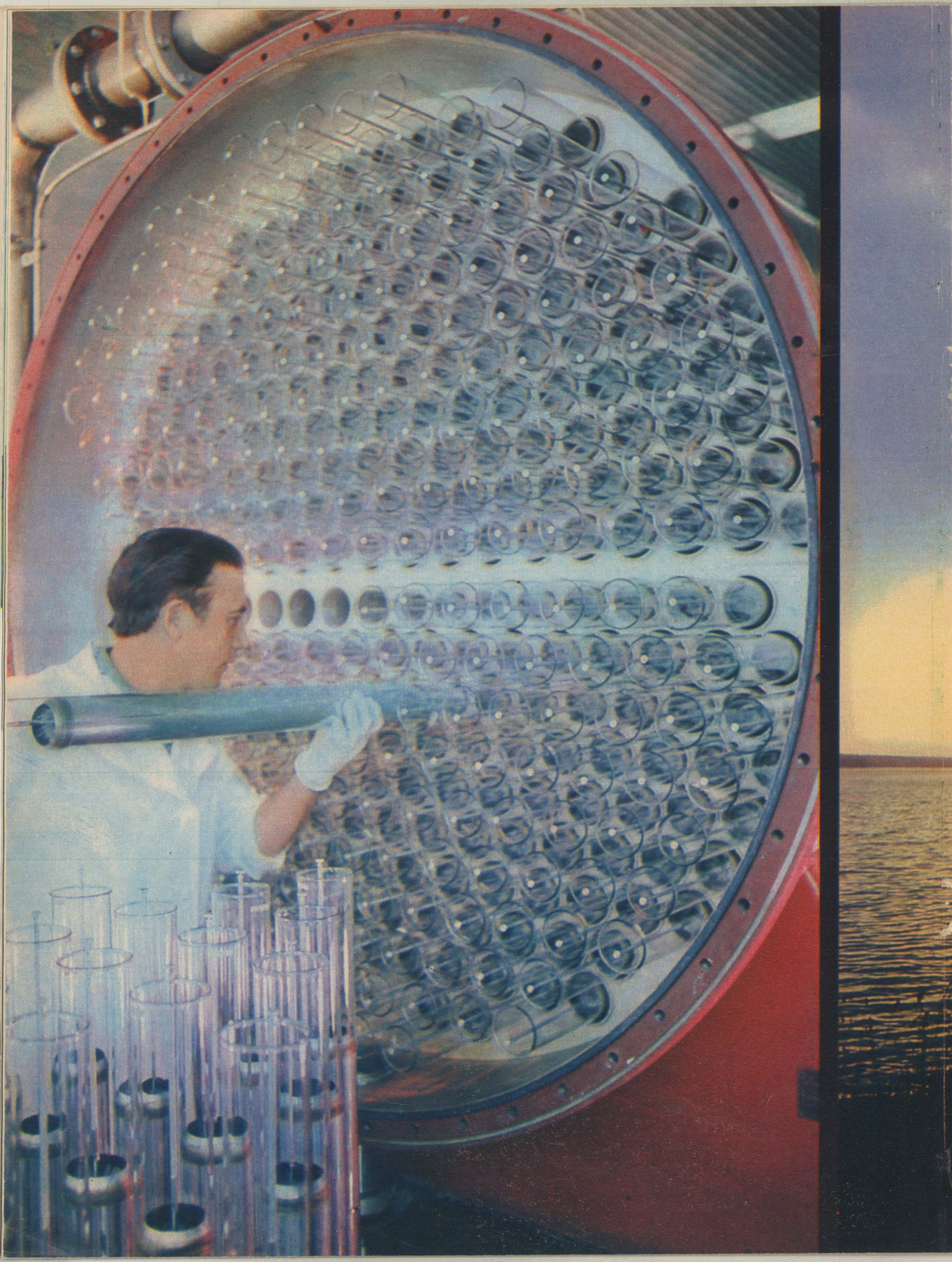
...Вода бессмертна не только потому, что поддерживает жизнь. Как говорят ученые, она абсолютно бессмертна! Количество воды на земном шаре постоянно. Каждые сутки земляне потребляют не один миллиард тонн воды. Но даже при этом количество ее на земном шаре не уменьшается. Воды много.

Берегите ее!..

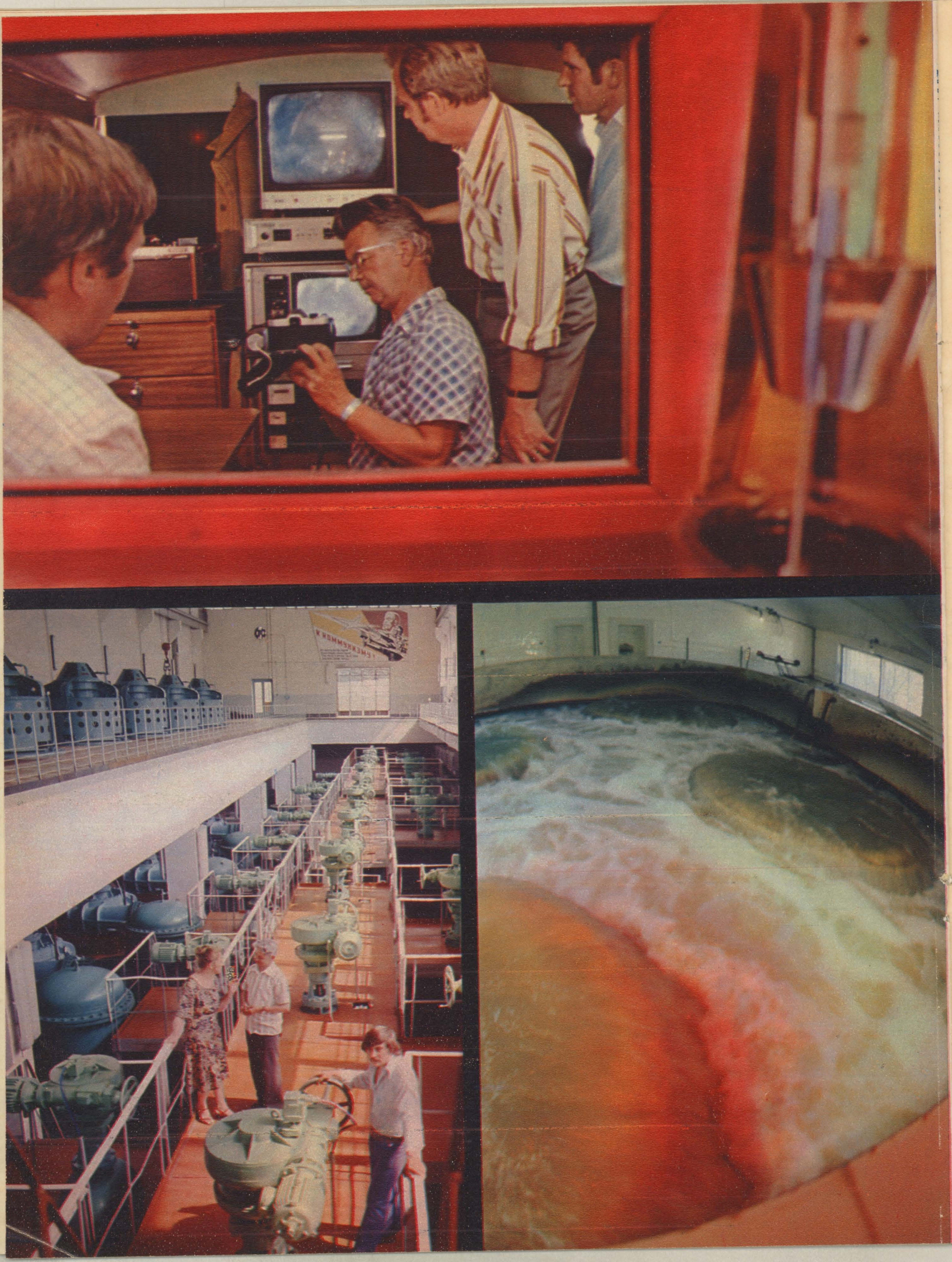
Первые метры 28-километрового водного пути от канала до Восточной станции ● Стакан воды... ● Этот сохранившийся и поныне в самом центре Москвы фонтан в давности называли Петровским. Прежде сюда приходили и приезжали по воду ● Татьяна Мокроусова: «Здесь мы берем пробы воды».

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: Такие вот озонаторы и делают воду вкуснее. Диэлектрические трубки монтирует Вячеслав Конкин ● Одна из кладовых московской воды ● У столичных водопроводчиков самая совершенная техника.

TRAILIGAZ
La Courneuve

МАРИНКИН ВЫБОР

Р. ЕРМОЛЬЕВА

МАЛЕНЬКАЯ ПОВЕСТЬ

Рисунки И. ПЧЕЛКО

5

После развода их семейный бюджет сократился. Светлана стала аккуратнее считать деньги, отказывать кое в чем себе, больше тратить на питание для Маринки. Девочка вытянулась, изменилась, глаза, с отражением синего неба, стали задумчивыми, плечики заострились, тонкие светлые косички спустились ниже плеч.

На следующий день после вторжения в их квартиру дивана прикатила бабушка. Маринка обрадовалась ее приезду, повисла на ней, звонко целовала в щеки.

— Хватит, хватит, не то задушишь!— взмолилась бабушка.— Вот ведь какая большая выросла!

Матери дома не было. Бабушка никогда не приходила с пустыми руками. Обе пошли на кухню, поставили сумку на табуретку и стали выкладывать пакеты.

— Что же у нас сегодня на обед?— спросила бабушка.

— Суп и гречневая каша. Мама говорит, что в гречке фосфор, а это для меня полезно.

Марина подошла к окну, где в баночке прорастал лук, сорвала несколько зеленых перышек, положила на стол. Бабушка тем временем подогрела на плите суп, налила себе и Марине. В тарелки наложила горячей, вкусно пахнущей каши, сверху полила растопленным сливочным маслом. Маринка с удовольствием жевала лук, заедая его супом. Потом перешла к компоту.

— А кашу почему не ешь?

— В общем-то я ее люблю, только больше с котлетами,— ответила Маринка.

— А сосиски сгодятся?— И бабушка полезла в холодильник.

— Сгодятся, сгодятся,— обрадовалась Маринка.— Вари, я их тоже люблю!

Через несколько минут сосиски были готовы. Александра Ивановна молча смотрела на Маринку, как та уплетает кашу с сосисками, и сердце ее сжималось до боли. Тянется девочка, как колосок тоненький. Болеть часто стала, вместо детского сада дома сидит, а присмотреть за ней некому. Хотела было ее к себе взять, так Маринка отказалась: «А маму на кого оставим?» Вот и приезжает иногда девочку обедом покормить да кое-что из продуктов прихватит. Устает Светлана после работы по магазинам бегать, не всегда успевает чем следует запастись.

Марина посмотрела на часы и ахнула:

— Ой, как быстро стрелки бегут! Ты не останешься ночевать у нас?

— А что?

— Мне так хорошо, когда ты у нас, что даже кажется, что я у вас.

— Дедушку одного оставлять боюсь — как ушел на пенсию, так и на сердце жаловаться стал. Вас с мамой двое, а он там один. Да вы приезжайте к нам на выходной день! Я пирогов твоих любимых настряпаю. Маме скажи, что я кое-что в холодильнике оставила. Дня на три вам хватит.

— Спасибо, бабушка! Ты у меня самая-самая добрая на всем белом свете.

Светлана вечером пришла домой уставшая и промокшая. Вызовов было много, а дождь как полил с обеда, так до вечера и не остановился.

Стряхнув плащ, она повесила на вешалку. Сняла промокшие туфли и засунула ноги в теплые меховые тапочки, купленные когда-то в Кисловодске во время отпуска. Сразу стало тепло, по-домашнему уютно.

На диване, свернувшись клубочком, спала Марина. Свет настольной лампы бил ей прямо в лицо. Она боялась вечером быть одна и зажигала свет.

Светлана на цыпочках подошла к дивану, присела на край. Девочка открыла глаза и тут же зажмурилась от яркого света. Мать нажала на кнопку выключателя, лампа погасла. Свет от уличного фонаря проник в комнату, разлился мягким полумраком.

Маринка откинула в сторону плед, которым была накрыта, приподнялась, села к матери на колени и обхватила ее за плечи цепкими, худенькими ручонками. Зевая, еще не совсем отойдя от сна, она таинственно прошептала:

— Мамочка, давай всю жизнь будем вдвоем, никого нам не надо!

— Почему же?

— Ты же видишь, сколько на улице пьяных, а у них ведь тоже, наверное, дети есть, жена. Так зачем же нам такие!

«Неужели ей сон приснился?» — подумала Светлана. Застигнутая врасплох детской непосредственностью, она не сдержалась, и слезы тихо потекли по ее щекам.

— Мамочка, почему ты плачешь, разве тебе со мной скучно? Если хочешь, пойди сходи в кино. Я телевизор буду смотреть. А хочешь, я тебе сказку расскажу? Ее Генка в садике рассказывал.

— Ну, расскажи!

— Идет по лесу цыпленок, а навстречу ему волк.

«Цыпленок, цыпленок, я тебя съем!»— говорит волк.

«Съешь лучше моего папу, а то я еще маленький»,— ответил цыпленок.

«А где твой папа?»

«Пойдем, я тебе покажу»,— ответил цыпленок. Дошли они до забора, цыпленок раз — и нырнул под забор, а там полно таких же цыплят бегает. Волк даже растерялся.

«Где же твой папа?»— кричит сердитый волк.

«А я инкубаторский!»— ответил цыпленок и убежал.— Она рассмеялась.— Генка говорит, что мы в детском саду все инкубаторские.

Светлана вытерла слезы и, улыбаясь, стала гладить Маринку по голове.

— Цыпленок ты мой, цыпленок! Вставай, ужинать будем. Я торт купила.

Маринка от радости запрыгала на диване.

— Я сегодня с бабушкой обедала. Она там что-то в холодильнике оставила, велела тебе сказать.

Пока мама возилась на кухне, Маринка достала чашки, поставила на стол и включила телевизор. Транслировали сольный концерт Муслима Магомаева. Он был в черном фраке, в белоснежной рубашке с черной «бабочкой». Ему то и дело подносили букеты, корзины с цветами ставили у рампы.

Маринка отламывала маленькие кусочки торта, клала в рот и долго с удовольствием облизывала ложку, прежде чем запить чаем. Неожиданно для матери она вдруг заявила:

— Давай возьмем его в папы!

— Не болтай глупости. Ты только что говорила, что нам и вдвоем хорошо.

— Говорила. Так я говорила про плохих, а этот же хороший?

— Наверное.

Раздался звонок в дверь. Маринка подбежала первой и спросила:

— Кто?

Обернувшись к матери, прошептала:

— Якушев пришел. Пускать или не пускать?

— А ты как думаешь?

— Давай пустим,— подумав, ответила Маринка и открыла дверь.

6

Игорь Якушев приходил редко. В основном в день зарплаты, приносил алименты. Так они договорились со Светланой. Инициатива была его, чем она объяснялась, неизвестно. Возражать Светлана не стала.

За месяц, что Якушев не был, он сильно изменился. Веки отяжелели — то ли пьет, то ли работает по ночам над чертежами. Живет у прежней хозяйки. Говорят, она родила ему сына, но брак еще не зарегистрирован.

Вот и еще один «инкубаторский цыпленок» появился. Взрослые, помышляя только о себе и своих интересах, не задумываются над тем, что сеют зерна, которым трудно прорастать в одиночестве. Из них растут хилые, надломленные колоски. Малыши страдают от отсутствия рядом сильного человека, который в любую минуту мог бы защитить их. А ведь в будущем, может статься, этот человек и не захочет подать тебе руку помощи.

Якушев хотел было взять Марину на руки и, как делал раньше, подбросить под потолок, но она отстранилась. Тогда он протянул ей коробку конфет.

— Не надо мне, у нас есть,— суровым тоном отказалась Марина.— Отдай их своему сыночку!

Якушев совсем растерялся. Он смотрел на Светлану и ждал защиты.

— Спать пора,— ласково сказала мать и повела Маринку укладывать спать.— А ты, Якушев, раздевайся и садись,— сухо предложила она Игорю.

Пока взрослые говорили, Маринка уснула, а утром, собираясь в детский сад, она не забыла спросить:

— О чем вы вчера говорили?

— Просит простить его. Снова к нам вернуться надумал.

— А ты что сказала?

— Ничего. Как ты скажешь, так и будет.

— Знаешь, что я думаю? Не стоит его прощать. Ведь он так тебя обижал! Останемся лучше вдвоем,— серьезно ответила Маринка.

— Хорошо. Собирайся побыстрее, а то я на работу опоздаю. Вечером я зайду за тобой, и поедем к бабушке с дедушкой.

— Ура!— закричала Маринка и стала одеваться.

На этот раз Светлана освободилась раньше обычного. Надо было зайти за дочкой, забежать домой, взять кое-что и ехать к родителям. Впереди два свободных дня. Давно не была она у родителей. Надо заглянуть в «Детский мир», примерить Маринке школьную форму да и просто так походить по знакомым с детства улицам. Сколько лет прошло, а школа нет-нет да и приснится, звонкий школьный звонок утром разбудит. Видно, правду говорят: «Счастливая пора детства!» «Бывает ли другое счастье и долго ли оно длится?»— не раз задумывалась Светлана.

С хорошим настроением пришла она в детский сад. Маринка не сразу к ней бросилась. Мать забеспокоилась: не заболела ли, не оби-

Окончание. См. «Огонек» № 34.

Телевизионные установки позволяют осматривать самые удаленные участки водопровода ● Насосный зал Северной станции ● Готовят водяной «коктейль»! Нет, тут идет очистка воды.

дел ли кто? Прижалась губами ко лбу дочери. Нет, температуры не чувствуется.

— Что случилось, Мариночка?— испуганно спросила Светлана.

— Ничего, мамочка. Ты пойди погуляй немножко. У нас сегодня на ужин блинчики с вареньем, а я их так люблю!

Сейчас захотелось блинчиков с клубничным вареньем, а что потребует она завтра? Как многого недостает ей! То ей нужен отец, хоть чужой, то вдруг своего жалеть начинает.

Человеку, как видно, всегда чего-то не хватает. Никто не предскажет, где и когда произойдет поворот в твоей жизни.

Нельзя остановить время, выпросить хотя бы несколько дней для размышления, чтобы все обдумать, взвесить и правильно, на всю жизнь, решить. Как трудно бывает решить: да или нет?

Светлана верила людям, как себе. Нагадай ей гадалка то, что случилось, никогда не поверила бы.

Свое одиночество Светлана ощущает дома, после того, как уложит Маринку спать. На работе, в коллективе, чувствует себя нужным и полезным человеком.

Не умея с любопытством вглядываться в людей, погруженная в свои думы и заботы, она тем не менее была объектом пристального внимания окружающих. Но об этом позже...

7

Приехав к бабушке, Маринка тут же шепнула ей:

— Вчера Якушев приходил!

— Что ты лезешь не в свое дело? — с раздражением заметила мать.— В конце концов это мое личное дело!

— Какое же личное, если это жизненно важный вопрос?— ответила Маринка.

— Тебе, во всяком случае, рассуждать об этом рано. Подрасти немного.

— Вот и пойми вас, взрослых: то я уже большая, то мне еще рано!— обиделась Марина.

— Кое до чего ты доросла. До школы, допустим. А в некоторых вещах тебе еще разобраться сложно,— стала успокаивать ее бабушка.

— Тихо, девчата!— вмешался Петр Борисович, заслышав спор на кухне.— Если вопрос такой уж важный, то надо все обсудить спокойно.

За обедом все уселись на свои места по давно заведенной традиции. Петр Борисович во главе стола, Александра Ивановна напротив. Маринка с матерью — друг против друга.

Александра Ивановна поставила возле себя супницу и разлила каждому по тарелке домашней лапши с курицей, от одного запаха которой у Маринки потекли слюнки.

На второе были котлеты с хрустящей, зажаренной в виде соломки картошкой, а на третье — слоеный пирог с яблоками, любимое лакомство Марины.

Чай заваривал сам дедушка. Он уверял, что женщины его просто закрашивают в непонятный цвет, а чай должен иметь свой особый аромат и цвет солнца. Выпьешь стакан такого чая, и мысли в голове светлеют. Он брал три железные коробочки, из каждой насыпал по ложке в чайник и заваривал крутым кипятком. Выдержав десять минут под стеганой грелкой — «Купчихой», с особым удовольствием начинал разливать чай по чашкам, сам же пил только из стакана в серебряном подстаканнике, подаренном ему в день свадьбы.

После обеда Маринку выпроводили во двор поиграть с подружками. «Ладно,— сказала она,— пойду, если я вам мешаю!»

После ее ухода Светлана пересела в кресло напротив телевизора, сжала пальцы рук в замок и, глядя прямо на экран, как выступая перед зрителями, заговорила:

— Мне надо с вами поговорить. Я прошу у вас прощения... Да, да! Я перед вами виновата. Тогда мне казалось все просто: встретила, полюбила, привела, расписались. Самоуверенная девчонка! Думала, если красивая внешность, значит, красивая и душа. Верила, что в человеке все должно быть прекрасно... Должно! Но не всегда бывает. Только позже я узнала, что это был за человек. Глупые девчонки! Сначала мы любим за глаза, красивую внешность, за умение одеваться, легко танцевать, красиво говорить и лишь позже замечаем все остальное... Родилась я первого апреля, вот и обманулась! Многое я в Якушеве замечала, да принимала за временное, наносное. Думала, что это пижонство. Все с мелочей началось, а закончилось вон как. Многое я ему ради Маринки прощала, не хотела девочку без отца оставлять, но после того, как он на меня руку поднял, сказала: хватит! Сколько ночей проплакала, только подушка знает. Сейчас все утихло, растаяло, один холодок внутри, как после мороженого, остался.

Светлана старалась не смотреть на родителей, понимала, что немало здоровья у них отняла. Ей трудно было решиться сообщить весть, с которой она приехала.

— Вы только не пугайтесь. Я должна вам сказать кое-что. Хорошее, мама, хорошее, не волнуйся! Один человек сделал мне предложение.

Мать так и всплеснула руками. Отец, зная характер дочери, не сказал ни слова, только полез в карман за сигаретами.

— Кто же он такой?—чуть слышно спросила мать.

— Да вы его знаете! А возможно, и забыли уже. Шофер. Он нам диван привозил. Правда, теперь он у нас водителем на «Скорой» работает.

— Врач и шофер... Как же это получается?— удивилась мать.— Вы же с ним разного поля ягоды.

— Не сказала бы. А вообще-то Маринке он сразу тогда понравился, а я его в первый раз даже как следует не разглядела. Вчера действительно Якушев приходил, прослышал что или сам по себе прибежал мириться. Я уже хотела простить, пусть родной отец ребенку будет, да дочка напомнила: «Не надо нам его,— говорит.— Пусть со своим сыночком живет».

— Нашла у кого совета спрашивать, мала она еще! — в сердцах проговорила Александра Ивановна.

— Погоди, не спеши!— остановил ее Петр Борисович.— Дети — они как барометр. Хорошего человека всегда чуют. Мужа-то Светка может найти, а тут еще отец ребенку нужен. Непростое это дело! Ты говоришь, он у вас работает?— обратился Петр Борисович к дочери.—Ради чего же он калымные денежки бросил и с доставки мебели на «Скорую помощь» перешел?

— Он говорит: из-за Маринки. Еще в тот раз, когда диван привозил, она его спросила: «Дяденька, как вас зовут?» Не знаю — сам ли понял, узнал ли от кого, что у девочки нет отца. Ко мне стал присматриваться, что одна да одна. А вообще-то так было. Собралась я на срочный вызов, подали машину, села и ахнула. «Здравствуйте! — говорит.— Вы меня помните?» Отвечаю: «Помню»,— и, честно говоря, удивлена была. «Что вы здесь делаете?» «Как видите, работаю. В тот раз я не представился, давайте знакомиться. Меня зовут Евгением Вороновым. О вас, доктор, я все знаю».

Так мы с ним и ездили на вызовы, а однажды он дождался, когда я домой пошла, догнал и прямо сказал: «Возможно, не совсем я подходящая пара для вас, но после первой встречи не выходите вы у меня из головы. Девчушка ваша всю душу расшевелила. И глаза у вас тогда были такие грустные, точно не в дом я вам вещь привез, а из дома забираю.

Потом узнал, что... Тут я еще больше о вас думать стал. Бросил свою работенку, поступил на работу в районную «Скорую помощь», поближе к вам. Заодно на заочное отделение автодорожного института подался. Анкета моя чистая. Холост. Двадцать восемь лет. Очень люблю детей, нас у матери четверо было. А больше всего вы мне нравитесь...»

— Решительный парень!— заметил отец.

— А ты-то как сама думаешь, по душе он тебе?— спросила мать.

— Думаю, мама. Задал он мне задачу.

— Ты ведь доктор, доченька, с высшим образованием, а он только и знает баранку крутить,— настаивала Александра Ивановна.

— Я, между прочим, тоже не с высшим образованием родилась. Выучится и он. Добрый, книг много прочел, в искусстве разбирается. А что не девушку, а вдову соломенную с ребенком встретил, так он не первый.

— Смотри-ка, все узнала: и добрый, и книжки читает, и по музеям находился!..

— Узнала. Первый раз, не разобравшись, ошибку допустила, второй не будет. А больше всего мне дружба Маринки с ним нравится. Она его уже заставила водить ее в детский сад. Идут, оба гордые. Маринка крепко его за руку держит и все по сторонам головой крутит: видит их кто или нет?

С улицы вернулась Марина.

— Ну что, обо всем договорились?— серьезно спросила она.

— О чем?

— Как о чем? Об отце, о дяде Жене. Я уже в детском саду сказала, что у меня папа Женя есть.

— А кто тебе разрешил?

— Как кто? Он сам.

— Сорока ты и есть сорока!— ласково потрепал ее дед за косичку.

— Мамочка, а можно, когда ты будешь замуж выходить, я тебя за руку держать буду?

— Ишь ты, опора какая нашлась!— воскликнула бабушка.

В воскресенье к Громовым пришел сам жених. Внешне он был очень похож на Светлану. Светловолосый, светлоглазый, с добрыми ямочками на щеках. Оба — вылитые брат и сестра! Недаром Маринка спрашивала у матери: «Кто красивее, дедушка или дядя, который диван привез?» Девочка тогда еще заметила сходство, и видела Воронова через деда, только объяснить не могла, а Светлана сама на отца похожа. Вот и замкнулся круг.

В старину говорили: «Если муж с женою схожи, то и жизнь будет хорошей». Очень хотелось Светлане верить в это.

Свадьбу решили не откладывать. Завтра заявление подадут, а там и день назначат.

За ужином Петр Борисович хитровато прищуривал глаза и, поглаживая усы, наблюдал за будущим зятем. По тому, как дед посмеивался над проказами, которые творила Маринка с будущим отчимом, а тот поддавался ей, чувствовалось, что Воронов ему нравится.

«Не боги горшки обжигают,— решил про себя Громов.— Не обижал бы внучку, а там свои дети пойдут, все перемешается».

Гости пожаловали с молодоженами прямо из загса, только родственники Воронова приехать не смогли. Живут они на Байкале, потомственные рыбаки. Отца у Евгения нет, в путину погиб, а мать с дочерьми на рыбозаводе работают. Что смогли они сделать, так это деньги Евгению на свадьбу прислали да банку малосольного байкальского омуля. Приехать зимой обещали, тогда и познакомятся.

Невеста с женихом светились от счастья. Как только переступили порог, Маринка бросилась к ним и спросила:

— Что, уже поставили печати? Значит, теперь уже все?

Евгений прижал Маринку к себе.

— Все. Теперь не потеряешься. Как спросят: «Чья ты, девочка?»— отвечай: «Воронова».

Маринка, довольная, рассмеялась. За столом уселась между матерью и отчимом. Тост за молодоженов сказал Петр Борисович. Кто-то крикнул: «Горько!»

— Мариночка, посмотри-ка что там?— старалась отвлечь внучку бабушка, но та быстро смекнула, взяла со стола пирожок и, подпрыгивая, направилась к двери.

— А ну вас! Думаете, не знаю, что сейчас целоваться будут?— И с этими словами скрылась за дверью.

ВЫСОТЫ ПАМЯТИ

Память о грозном времени, о горьком и непоправимом будет до последних дней опалять души старых солдат. Я из поколения тех, кто к началу войны еще не успел по-настоящему повзрослеть. В огне повзрослели сразу. Коммунистами стали на переднем крае. Были солдатами да и потом через всю жизнь прошли рядовыми.

У могилы Неизвестного солдата.

* * *

Я видел у могил твоих, Россия,
Хранимых нашей вечной скорбью свято,
Как обнажают головы седые
И молча плачут старые солдаты.
Приносит им тревоги в те минуты
И возвращает память их в былое.
И вновь они друзей теряют будто
И вновь выходят с горечью из боя.
Опять в их душах горе болью всею,
Опять на них окопные шинели.
Солдаты, заслонившие Россию,
Мальчишками в атаках поседели.
И я к войне причастен той же болью
И памятью тревожно опечален.
Мне видится обугленное поле
И павшие на нем однополчане.
И горше мне седины и сутулость.
И чудится: в глазах друзей незрячих
Прощально небо чадное качнулось.
Я у могилы старой молча плачу.

Партия и правительство проявляют неустанную заботу о ветеранах Великой Отечественной войны, предоставляют им большие льготы, а вот для некоторых, как ни печально, боль нашей памяти уже за далью времени. И те, кто не вернулся с войны, и живущие еще ветераны для таких давно за чертой их внимания. О том не раз говорилось и устно и печатно. В обзоре писем газеты «Известия» «Зона чуткости» есть такой пример. Инвалид войны одесситка Е. Ю. Заруцкая попросила разрешения у покупателей в магазине подойти к продавщице вне очереди. В ответ рядом стоящая с ней женщина «...бросила со злобой: черт вас знает, сколько лет уже нет войны, а все — инвалиды и инвалиды».

Нередко свидетели таких случаев, как ни странно, отгораживаются от воинствующего хамства молчанием, непроницаемостью слуха и духа. Настораживает то, что такая терпимость к моральному одичанию не может не влиять на духовное здоровье молодежи и детей.

Есть у солдатской памяти свои высоты. И самая уязвимая среди них — это высота памяти о тех, кто не вернулся. О тех, кто сердцем прикрыл мир от фашизма.

В долгу у памяти наша печать, писатели, поэты, работники театрального искусства, художники. Все-таки в долгу, как бы и что ни говорилось. Почему нет постоянных целевых рубрик в газетах и журналах, связанных с патриотическим воспитанием на примере ветеранов войны? Мастера литературы и журналистики, участники боев должны активнее, ярче показывать связь прошлых времен с сегодняшней нашей жизнью, связь, которая должна проходить через сердца.

Нужны не только напоминания и призывы, но и постоянно действующий строгий указ совести — живи и помни о долге, о тех, кому обязан самой жизнью. Помни сам и передай память своим детям и внукам.

М. БАРАНОВ,
ветеран войны

Москва.

Возвращение резидента

Олег ШМЕЛЕВ
Владимир ВОСТОКОВ

ПОВЕСТЬ

Рисунки М. ПЕТРОВОЙ

Глава 26

ОЧНАЯ СТАВКА

Как и следовало ожидать, на допросах Брокман признавался только в том, чему имелись убедительные доказательства. Происходило это постепенно, от меньшего к большему. Причем полковник Марков с самого начала придерживался такой тактики: задавая вопросы, он как бы исходил из того, что допрашиваемый обязательно должен ото всего отказываться, а на каждый отрицательный ответ тут же предлагал ему совместно разобраться, почему ответ неверен и в чем заключается слабость позиции допрашиваемого. Подобная система требует много времени и терпения, зато не оставляет места недомолвкам и неясностям.

В основе тактики, избранной Марковым, лежало преднамеренное самоограничение: допрашивая Брокмана, он не использовал для его изобличения никаких сведений, полученных ранее от Михаила Тульева. Это ставило обе стороны в равные условия, и таким образом каждое добытое признание было результатом открытой борьбы и потому имело особую доказательную силу.

Если бы Маркову сказали, что одним из мотивов, побудивших его избрать именно такой образ действий, послужило желание показать самому себе, что он по-прежнему предпочитает идти по линии не наименьшего, а наибольшего сопротивления и тем самым успокоить свое профессиональное самолюбие, задетое батумским эпизодом,— если бы кто-то высказал такое мнение, Марков, положа руку на сердце, наверное, не стал бы его опровергать. Но все-таки главным мотивом его действий было совсем другое, гораздо более важное соображение: предвидя поведение Брокмана, он берег факты, собранные Михаилом Тульевым, для последнего удара. Пусть Брокман пропитается иллюзией, будто следствию известен только маленький отрезок его жизни — с 28 мая по 5 июля 1972 года. Тем сильнее он почувствует шаткость своего положения, когда перед ним выложат всю его жизнь и когда сам Тульев поглядит ему в глаза.

А пока следствие развивалось таким порядком.

Для начала Брокман заявил, что послан в Советский Союз с единственным заданием — дождаться и встретить человека по фамилии Воробьев, который должен передать ему нечто, а он, Брокман, это нечто должен спрятать в укромном месте, например, закопать в землю. О содержимом тюбиков он не имеет никакого понятия. Допускает ли, что это «нечто» может быть химическим или биологическим средством войны? Об этом он не задумывался.

При Брокмане найден пистолет, стреляющий оперенными иглами, острия которых несут смертельный яд. Для чего ему нужен был пистолет? Для самообороны. А микрофотоаппарат? Так, на всякий случай. А домашний секач, завернутый в клетчатую сумку? Для того, чтобы с его помощью сделать ямку в земле и закопать посылку,— это был правдивый ответ.

Когда Брокману показали «Спидолу», он заявил, что впервые ее видит. На вопрос, считает ли он неопровержимыми данные дактилоскопической экспертизы, Брокман ответил утвердительно. Марков спросил: «Держали вы когда-нибудь этот приемник в руках?» Брокман сказал: «Нет». Тогда у него взяли отпечатки пальцев и ладоней и в его присутствии проявили на корпусе «Спидолы» оставленные на ней следы, которых было очень много. Затем на экране совместили отпечатки со «Спидолы» и отпечатки Брокмана. Они совпали так точно, что Брокман, перебив эксперта, начавшего давать технические объяснения, признал, что «Спидола» с 17 мая по 6 июня находилась у него.

После такого водевильного пролога Марков показал Брокману документальный фильм о его поездке в город К. и посещении квартиры академика Нестерова. Брокман признал, что у него было не одно, а два задания.

Затем Марков показал ему кадры, на которых была запечатлена Линда Николаевна Стачевская и дипломат с таксой. Брокман заявил, что ничего по этому поводу сказать не может, так как не имеет к этому никакого отношения. Ему совершенно непонятен смысл действий его хозяйки и назначение пустой сигаретной коробки. На вопрос, куда девалась пленка, отснятая в квартире Нестерова, Брокман заявил, что она засветилась, и он ее выбросил.

На этом первый сеанс с Брокманом кончился.

Линда Николаевна вела себя несколько иначе. На первом допросе она заявила, что является принципиальным противником Советской власти, которую считает незаконной, и готова нести за это любую ответственность, но никаких практических действий, наносящих ущерб государству, не совершала. На вопрос о Брокмане сказала, что познакомилась с ним случайно, а впоследствии, проникшись к нему симпатией, исполняла кое-какие мелкие его поручения. Сознавала ли она, что эти поручения связаны с его нелегальной деятельностью? Нет. Они, эти поручения, не заключали в себе ничего преступного. Получала ли она плату за свои услуги? Нет. Только за квартиру.

Марков сказал, что контрразведке известно прошлое Линды Николаевны, и подтвердил это документами. Она от прошлого не отказывалась, но сделала оговорку, что и во время войны не совершила ни одного поступка, который мог бы служить основанием для суда над нею. Свое поведение она не считала изменой Родине — опять-таки по той причине, что не признавала Советскую власть законной. Марков сказал, что это экстравагантное объяснение служит великолепным доказательством того, что у нескольких управляемых на расстоянии маленьких диктаторов, управляющих маленькими государствами и не признающих Советский Союз, имеется в лице Линды Николаевны Стачевской верный союзник, но что ему, Маркову, это ровным счетом ничего не говорит.

Для Линды Николаевны тоже был организован документальный киносеанс. Однако это ее не разубедило: она продолжала утверждать, что исполняла поручения своего жильца, не усматривая в них ничего криминального.

Чтобы избавить себя от лишней траты времени, Марков устроил Брокману и Линде Николаевне очную ставку и сделался свидетелем малоприятной сцены. Нет, он не обольщался относительно моральных качеств тех людей, против которых боролся по долгу чести и службы, по убеждению, но наблюдать вблизи неприкрытую человеческую скверну ему было противно.

Линда Николаевна, увидев в кабинете Маркова своего жильца, постаралась не показать удивления, но огорчения не скрывала. Вероятно, у нее до последнего момента все-таки теплилась надежда, что ее сигнал тревоги (сумочка, переложенная в правую руку) был замечен и помог ему избежать встречи с мнимым Воробьевым, то есть с чекистами.

Прежде всего Марков, которому помогали Семенов и Павел Синицын, уточнил и закрепил показания, касавшиеся встречи с Воробьевым. Тут Брокман и Линда Николаевна друг другу не противоречили и подробно изложили все детали, в том числе и о пароле, которого не знал Семенов.

Затем Марков сказал, обращаясь к Брокману:

— Итак, вы по-прежнему утверждаете, что Стачевская ездила в Москву и звонила в посольство по своей собственной инициативе?

— Да,— отвечал Брокман.

— Номер телефона вы ей не давали?

— Нет.

— Пустую сигаретную коробку, которую она бросила на Первой Брестской улице, вы ей не давали?

— Нет.

— Следовательно, эти действия Стачевская предприняла без всякого вашего вмешательства? Вы о них ничего не знали?

— Да, это так.

Линда Николаевна сидела на стуле очень прямо, в струнку, глядя перед собой лихорадочно блестящими немигающими глазами. Но при последних словах Брокмана вся как бы оплыла. Плечи опустились, спина ссутулилась.

— А что скажете на это вы, Линда Николаевна? — спросил Марков.

— Все это ложь и пошлость,— голосом, полным брезгливости, отвечала она.

— Такие формулировки хороши для романа, а мы пишем протокол очной ставки,— сказал Марков.— Ответьте на вопросы. Первый: почему вы звонили в посольство?

— Меня просил этот гражданин. Но я не знала, куда и кому звоню.

Вот так, в один миг, изменилось ее отношение к обожаемому жильцу, которого она именовала теперь «этот гражданин».

— Кто сообщил вам телефон?

— Он, конечно.

— Вам ваш жилец известен под фамилией Никитин. Так его и называйте,— сказал Марков.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 17—29, 31—34.

— Хорошо. Номер телефона мне дал Никитин.

— Где вы взяли пустую сигаретную коробку?

— Мне дал ее Никитин.

— Благодарю вас.— Марков вызвал конвойного, и Линда Николаевна покинула кабинет. Она даже не взглянула на своего бывшего повелителя. Она его презирала...

Юридически эти показания Линды Николаевны на очной ставке в данный момент не имели такой силы, чтобы сбить Брокмана с его позиции в части, касавшейся эпизода с дипломатом. Свои задания Линде Николаевне он давал наедине, без свидетелей, и утверждения Стачевской весили ровно столько же, сколько и утверждения Брокмана. А он категорически отрицал свою причастность к истории с сигаретной коробкой. Но впоследствии, когда дело Брокмана обретет контуры законченного строения, эта очная ставка ляжет в него необходимым кирпичиком.

Сейчас Марков хотел побеседовать с Брокманом об эпизоде, которого Брокман не отрицал,— о посещении квартиры Нестерова. Тут были моменты, не вязавшиеся с представлениями Маркова о квалификации тех заочно знакомых ему деятелей разведцентра, которые разрабатывали операции против Советского Союза, и о методах, применяемых их агентами в повседневной практике. Откровенно говоря, Марков был до случая с Нестеровым более высокого мнения о разведцентре и его агентуре. Полезно было разобраться в деталях, чтобы понять, чем объясняются неувязки и сбои, которые он обнаружил в действиях Брокмана.

— Скажите, Никитин, как вы сами считаете: в эпизоде с академиком Нестеровым у вас не было ошибок? — спросил Марков.

Брокман еще не избавился от раздражения, вызванного свиданием с Линдой Николаевной, поэтому не мог сразу переключиться совсем на иную тему и иной тон.

— Моя ошибка — что я сижу здесь,— сказал он довольно резко.

— Это лирика. Такие слова более подходят Линде Николаевне, а вы мужчина,— заметил Марков.— Будем разговаривать конкретно. О поездке к Нестерову.

— Я все делал по обстановке.

— Но вы действовали, мягко говоря, очень опрометчиво. Позвонили несколько раз по телефону, никто не отвечает — вы решили, что квартира пуста, можно идти. Но телефон мог быть просто неисправен. Вы даже не проверили на телефонной станции. А что касается звонка на работу — сами понимаете...

— Да, это глупо.

— И вообще как же проникать в квартиру, не имея точных сведений, где ее хозяева?

— С телефоном моя ошибка, но в остальном я все делал по инструкции.

— В незнакомом городе без всякого помощника — как же так?

— Я работал по аварийной схеме. Мне был приготовлен помощник, но он выпал. Почему — не знаю.

— Фамилия помощника?

— Кутепов.

— Когда вы получили приказ работать по аварийной схеме?

— Число не помню. Это было дня через три после того, как у меня оказались ключи.

— Ключи Линда Николаевна доставила вам двадцать восьмого мая. А кто и как передал приказ?

— По радио.

Вероятно, квалификация разработчиков из разведцентра все-таки не понизилась. Аварийный вариант применяли вынужденно. Маркову было известно то, чего не знал Брокман: неожиданный приезд в город К. Пьетро Маттинелли заставил Кутепова спешить, и в спешке он совершил непоправимые ошибки. И выпал из операции, в которой должен был помогать Брокману. Кончики сходились.

— Теперь скажите, Никитин, как вы должны были действовать не по аварийной схеме? Какая ставилась задача?

— Задача одна — получить рукописи Нестерова,— сказал Брокман и замолчал.

— Вы не ответили на первый вопрос,— напомнил Марков.

— Ну, если бы все шло нормально, я разыгрывал бы из себя племянника Кутепова. Ухаживал бы за дочерью Нестерова. Подходы как будто были готовы.

У Маркова опять возникло ощущение, что план разведцентра выглядит несолидно, если все расчеты строились на «племяннике».

— Послушайте, Никитин,— сказал Марков,— вы отмежевываетесь от дипломата — я вам не мешаю. Но будьте же последовательны там, где вы сильно наследили. Вы о многом умалчиваете. Племянник, ухаживания — это, знаете ли, молочный кисель.

Брокман усмехнулся.

— Ладно, скажу. Племянник — тоже правда, но потом я и Кутепов должны были действовать по поручению иностранного разведчика. Он итальянец, девчонки его знают. И обе уже замазаны...

— Вместе с ключами вам передали письмо Светланы Суховой. Для чего?

— Обычный шантаж. Это никогда не мешает.

— Вы надеялись получить рукописи Нестерова. А если бы он отказал?

— Я мог применить силу.

— Что это значит?

— Ликвидировать.

— Подождите, мы это запишем подробно,— сказал Марков и встал, чтобы взять из шкафа свежую кассету для магнитофона.

А потом он услышал от Брокмана то, что уже слышал от Кутепова. И все концы этой истории окончательно сошлись...

Казалось бы, после совершенно открытого разговора о Нестерове от Брокмана можно было ожидать большей открытости и во всем остальном. Но Марков на это не рассчитывал и был прав.

На седьмой день после ареста Брокмана при очередном допросе Марков, наконец, тронул стержневую, самую страшную для Брокмана тему. Сказав, что для прояснения некоторых моментов необходимо вернуться к эпизоду с Воробьевым, Марков спросил:

— Вы не подозревали, что в тюбиках может содержаться что-нибудь ядовитое?

— Подозревать можно что угодно.

— Спросим прямее: вы знали?

— Нет.

— Лабораторный анализ показал, что содержимое тюбиков — составная часть сильнодействующего стойкого отравляющего вещества. Так сказать, одна из его половин. Наши химики знают приблизительный состав второй половины. Обе они сами по себе, отдельно друг от друга, почти абсолютно безвредны и обладают высокой инертностью. Только соединившись, они становятся страшными.

— Я не химик, но охотно верю всему этому.

— Тюбики Воробьев вез вам. Мы имеем право думать, что вторая половина была у вас.

— Это вы на меня не нацепите,— решительно заявил Брокман.— Не знаю никаких половин. Ничего ни от кого не получал. Воробьев до меня не доехал.

Дав ему выговориться, Марков продолжал:

— Стачевская показала, что с девятнадцатого мая, то есть со дня вашего приезда к ней, и до четвертого июня, то есть до поездки к Нестерову, вы ни разу не отлучались из ее дома. Это верно?

— Верно.

— Стачевская добавила, что где-то между девятнадцатым и двадцать восьмым мая вы все-таки уходили из дому как-то днем и отсутствовали несколько часов. Это тоже верно?

Брокман впервые ответил не сразу, а после короткой паузы:

— Не помню.

— А вы вспомните. Она еще снабдила вас закуской. Вы и секач с собой брали.

— Не помню,— повторил Брокман.

— Но вы по крайней мере помните свои слова по поводу того, почему при задержании у вас оказался этот секач?

— Помню.

— Повторите, пожалуйста. Я забыл их.

— Чтобы зарыть то, что привез Воробьев. Если бы привез.

Он прочно окопался за этими «если бы». И ничего тут не сделаешь...

— А в тот, первый, раз — для другой цели? Дров нарубить?

— Не было того раза. Не ловите меня, гражданин начальник.

Никогда Марков не позволял прорываться наружу чувствам, которые он испытывал по отношению к своим противникам. Он остался спокоен и сейчас.

— Кто вас научил такому обращению — гражданин начальник?

— У меня были хорошие инструкторы.

— Прошу не употреблять этого выражения. Ваши начальники остались там. А насчет «того раза» мы еще побеседуем.

...Это было 12 июля. Вызванный на допрос 14-го, Брокман заявил, что больше никаких показаний давать не будет, так как все ему известное уже сообщил.

Марков оставил Брокмана в покое. Он ждал Михаила Тульева, который вот-вот должен был вернуться после долгой жизни за рубежом.

Не тревожимый привычными вызовами в кабинет полковника, Брокман начал проявлять нервозность.

Глава 27

С ПОЛИЧНЫМ

Психологи и социологи, занимающиеся изучением различных пенитенциарных систем, принятых в разных странах и в разные времена, расходятся — порою очень сильно — в оценке того или иного типа тюрем, установленного в них режима и эффективности разнообразных методов перевоспитания правонарушителей. Но все исследователи согласны в частном вопросе, касающемся одиночного заключения. Признавая его самым тяжким видом наказания и констатируя, что не все одинаково его переносят, специалисты установили прямую взаимосвязь между уровнем интеллекта заключенного и степенью приспособляемости к одиночному заключению. Чем ниже интеллект узника, тем быстрее и разрушительнее действует на его психику одиночка. Приученный к размышлению ум, удовлетворяющийся самопознанием дух несравненно более стойко переносят полное отсутствие контактов с людьми.

Брокман не обладал высоким интеллектом. Выражаясь изящным слогом, сады его воображения заросли дремучим чертополохом и не плодоносили, а в темные заводи его души не проникал животворный солнечный свет. И хотя камера, где он содержался, скорее напоминала обыкновенную комнату — ничего лишнего, но все необходимое есть — и имела площадь не менее двенадцати квадратных метров, и несмотря на то, что предыдущая жизнь сделала из него законченного индивидуалиста, Брокман, запертый в четырех стенах впервые за тридцать семь лет своего существования, испытывал такое чувство, словно его телу тесно в собственной оболочке, и ощущал острую потребность хотя бы молчаливого общения с живым существом.

Уже не с каждым днем, а буквально с каждым часом все нетерпеливее он ждал, что его позовут на допрос. Но его не звали. Он начинал злиться, но тут же говорил себе: сам виноват, не надо было заявлять, что отказываешься давать дальше какие-нибудь показания. Он жалел, что, решив отращивать бороду, отказался от парикмахера, а менять решение считал малодушием.

Он пробовал отвлечься, вызывая в памяти картинки из прежней жизни. Но картинки невозможно было остановить и разглядеть, они мелькали, наползали друг на друга и сливались в серое пятно. Он стал просыпаться по ночам по пять-шесть раз. Наконец — чего уж он никак не предполагал—от него ушел аппетит. Тут он понял, что может стать одним из тех неврастеников, которых, как сказано выше, презирал. Всегда тщательно заботившийся о своем здоровье, ибо хорошее здоровье при его профессии было первейшей необходимостью, Брокман с нараставшим беспокойством отмечал, что день ото дня все больше худеет. С ним произошла еще одна странность: ему противен стал дым табака, и он бросил курить.

Он отмечал сутки царапинами на стене. С 14 июля таких царапин уже накопилось одиннадцать. 26 июля в неурочный час — между обедом и ужином, когда Брокман лежал на койке, закинув руки за голову,— в двери камеры неожиданно загремел ключ. Именно загремел, хотя в обычное время, когда приносили еду, звук открываемого замка, который был хорошо смазан, воспринимался совсем не громким.

Брокман рывком вскочил на ноги и застыл, вытянув руки по швам и сжав кулаки. В его позе не было воинственности — одно напряжение.

Дверь отворилась. В камеру вошел Михаил Тульев...

Что испытал Брокман при этом появлении, словами передать невозможно. Михаил видел, как гладкий сухой лоб Брокмана вдруг покрылся крупными каплями пота, капли слились, и пот побежал вниз, на глаза, а Брокман смотрел не мигая, и его неподвижный взгляд был пуст.

Михаил прикрыл за собою дверь и стал перед Брокманом в трех шагах. Так они стояли долго, не менее минуты. Наверное, если бы в это время раздался взрыв или к лицу Брокмана поднесли бы горящую спичку, он ничего бы не почувствовал, не услышал. Он был в столбняке.

— Здравствуй,— сказал Михаил.

Брокман молчал. Михаил обошел его, сел на табуретку к столу. Брокман повернулся к нему, как манекен, и лицо у него было, как у манекена.

— Ты меня узнаешь? — спросил Михаил.

— Мишле,— тусклым, совершенно без всякого выражения голосом сказал наконец Брокман. Он вспомнил фамилию, под которой Монах представил Михаила при их официальном знакомстве перед отъездом в Швейцарию. Настоящей фамилии Брокман, должно быть, так и не узнал.

— Садись, поговорим,— сказал Михаил.

Брокман послушно сел на койку, не сводя с него немигающих глаз. Михаил вынул из кармана сигареты — французские «Голуаз», крепкие, их он всегда предпочитал другим. Это была последняя пачка из привезенных им.

— Кури.

— Почему?..—явно не услышав его, спросил Брокман. Понятно, что он хотел сказать: «Почему ты здесь?»

Михаил сказал:

— Я приехал домой.

Брокман наконец вышел из шока.

— Кто ты, Мишле? — спросил он почему-то шепотом.

— Советский контрразведчик.

— Ты работал на них?

— Говори нормально,— сказал Михаил.— Успокойся. Что-то ты сдавать начал.

— Ты советский? — Брокман никак не мог уложить это в своей голове.

— Я уже сказал: ты плохо соображаешь.

— Ох, кретины, какие кретины.— Облокотившись о колени, Брокман обхватил голову руками и застонал.

— Ты сейчас, как в Гштааде,— сказал Михаил.— Помнишь, когда увидел тех типов, от Алоиза?

Это подействовало на Брокмана так, словно ему дали понюхать нашатыря.

— Зачем тебя ко мне прислали? — подняв лицо, спросил он совсем другим тоном, уже готовый к сопротивлению.

Михаил посмотрел на него, не скрывая презрения.

— По делу. Но я и сам бы тебя навестил.

— По-дружески? — усмехнулся Брокман.

— Ты, оказывается, еще и свинья,— сказал Михаил.— Память у тебя хорошая, а Гштаад забыл?

— Спасибо хочешь услышать?

— Тебя бы уже давно черви съели, но я не об этом.— Михаил прикурил сигарету от зажигалки, затянулся раз, другой. Он хотел быть поспокойнее. Оторвал от пачки кусок плотной обертки, свернул на пальце кулечек— для пепла. И сказал: — Помнишь, ты рассказывал в Гштааде, как людей на тот свет спроваживал?

— Я врал, фантазировал,— зло ответил Брокман.

— Может, и так. Но про старика, которого железкой в висок,— это ты не врал. Фамилию его не помнишь?

Брокман не понимал, почему вдруг речь зашла о каком-то старике, которого он когда-то убрал между делом и давно забыл о нем и думать и фамилию которого действительно не мог вспомнить. А когда Брокман чего-нибудь не понимал, он сразу терял почву под ногами. Он не знал, что говорить этому Мишле, который оказался совсем не Мишле.

— Я тебе напомню,— сказал Михаил.— Фамилия старика была Тульев, Александр Тульев. Это мой отец.

Брокман помолчал, соображая, и снова сник.

— Но это чистая случайность... я же не знал...

— Скотина.

Последнее слово Михаил произнес тихо, как будто не для Брокмана, а для себя. И он совсем не ждал того, что произошло дальше.

Брокман вдруг повалился на койку, закрыл лицо руками и заплакал. Он всхлипывал, плечи его вздрагивали.

Михаил встал и начал ходить между столом и дверью, время от времени взглядывая на Брокмана, на его вздрагивающие плечи. Он был взволнован. Когда плачут такие, как Брокман,— это не пустяк, это не всякому дано увидеть. Не потому он лил слезы, что ему напомнили о давнем преступлении. Что для него какой-то старик, хотя бы и оказавшийся отцом человека, спасшего ему жизнь? Так, частный случай. Над всей своей изломанной, страшной жизнью плакал Брокман. И как тогда, в курортном городке Гштааде, Михаил почувствовал к нему странную, смешанную с презрением, горькую жалость. И вновь, как тогда, подумал, что сам мог бы попасть в такое положение, не окажись к нему судьба чуть милостивее. Михаил остановился перед койкой. Брокман теперь не всхлипывал, он только тяжело дышал.

— Не раскисай,— сказал Михаил.

Брокман повернулся и лег лицом в подушку.

— Я не квитаться с тобой пришел,— сказал Михаил.— Дело есть.

— Говори,— совершенно спокойно, без всякого надрыва, отозвался Брокман.

— Ты напрасно молчал на допросах.

— Я не молчал.

— Но главного не говорил.

— Не знаю, что главное.

— Врешь.

— Чего ты хочешь? — Брокман сел. Лицо его было очень усталым.

— Имей в виду: если человек добровольно сознается во всем на следствии, суд это учитывает.

— При чем здесь суд... Тебя послал тот, который меня допрашивал?

— Да.

— Ему нужен мой тайник, понимаю.

— Не только.

— Ладно. Пусть вызовет.

Брокман в присутствии Павла Синицына рассказал Маркову все, о чем умалчивал раньше,— и о тайнике, заложенном в лесу, и о том, что передал дипломату в сигаретной коробке пленку со снимками, сделанными в квартире академика Нестерова и в районе села Пашина, и со схемой местности, на которой помечен тайник.

В конце его долгого рассказа Марков задал Брокману несколько вопросов.

— То, что вез Воробьев, нужно было там же спрятать или в другом тайнике?

— Где-нибудь недалеко. Но ни в коем случае не вместе. Я выбрал там подходящую точку. На схеме она тоже отмечена.

— Дипломат понадобился, потому что вы лишились рации?

— Пленку я все равно обязан был передать. У меня остался дубликат.

— Где он?

— Дома у Стачевской. Надо показать, сами не найдете. Там и письмо Суховой.

— Дипломат вам нужен был только для этого?

— Нет. Когда пропала рация, оставалась связь только через него. Было бы радио — не было бы открыток и всех этих телефонных переговоров.

— Если бы все сошло благополучно с Воробьевым — что дальше?

— Шестого июля Стачевская позвонила бы по телефону.

— Дипломат и так знал, что Воробьев взят. У Воробьева был билет на самолет, его группа улетела пятого ночным рейсом.

— Звонок был обязателен в любом случае. Раз не позвонила — значит, взяли и ее.

— Стало быть, и вас?

— Мой контрольный срок — десятое июля.

— Тоже звонок?

— Да.

— А потом?

— Потом меня списали.

— Видите, что вы наделали своим молчанием.

— Виноват.

Марков посмотрел на часы — было без четверти девять. Начинало смеркаться.

— Найдете тайник ночью?

— Могу,— сказал Брокман.

Марков отправил его в камеру, предупредив, что скоро за ним придут.

— Да-а, Владимир Гаврилович, если б этот подлец сразу все выложил, шестого июля можно было сочинить хороший сюжет,— сказал Павел.

— Ты-то уж, пожалуйста, без «если бы».— Не скрывая досады, Марков бросил на стол карандаш, который вертел в пальцах.— Сколько езды до Пашина?

— Тогда мы добрались за час с небольшим.

— Семенов еще здесь?

— Домой вернулся.

— Захвати кого-нибудь. Поезжай с Брокманом. Проверь. Если тайник цел — не нарушайте. Отбери одну батарейку. Завтра с утра организуй там наблюдение.

— Слушаюсь, Владимир Гаврилович.

— На обратном пути заедете к Стачевской, возьмете пленку.

— Понял, Владимир Гаврилович. Может, Михаила пригласить?

— Ты же Марию вызвал.

— Они с Сашкой еще не приехали. Завтра утром.

— Ну, как знаешь... Только захочет ли он...

— Захочет, Владимир Гаврилович.

Тайник Брокмана оказался в целости. Павел убедился в этом и оставил все, как было, взяв только одну батарейку — для анализа.

У Маркова не было уверенности, что кто-то обязательно явится за спрятанными батарейками. Но он надеялся на это.

Что давало надежду? Он рассуждал просто. Главное: со стороны тех, кто все это организовал, было бы неразумно оставлять содержимое тайника на произвол судьбы.

Однако изъятие батареек связано с риском: можно попасть в засаду.

Ставя себя на место противника, Марков пытался определить, какие соображения перевесят. И получалась такая картина. Во-первых, раз они послали Воробьева, значит, считали, что до пятого июля Брокман не был известен советской контрразведке. Во-вторых, арестованный Брокман не станет сообщать о тайнике — это равносильно самоубийству. Никаким иным путем о существовании тайника чекисты узнать не могут.

В общем, исходя из этого, надежду свою Марков не считал беспочвенной.

Господин с симпатичной таксой до 2 августа никуда из пределов Москвы не выезжал. 2-го он отправился за город, но совсем не в том направлении, где его ждали,— по Минскому шоссе. С ним в машине, кроме таксы, была молодая женщина. Километрах в пятидесяти от города они съехали на проселок, оставили машину и немного погуляли. А потом вернулись в Москву.

3 августа черный «мерседес» с тем же экипажем в девять часов утра свернул с кольцевой дороги на горьковское шоссе, в десять миновал городок, где до недавнего времени жила Линда Николаевна, а в четверть одиннадцатого машина была в районе села Пашина. Дипломат поставил ее на лугу в тени большой скирды сена.

Женщина взяла таксу на поводок и вышла из машины. Дипломат открыл лежавшую на сиденье большую спортивную сумку с наплечным ремнем, достал несколько фотографий — это были изображения местности, лежавшей перед его глазами: луг, окаймленный лесом. На одной из фотографий — опушка леса и высокий дуб, стоящий особняком. Потом он сличил местность с чертежом, лежавшим между карточками.

Посмотрев снимки и чертеж, дипломат взял сумку и пошел следом за женщиной. Песик, в котором, вероятно, проснулся подавленный городским существованием охотничий инстинкт, тянул поводок так сильно, что женщине стоило труда идти шагом, а не бежать.

До леса было не больше километра, но прежде чем дипломат увидел дерево, отмеченное на чертеже крестиком, им пришлось гулять долго.

Павел Синицын связался с консульским

управлением Министерства иностранных дел в начале десятого — сразу, как только стало ясно, что дипломат направился к тайнику. Чтобы соблюсти все правила, регламентирующие действия официальных представителей властей страны пребывания по отношению к лицам, обладающим дипломатическим иммунитетом, потребовалось время, но в половине одиннадцатого из Москвы по маршруту черного «мерседеса» уже выехали два автомобиля. В одном из них сидел Павел Синицын, в другом — сотрудник консульского управления и сотрудник посольства, соотечественник дипломата с собачкой.

Отыскав дерево, под которым был тайник, дипломат велел женщине прогуляться в сторону шоссе, а сам, достав из сумки литой железный туристский топорик, приступил к делу. Дерн над ямкой, в которой покоились батарейки, был уложен так искусно, что он не скоро определил это место, дважды начиная копать не там, где нужно, но в конце концов нашел.

Когда, откинув рыхлую, не успевшую слежаться землю, он увидел коробку, за спиной у него кто-то деликатно кашлянул. Дипломат, не поднимаясь с колен, оглянулся. Над ним стояли двое молодых людей, рослые, плотные. Они смотрели на него и молчали.

Он положил топорик в сумку и хотел ее закрыть, но один из молодых людей сказал:

— Просим вас, оставьте все, как есть.

— Вы не имеете права ни задерживать меня, ни тем более обыскивать,— сказал он, вставая.

— Мы знаем,— скромно согласился молодой человек.— Мы только убедительно просим вас оставаться на месте. Скоро сюда приедут другие люди, вы с ними и поговорите.

Вид вежливых молодых людей не оставлял сомнений, что бросить все и уйти они ему не позволят, и дипломат, рассеянно поглядев в сторону шоссе, где на лугу гуляла женщина с таксой, сказал:

— Мне нужно поговорить с женой.

— Пожалуйста.

Один из них сходил за его женой. Дипломат сказал ей, чтобы она шла к машине и ждала его там. Она была испугана, но старалась этого не показывать.

Жена дипломата еще не успела достигнуть скирды, в тени которой стоял «мерседес», когда на шоссе появились две машины, шедшие на одинаковой скорости со стороны Москвы. Они свернули на луг прямо через кювет.

Всю дорогу Марии не давала покоя мысль: как-то встретятся сын с отцом? Саша знал отца по единственной фотографии, которую еще лет семь назад привез Марии по ее просьбе Павел. Мария карточку увеличила, отдала в ретушь и повесила портрет на стене в комнате сына. А получил ли Михаил карточку Саши, которую она передавала через Павла, и можно ли ему иметь ее при себе, Мария не знала.

Долгие годы она по необходимости должна была скрывать от Саши правду об отце, придумывала всякие романтические истории о полной опасностей работе на Севере, но по мере того, как сын рос, делать это ей становилось все труднее. И все больше росло чувство невольной вины перед сыном. Особенно больно было, когда однажды Саша пришел со двора заплаканный и убитый и рассказал, что мальчишки, его дружки, не верят ему, говорят, что пусть он не сочиняет сказки про Север, что все это враки, и никакого законного отца у него не было и нет. Мария постаралась объяснить ему, что эти недобрые мальчики только повторяют слова каких-то недобрых взрослых и не стоит обращать на них внимания. Она уверяла, что настанет день, и Саша обязательно увидит своего отца, и отец обнимет и поцелует его.

И вот этот день настал, пришла эта долгожданная минута. Поезд щелкал колесами по стрелкам на подходе к Рижскому вокзалу.

Саша, взявшись за поручень, привстал на приступке у окна, Мария стояла рядом, обняв его за плечи.

Встречающих на перроне было мало.

Мария увидела Михаила прежде, чем он увидел ее. Сердце у нее стучало часто-часто, она слышала этот стук. Во взгляде мужа, перебегающем от окна к окну, ей почудилась неуверенность и тревога — наверное, он боялся, что они не приедут или задержатся.

Потом и Михаил увидел их, замахал рукой, улыбнулся и зашагал вровень с окном. И тогда Саша вдруг закричал:

— Папа! Папа!

И так плотно прижался к стеклу, что нос его сплюснулся и побелел.

Поезд стал. Мария, опередив неторопливых соседей по вагону, следом за Сашей быстро пробралась к выходу.

Михаил схватил правой рукой Сашу, левой перенял у Марии чемодан.

Она обняла Михаила и сына. Они стояли и все трое плакали.

Пассажиры, проходившие мимо, поглядывали на них с неким снисходительным пониманием. Но пассажиры не могли их понять, потому что не знали, какой длинный путь был пройден, прежде чем обнялись эти родные друг другу люди.

Окончание следует.

ОСОБЕННЫЕ ЛЮДИ — ДАЛЬНЕВОСТОЧНИКИ

И. КРЯКОВА

Сахалин — как же печально звучало это слово еще несколько десятков лет назад! Чуткое сердце Чехова привело его сюда, и в книге о Сахалине встал весь ужас и все бесправие края каторги и ссылки... Сегодня аэропорт Южного Сахалина принимает и принимает самолеты. Те, кто приехал впервые, видят перед собою обычный город, каких много и в центре России; лишь волнистые зеленые сопки сообщают ему особое, неповторимое очарование; жизнерадостно выглядят широкие, густо озелененные улицы, а огромный парк переходит прямо в тайгу.

Прекрасное, светлое здание областного театра украшает мозаичный портрет Антона Павловича Чехова. Театр носит имя писателя.

Недавно сюда пришла телеграмма: «Плавучая база «Новая Ладога», радио, передать три адреса: Сахалинский обком КПСС, Облдрамтеатр, редакцию газеты «Советский Сахалин»: четвертый год облдрамтеатр выезжает спектаклями районы экспедиций. Встречи искусством театра тепло принимаются моряками. Учитывая пожелания членов экипажа, также накопленный опыт работы в море, предлагаем заключить театром договор творческом содружестве, включив обязательства плавучей базы и театра планы десятой пятилетки».

По вечерам гостеприимно распахнуты перед зрителями двери театра. Но его деятельность многообразна и отнюдь не ограничивается спектаклями у себя «дома». Особенность всей жизни области, расположенной на островах,— кстати сказать, единственной подобной в нашей стране,— диктует театру ряд особых, необычных задач. Он обязан встречаться (и встречается!) с поисковыми группами геологов; зрителями театра должны стать и оленеводы, и лесорубы, и, конечно же, рыбаки Тихоокеанской флотилии.

Сахалинский театр еще в 1975 году (первым из театров этой зоны) начал обслуживать моряков. А дело это очень непростое. Сахалинская погода, быть может, как никакая другая, капризна и переменчива: «штормлива». Однако коренные жители к здешним условиям, мало сказать, привыкли, они, пожалуй, считают их даже вполне сносными.

— Накопился у меня отпуск за несколько лет: целых восемь месяцев отдыха! Поехал я к родственникам на Азовское море. Там полная благодать: арбузы огромные, тепло, фрукты — ешь, не хочу! Но вот одолела меня там скука... Тоскую по своему суровому морю, по охоте... А когда вернулся к себе, сошел с трапа — ветер рвет, дождем шпарит, я обрадовался, подумал: ну, родная земля, до чего же встретила хорошо!.. — смеется Николай Родионович Жученков, председатель профсоюзного комитета одной из баз производственно-транспортного флота.

Не будем удивляться: Николай Родионович коренной уроженец Сахалина. Много лет плавал механиком. Его отец и мать были «десятитысячниками», приехавшими в самом начале тридцатых годов поднимать на Сахалине рыбный флот.

Влюбленность в природу края, в свое «штормливое» море ощутима здесь чуть не в каждом сахалинце, а Жученков — патриот, прямо-таки одержимый.

— Мой Сахалин — любовь моя,— говорит он восторженно.

— За что особенно свой край любите?

— За бескрайность моря, неба, тайги... А больше всего за то, что люди здесь живут особенные, не белоручки! Ведь вот и тем, кто в театре работает — актерам и особенно актрисам,— чтобы выехать в океан, надо не только просто талант иметь. Надо еще иметь мужество. И немалое. Театр добирается к месту лова на небольших судах, рассчитанных на 10—12 человек команды. Это значит, что если море вдруг заштормило — а штормить оно может не день и не два,— то отдохнуть негде... Обычно в такой ситуации матросы сразу же отдают свои койки актерам. Но имто, актерам, от этого, прямо скажем, не легче...

В неспокойную погоду пришвартоваться к большому судну тоже совсем не просто. Висит, раскачивается человек в специальной морской сетке над свирепо бушующим морем, значит, надо или изобразить спокойствие, или постепенно приучаться быть спокойным... Зато уж на корабле актеру оказывают настоящее морское гостеприимство. В плавании рыбаки ведь бывают по шесть, а то и по восемь месяцев. Работа тяжелая и однообразная: сети — рыба, сети — рыба... И хотя в море всегда с особой силой крепнет морская

Актеры приехали!

дружба, все же свежий человек на корабле — всегда радостное событие! А уж если прибыли актеры со спектаклем или концертом, то восторг заранее велик.

После спектакля — беседы об искусстве; актеры всегда интересно рассказывают о своей работе, делятся творческими планами, вместе думают об увиденном в жизни... Все это чрезвычайно волнует и радует моряков, а значит, остронеобходимо для их морского «быта».

Красиво бывает в море: огни, огни... На месте лова иногда скапливается до 500 судов наших и иностранных — целый город огней... С флагманского судна по радио звучит громкое оповещение о предстоящем спектакле. И к назначенному часу зрители съезжаются с других судов.

Актеры играют даже при плохой погоде. Качнет судно—актер не удержит равновесия, схватится за поручни, потом опять встанет поустойчивее и... продолжает вести роль! А ведь играть-то он обязан всегда правдиво: зрители рядом, малейший «нажим» сразу виден.

Сахалинский облдрамтеатр создал свою специальную конструкцию, пригодную для установки декораций на кораблях. Конечно же, весьма подробно продумывается репертуар. Спектакли подготавливают к выезду в море «портативные», чтобы в необычной обстановке не понизилось художественное качество постановки. С особым успехом прошли на судах спектакли «Энергичные люди» Шукшина, «Провинциальные анекдоты» Вампилова, чеховские одноактные пьесы... Многое уже показали морякам, а с моря в театр все идут и идут телеграммы с просьбой приехать еще раз...

Иван Васильевич Панькин, заведующий отделом агитации и пропаганды Сахалинского обкома КПСС, говорит убежденно:

— Театр необходим морякам! Промысел рыбы стал океаническим: то есть рыбу ловят и сразу же обрабатывают на месте, на плавбазах. Это, по сути, большие плавучие заводы, где работает до 500 человек. Раньше лов был прибрежным, люди каждую неделю возвращались домой. А сейчас суда уходят далеко в океан. Уходят на полгода, а то и на год. Людям обязательно нужен отдых — нравственная разрядка, свежие впечатления. Поэтому на каждом собрании возникает вопрос о необходимости встреч с театром. Настало время иметь *специальное судно* для этой цели! Такое судно, на котором можно было бы привезти к морякам не только спектакль, но еще и лекторов, концертную группу, ту же почту, а она пока тоже добирается к морякам на попутных судах... Сахалинский обком КПСС уже несколько лет ставит перед Министерством рыбного хозяйства эту задачу... Мы считаем ее, как видите, очень важной, но до сих пор ответа нет. А постановление ЦК КПСС о дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы должно бы серьезно активизировать работников министерства! Ведь около двадцати тысяч сахалинцев ежегодно выходят в море. Горячо откликаются на просьбы моряков театр и актеры. Так не настало ли действительно время и Министерству рыбного хозяйства более активно позаботиться о полноценном досуге моряков, об их настроении! Кстати, в постановлении ЦК КПСС предусмотрено и улучшение материально-технических средств, помогающих вести эту работу.

...Много проблем в море. Есть они и на берегу.

Машины, машины, машины хлопотливо заполняют шоссе. И почти на каждой — стройоборудование... Мы находимся в районе, которому в будущем предстоит давать пятую часть всего урожая риса, собираемого в Приморье. Район активно строит рисовые системы, создает жилые комплексы, предусматривающие сооружение не только удобных двухэтажных коттеджей, но еще и учебных, бытовых, культурно-спортивных зданий. В каждом селе будет построен свой Дом культуры со спортивными залами и библиотеками.

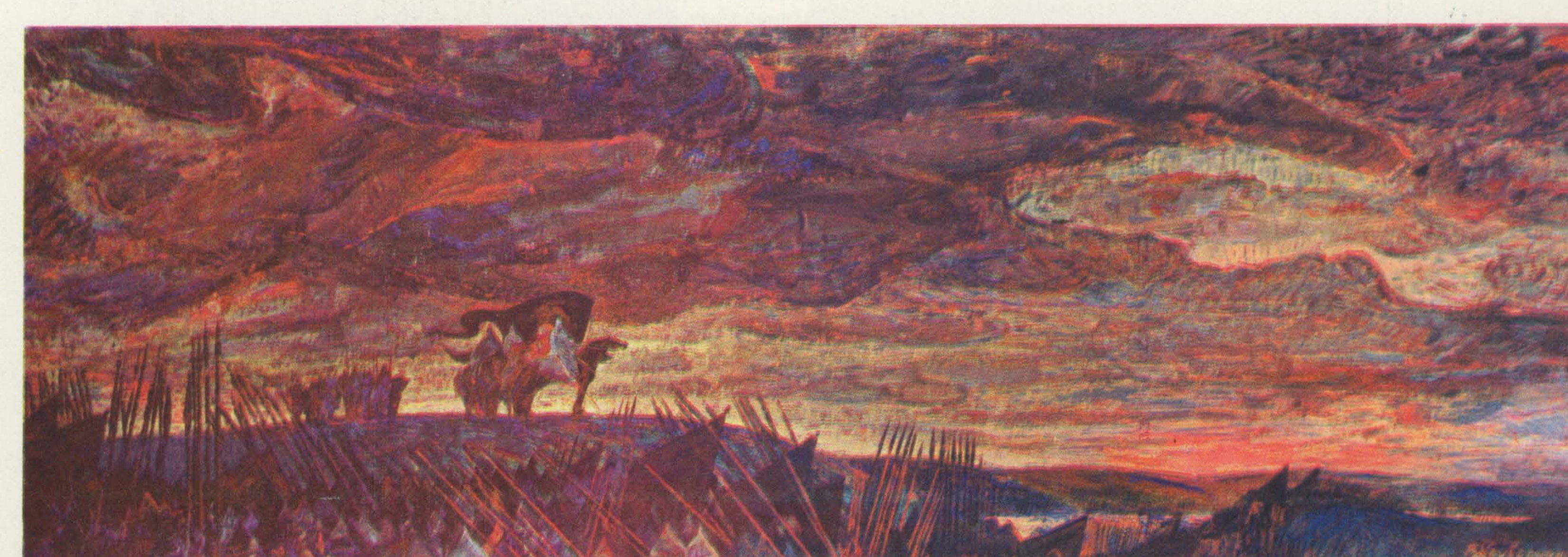
Впрочем, уже и сейчас в селе Хороль есть Дом культуры. Есть и летний кинотеатр, даже есть парковая зона со всевозможными аттракционами; есть музей, музыкальная школа...

Мы в кабинете первого секретаря райкома Владимира Ивановича Братченкова.

— Скоро в нашем районе,— говорит он,— вступит в строй новый рисоград,— так мы зовем совхоз имени 50-летия ВЛКСМ Приморья. Это будет комплекс нового типа. Думаю, всем новоселам он понравится! Удобство и красота сооружений предусмотрены уже в проекте... Такой же комплекс строится в селе Ново-Девичьем. Сейчас выбираем участок под постройку комплекса в селе Луговом... Везде

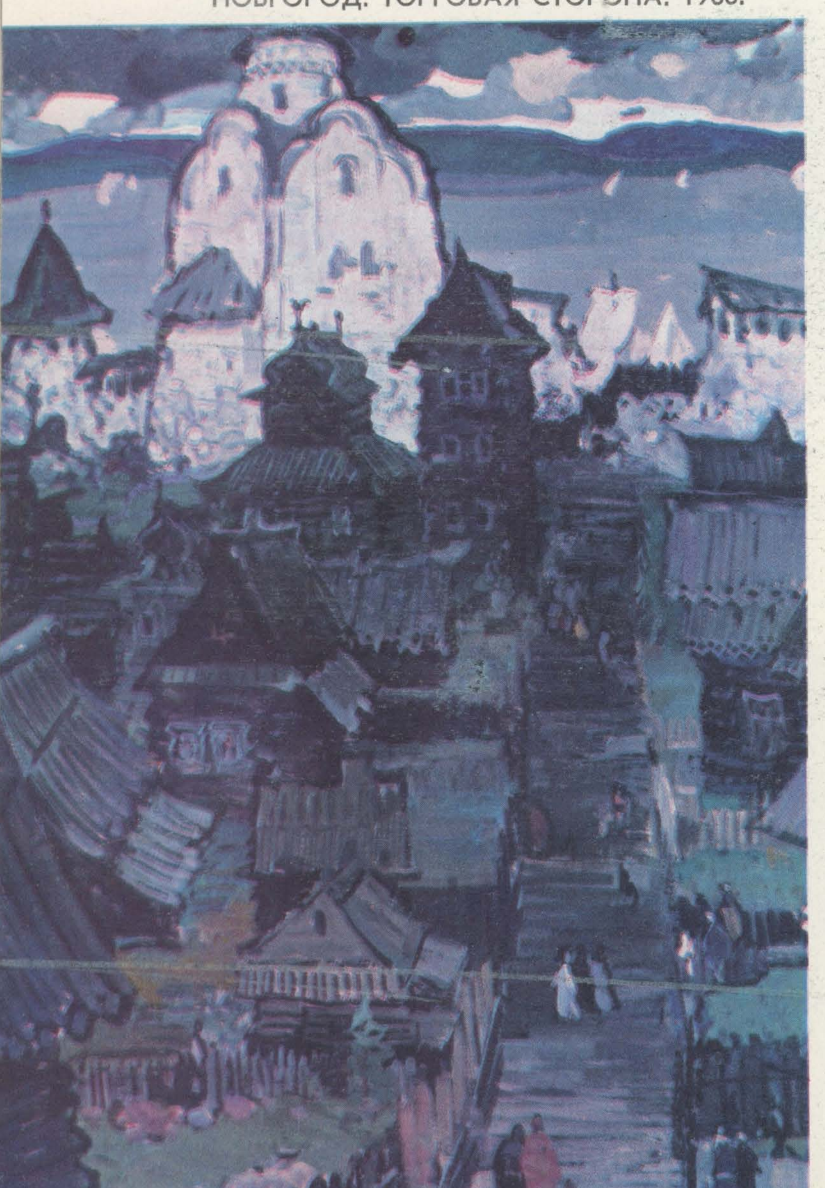
В. Криворучко. ДИМИТРИЙ — ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ МОСКОВСКИЙ. 1968.

К ДОНУ — НА ЗАЩИТУ ОТЧИЗНЫ. 1973.

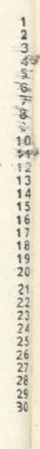
В. Криворучко. ХРАМ ВО ПСКОВЕ. 1968.

НОВГОРОД. ТОРГОВАЯ СТОРОНА. 1968.

БЕЛОЗЕРСКАЯ ТВЕРДЫНЯ. 1972.

будут Дома культуры, оборудованные, согласно требованиям времени, хорошими сценическими площадками. Скажем Театру: милости просим в гости к нам! Приезжайте с большими, настоящими спектаклями, а то мы часто страдаем от наездов малохудожественных эстрадных групп «ВИА». Вместо отдыха они приносят раздражение: очень уж пошлое исполнение — крикливое, громогласное... Хотелось бы видеть искусство доброе, высоконравственное и, разумеется, идейное, воспитывающее людей в духе советского патриотизма.

Однажды краевой драматический театр имени М. Горького привез сюда пьесу А. Арбузова «Жестокие игры».

— А у нас ведь и проблем-то таких, какие описывает драматург, нету,— говорит заместитель председателя исполкома Геннадий Васильевич Мацко.—Судьбы в спектакле представлены какие-то изломанные и страшные. А наши ребята и девушки духовно более цельные натуры. Они душевно другие. Они гораздо уравновешеннее, шире, щедрее... Вероятно, это идет от самой нашей природы дальневосточной... Где еще вы найдете такую красоту, особенно осенью, когда сопки одеваются в золото и багрянец! А если углубишься в тайгу уссурийскую, то дорогу вам перебежит фазан, может встретиться изюбр, а то и кабан, иногда даже тигр. Смелость и доброта рядом живут... Переселяться начали сюда в конце прошлого века,— продолжает Г. В. Мацко.— Мою бабушку ребенком привезли. Много было тогда страданий и нужды. Большие испытания перенесли люди, и поэтому привыкли к взаимовыручке, привыкли всегда помогать друг другу. И это передавалось из поколения в поколение. Если голоден, только скажи: накормят. Если же, скажем, не понравился спектакль, тоже прямо скажут... Конечно, нам, сельчанам, очень нужен театр, только боевой театр, оптимистический, раскрывающий духовное богатство советского человека. И как же обидно, что красивых людей так мало замечают драматурги. Взять вот хотя бы нашу учительницу, Героя Социалистического Труда Валентину Михайловну Пучкову. Еще в 1939 году она, окончив институт в Москве, приехала сюда, стала дальневосточницей; живет в нашем селе и не только учит детей, но прививает им любовь к прекрасному, постоянно рассказывает об искусстве, о выдающихся актерах современности... Когда приезжает к нам театр, да еще с детским спектаклем, то детишки и взрослые заполняют Дом культуры до отказа; даже все проходы людьми забиты бывают. Тяга к искусству у народа — огромная!

...Разумеется, не только проблемами искусства занимаются руководители района. Но они искренне, просто говорят о том, что театр нужен, а в приездах театра нужна планомерность, постоянство. Они высказывают очень убедительные претензии по репертуару, художественному качеству спектаклей. Советуются между собой, как сделать каждый приезд театра праздником для села.

Хорольский район показателен для России в смысле культурного строительства. Но в то же время он вполне *обычен* для Дальнего Востока. Здесь все в движении, все в стройке. А сколько уже создано! Удивительные Дворцы культуры построены, например, в селе Чугуевском, в пограничном селе Турий Рог.

Всего в километре или двух от границы стоит в Турьем Роге, сверкая стеклами, на фоне зеленых сопок новое двухэтажное здание с зимним садом, отличной библиотекой, хорошей сценой, всевозможными комнатами для кружковых работ. Особенно усердно здесь работает кружок с хорошим названием «Малышок»...

...Дальний Восток — удивительный край. Недаром же здесь так символично смотрится памятник первопроходцу — Владимиру Клавдиевичу Арсеньеву... С высокой сопки зорко глядит он на преображенную землю. А в небольшом ранее поселке Семеновка, который стал теперь городом Арсеньевом, в окнах многоэтажных зданий зажигаются огни сегодняшних дальневосточников, и правда — людей особенных.

Сахалин — Приморье — Москва.

САМЫЙ ПРЕКРАСНЫЙ ПОДАРОК

Приметы дружеских связей братских социалистических стран можно видеть, наверное, во всех городах Советского Союза. И у нас в Ворошиловграде тоже. В педагогическом институте обучаются студенты из Польши и Болгарии, а в машиностроительном — посланцы 39 стран мира.

В центре города сооружается огромный ресторан и 14-этажная гостиница. Оборудование сюда будет поставлено из Народной Республики Болгарии. И в честь болгарского города-побратима гостиничный комплекс получит название «Перник».

Недавно закончено строительство новой школы на 3 тысячи мест с плавательным бассейном и оранжереями. Школа построена по проекту кубинских друзей. А возводить ее строителям помогал гусеничный кран производства ГДР.

Ворошиловградский тепловозостроительный завод — один из крупнейших в мире. Постоянно строятся новые цеха и корпуса. Один из них сооружается по немецкому проекту. Материалы и конструкции для его постройки поставляются нам из Германской Демократической Республики.

Я работаю в Ленинском РК ЛКСМУ Ворошиловграда. Товарищи из-за рубежа — частые гости у нас в райкоме. В большинстве это руководители молодежных организаций, которые приехали к нам для того, чтобы узнать о наших методах работы с молодежью. Мы тоже узнаем от наших зарубежных коллег много нового и полезного.

...Делегацию чехословацких друзей ждали с нетерпением, и все очень волновались. Еще бы! Приедут строители газопровода с мировым именем. Встреча получилась очень радостной. И случилось так, что в экскурсионном автобусе я оказалась рядом со Зденеком Новаком — высоким темноглазым парнем. Слово за слово — завязался разговор. А вечером в молодежном кафе «Арктика», украшенном цветами, плакатами и фотовыставками о Чехословакии, я познакомила его со своим мужем, тоже строителем. Им, конечно, было о чем поговорить! Рассказывали о своих стройках, методах работы. Зденек делился впечатлениями о нашей стране, о работе на строительстве газопровода, рассказывал о жизни в «чехословацкой деревне».

У них есть своя газета с информацией о стройке и о Чехословакии. Есть курсы русского языка, автовождения, спортивные состязания, рыбалка. Довольны ребята своей жизнью. Ведь хороший отдых — залог хорошей работы.

Наши друзья пригласили нас побывать у них на стройке.

И вот мы там... Аккуратные домики, чистенькие улочки, а вокруг все в движении. Снующие взад-вперед машины, ревущие экскаваторы, сотни людей, громадные котлованы, гигантские трубы, целые горы земли, невероятный размах работ. Только при совместных усилиях возможно такое грандиозное строительство.

А вот и Зденек. Стоит рядом со своим экскаватором. Такой огромный, что кажется, в кабинку и не втиснется. Однако втискивается. И даже легко это у него получается.

Многие из участников нашей встречи подружились, наверное, на всю жизнь. Зденек был частым и желанным гостем у нас в доме. В августе прошлого года он уехал домой в Братиславу. Письма в оба конца идут непрерывным потоком. И на будущий год мы с мужем собираемся проведать нашего друга и познакомиться с его молодой женой.

Если согласиться, что самый прекрасный подарок — это дружба, то можно с уверенностью сказать, что судьба щедро одарила наши народы. Пусть непохожи наши языки и быт, обычаи и природа, пусть пролегают тысячи километров между нашими землями, есть другое, высшее сходство людей — их убеждения. И в этом мы едины навеки.

Нина ЖИГУНОВА

Ворошиловград.

ДОБРЫЙ ХЛЕБ

Принимая гостей из чехословацкого города Яблонец, мы поинтересовались, что им особенно понравилось на Кубани. Ответ был один: «Какой вкусный у вас хлеб!»

Всех гостей, которые приезжают к нам в колхоз, мы угощаем своим «фирменным» свежеиспеченным хлебом. А гости наши — это в основном члены сельскохозяйственных кооперативов либо фермеры (из Дании, Англии). Понятно, что в первую очередь они обращают внимание на хлеб. Точнее сказать, сам Его Величество Хлеб властно привлекает к себе взоры.

«Есть хлеб — будет и песня...» — такими словами начинает Леонид Ильич Брежнев свою книгу «Целина».

А где песня, там и радость и веселье.

На отсутствие хорошего настроения никто из наших гостей пожаловаться не мог.

Посылаю снимки, которые были сделаны на память о встрече.

На одном из них возле памятника погибшим воинам — Богомил Александров-Дойчинов, агроном из Пловдивского округа. На другом — группа болгарских товарищей вместе с председателем колхоза «Победа» на кукурузном поле. Гостей интересует все: и урожаи, и погода, и зарплата колхозников, и соцобеспечение, и отдых. На третьей фотографии — заседание, посвященное советско-болгарской дружбе.

Сама я преподаю немецкий язык в станичной школе. Переписываясь с учительницей русского языка из местечка Эркпер, что недалеку от Берлина. Мне также пишет и ученица этой школы Найди Штекман.

Наш клуб интернациональной дружбы организовал обширную переписку с ребятами из Венгрии, Чехословакии, ГДР, Болгарии и Кубы. Это помогает воспитывать у детей чувства интернационализма, дружбы и симпатии к другим народам.

Ежегодно поездами дружбы в социалистические страны отправляются 14 лучших колхозников из нашей станицы. Мечтаю попасть в число его пассажиров и я.

Марина ЕСЬКОВА,
учительница

Станица Новоджерелиевская,
Краснодарский край.

В станице гости из Чехословакии.

В НЕБЕ НАД ХАЛХИН-ГОЛОМ

40 ЛЕТ НАЗАД СОВЕТСКО-МОНГОЛЬСКИЕ ВОЙСКА РАЗГРОМИЛИ ЯПОНСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ В РАЙОНЕ РЕКИ ХАЛХИН-ГОЛ

Б. А. СМИРНОВ, генерал-майор авиации в отставке, Герой Советского Союза

40 лет назад на территорию Монгольской Народной Республики в районе реки Халхин-Гол вторглись японские войска. Верные союзническому долгу, на помощь монгольским цирикам пришли советские воины. Советско-монгольские войска, войска народов-братьев разгромили японских захватчиков.

Герой Советского Союза генерал-майор авиации в отставке БОРИС АЛЕКСАНДРОВИЧ СМИРНОВ — человек заводной военной судьбы. Блестящий летчик-истребитель, он принадлежит к тем советским людям, которые первыми насмерть схватились с фашизмом в Испании, потом сражались на Халхин-Голе и, наконец, в Великой Отечественной до безоговорочной капитуляции фашистской Германии.

Показывая альбом памятных фотографий, Борис Александрович особо отметил монгольские.

— Почему?— спросил я.

— В сравнении с воздушными сражениями минувшей войны, — ответил он,—в которых с обеих сторон порой участвовали тысячи самолетов, сражения в Монголии кажутся незначительными по своим масштабам. Но воздушные бои там были беспримерно ожесточенными, упорными, кровопролитными.

Попал я в Монголию неожиданно в тревожном 1939 году. Вдруг вызвали на совещание в Наркомат обороны. А там, оказывается, собрались только авиаторы — все имеющие боевой опыт. Нарком Ворошилов был краток. Он сказал, что одиннадцатого мая японо-маньчжурские части нарушили государственную границу дружественной нам Монгольской Народной Республики. А японская авиация господствует в воздухе. Двадцать восьмого мая японские самолеты неожиданно атаковали два наших аэродрома, расположенных в глубоком тылу, и уничтожили часть стоявших на них самолетов. Взлететь успела лишь одна эскадрилья. После воздушного боя из этой эскадрильи вернулись только два самолета. Остальные были сбиты. Японцы потерь не имели.

Затем Ворошилов сказал, зачем вызваны в наркомат летчики, имеющие боевой опыт. Нам надлежит вместе с другими летчиками добиться коренного перелома в небе Монголии. И вскоре мы, сорок восемь бывалых авиаторов во главе с заместителем командующего Военно-Воздушными Силами Красной Армии, Героем Советского Союза комкором Я. В. Смушкевичем, полетели в Монголию.

Рассказываю о тех днях, и перед глазами встает бескрайняя степь, по которой гуляют миражи, несколько юрт, рассредоточенные закамуфлированные истребители, командный пункт, обозначенный повозкой с бочкой воды, покрытой брезентом, под повозкой — телефон... Жара, пыль и комары прямо-таки неуемной ярости. Они, как утверждали наши шутники, легко прокусывали кирзовые сапоги...

Пока японская авиация бездействовала, мы облетали район боевых действий. Летели вдоль Халхин-Гола. Здесь степь кончалась, начинались глубокие увалы, барханы, похожие на верблюжьи горбы, ярко-зеленая низина, по которой вилась небольшая речка Хайластын-Гол, приток Халхин-Гола.

В общем, этот край Монголии был самой глухой частью страны и самой отдаленной от ее жизненных центров, да и от наших тоже. До ближайшей железнодорожной станции 700 километров. Однако, захватив его, японцы получали отличный плацдарм для овладения Монголией.

Нашу московскую группу летчиков распределили по авиационным частям. Пока на фронте было затишье, мы, тренируя молодежь, без устали проводили с ней учебные воздушные бои. Делали это, не жалея сил. Самыми неутомимыми учителями были Кравченко, Лакеев, Николаев, Викторов, Коробков... Тренировки шли на пользу, и вскоре уже нам пришлось с молодыми не зевать, а то и зажмут.

И вот в один из таких тренировочных дней — вылет по боевой тревоге. Немного в стороне от озера Буир-Нур в воздухе крутился клубок из сотни самолетов, прошитый пулеметными трассами. В этой толчее нельзя было понять, на чьей стороне перевес. Наши авиационные подразделения, взлетевшие с ближайших к границе аэродромов, сражались уже минут пятнадцать.

Я подал команду приготовиться к бою. Коробков, Николаев, Герасимов разомкнули свои звенья, и тут же рядом оказался противник. Японские летчики охотно принимали бой на ближних дистанциях. Они обладали хорошей техникой пилотирования, а японские истребители — хорошей маневренностью. Японцы все наращивали силы, и плотность боя порой достигала предельно возможной. Тут были и крайне опасные атаки противника, почти в упор, и легко было просто столкнуться с другим самолетом.

В самой гуще боя чей-то летчик — не то наш, не то японский — повис под парашютом, за ним другой, третий. Сбитые самолеты нарушали темп боя. Одни в воздухе разламывались на куски, другие круто шли к земле, оставляя за собой траурный шлейф дыма. Наконец, бой стал затихать: и у нас и у японцев на исходе оказалось горючее, израсходованы боеприпасы. Клубок самолетов стал распадаться.

— Ну, для вас-то это был не первый бой, за плечами испанский опыт.

— Да, представьте, я и сам полагал, что воздушные бои в Монголии будут такими же, как в Испании. И жестоко ошибся: другие условия, другой противник. Сразу стало ясно: японские летчики пилотируют лучше итальянских и дерутся гораздо напористее немецких. Да и такого количества самолетов, участвующих в одном бою, видеть не приходилось. Судите сами: со стороны советско-монгольских войск дралось 95 истребителей, а со стороны японцев — 120. А количество сбитых — сорок два! Из них 12 наших. Тактические приемы японских летчиков были разнообразны и часто неожиданны. Одиночные же бои с ними обычно превращались в бескомпромиссные дуэли, в которых один из противников обязательно бывал сбит.

Запомнился такой случай. В очередной воздушной «свалке» я заметил, как кто-то из наших летчиков зажал японца и погнал его к земле в крутом пикировании. Я был убежден, что японцу конец. Самолеты исчезли у меня из поля зрения. А через минуту черный дым обозначил место гибели самурая. Японский самолет упал возле озера.

После полета, докладывая в штаб о результатах боя, я сообщил и об упавшем возле озера японце. А вечером Смушкевич вызвал меня к себе. Помнится, тогда у него находились начальник штаба авиагруппы на Халхин-Голе комбриг Устинов, полковники Гусев и Кравченко, майоры Грицевец и Забалуев и полковой комиссар Чернышов. Мне предложили показать на карте место, где упал японский самолет, о котором я доложил. Я показал, и оказалось, что погиб-то не японский летчик, а наш, кажется, из полка Забалуева.

Точно так же погибли в этот день и два летчика из полка Кравченко. А полковник Лакеев подтвердил с командного пункта, что еще один самолет И-16 врезался в землю недалеко от горы Баин-Цаган. И тогда все пришли к единому выводу: некоторые наши летчики неуверенно пилотируют на малых высотах, однако при каких обстоятельствах они погибли — предстояло выяснить.

И такой случай мне представился. Это произошло в воздушном бою над устьем речки Хайластын-Гол. Японцы облепили нашу эскадрилью со всех сторон. Возможность перевести дух дала эскадрилья Жердева, которую тогда привел комиссар Александр Матвеев. Что было потом, увидеть не успел. Прямо на меня, как говорят, в лоб, пошел японец. Мы разошлись, не открывая огня. В таких случаях для повторной атаки применим только один маневр — разворот на сто восемьдесят градусов с минимальной затратой времени и максимальным набором высоты. Я полагал, что японец это и будет делать — кто из нас лучше выполнит маневр, тот и победит.

Однако я еще не закончил разворота, а рядом уже протянулись пулеметные трассы. Подумал, что за хвостом еще один японец. Оглянулся и диву дался: японский самолет, с которым мы разошлись на встречных курсах, «лежал на спине» и вел огонь из положения вверх колесами. Рисковал он обоснованно: едва меня не сбил, но теперь, как говорится, верх был мой. Японец потерял скорость и

Летчики-истребители, участники боев на Халхин-Голе (слева направо): Александр Степанов, Леонид Орлов, Борис Смирнов. Фото 1939 года.

высоту. Чтобы оторваться, он перевел свой самолет в отвесное пикирование с полными оборотами мотора. Преследуя его, я сделал то же.

Наши самолеты с огромной скоростью мчались к земле. И на земле сосредоточилось все мое внимание, поймать в прицел японца не было никакой возможности. Дальше пикировать было уже не просто опасно, а смертельно опасно. Я уменьшаю угол пикирования и чуть отворачиваю в сторону, чтобы не потерять из вида противника. А японский летчик медлит, словно играет со смертью. И только у самой земли он ловко выхватил машину и перевел ее в горизонтальный полет. А если бы я еще две-три секунды продолжал преследование, то быть бы мне в земле: наш И-16 был тяжелее японского истребителя. Но тот японец от меня не ушел.

— А сколько вы лично сбили самолетов на Халхин-Голе?

— Видите ли, у нашей эскадрильи была еще «испанская» традиция. Там вместе сражались летчики разных национальностей, и было принято не вести счет персонально сбитым самолетам, а все победы считать общими.

— Как действовала монгольская авиация?

— Мы стояли на разных аэродромах. Но я знаю, монгольские летчики воевали хорошо, смело. Они летали ночью и точно бомбили позиции противника. А на земле... В сражении за Баин-Цаган большое мужество проявили цирики Восьмой монгольской кавалерийской дивизии. Нам с воздуха хорошо было видно, как они наносили рейдовые удары во фланг противника. Наши танкисты с большим трудом преодолевали глубокие увалы и песчаные барханы. Контрнаступление советско-монгольских войск закончилось разгромом японцев. Они бросили боевую технику, а остатки своих солдат вынуждены были отвести на исходные рубежи.

— А с японскими летчиками-смертниками — «камикадзе» — вам приходилось встречаться в воздухе?

— Да. Двадцать третьего августа советско-монгольские войска полностью окружили противника и начали его разгром. Воздушные бои были ожесточенные. Только за первые три дня нашего наступления японцы потеряли в воздушных боях семьдесят четыре самолета. Были потери и у нас. Погиб мой самый близкий друг Виктор Рахов, летчик-испытатель, отличный истребитель Алексей Тамара...

К утру 31 августа территория МНР была полностью очищена от японских оккупантов. Но бои в воздухе продолжались. Вот тогда-то мы и встретились с «камикадзе». Появились японские летчики, атаки которых явно были рассчитаны на столкновение. Мы стали осторожнее и тех японцев, которые шли на таран, старались сбивать в первую очередь. И это удавалось, так как «камикадзе» оказались не сильными пилотажниками.

Вскоре по предложению японцев начались переговоры о заключении мира. Многим летчикам из московской группы, в том числе и мне, было приказано вернуться в столицу. Память о кровавых боях в небе над Халхин-Голом, о товарищах, сложивших там свои головы, я храню всю жизнь.

Беседу вел Алексей ГОЛИКОВ.

ДОЖДЬ • СТРОФЫ

Николай БЫКОВ

К реке спускается весна.
Пора бы ладить к лодке весла!
Весной тесна земля, тесна.
Ни мне, ни звездам не до сна:
— Бывают болдинскими весны?

БАРГУЗИНСКИЙ ЗАПОВЕДНИК

Позабыл о бурых караульных,
Лез на спины заповедных скал.
Над Байкалом утренним
Багульник
Для тебя, любимая, ломал.

От восторга холодели руки,
И клубились ломкие кусты.
Милая, простишь ли,— в этой муке
Чаще поминаешься не ты...

Долгим лаем провожали лайки;
Омулем тянуло от волны.
Розовый туман поднялся в лайнер.
До Москвы его заполонил.

Пролетал багульник над Сибирью;
Отползали тени за Тибет.
Ты спала. И раскалялись крылья
От цветов, стремившихся к тебе.

* * *

Я слушал ночь осенней ночью,
Я слушал ночь
Всю ночь, всю ночь:
Гудков далеких многоточье,
Им не ответить, не помочь.
Я слушал старые деревья,
Их откровений грусть и боль,
И листьев странные поверья,
И ветра сбивчивую роль.
Я слушал звезд немых сиянье,
Прощальный крик зеленых птиц,
Стекла привычное брюзжанье
И охи чутких половиц.
Я слушал предсказанья сосен
Из глупой сказки о судьбе,—
С «весной» в ней рифмовалась
«осень»...
И думал, думал о тебе.

* * *

Под городским несветлым небом,
Когда теплу давно конец,
Явился вдруг таким нелепым
Оставшийся в Москве скворец.
Свистит! Но дни необратимы,
Снег на кормушках навесных.
Узнает он, какие зимы
Гостят в стране его весны.

СЕРПУХОВ

Кнопки: «пуск» и «отключенье»...
Но и впредь судьбу решит
Не из корня извлеченье,
Извлеченье из души.

Отформованный компьютор,
Сверхсигналов властный жгут
Не почувствует, как люто
Кошки на сердце скребут.

Постигая сложность пульта,
Не забыть бы об одном:
Лесом посланная пулька,—
Майский шмель — пробьет окно,

Сразу пыхнут и погаснут
Результаты на табло.
Пусть горит сигнал: «о п а с н о»,—
Свечи сосен спят светло.

АГРОНОМ С КАТУНИ

Вижу вашу молодость,
Нина Игнатьевна:
Вьющиеся волосы,
Свет в окошке затемно...
Вы, на ту похожая,
Рядом шагаете.
Видят ли прохожие,
Знают ли, какая вы?
— Ну, какого лешего
Причитаешь! Старая.
Ну, и похудевшая,
И вконец усталая...
Агроном республики,
Даже заслуженный.
Стоптанные туфельки
Сброшены до ужина;
Быстрая и босая,
В поле неистова:
— Хлеб, гляди, у пояса,
И в бездождье выстоял!
Вот оно, извечное
Ожиданье осени;
Степь, Катунь и женщина
Над колосьями.

СИРЕНЬ

Роятся майских звезд рои.
Над тишиною деревень
России поздняя сирень
Рассветным облаком стоит.
Волшебный несказанный свет,
Он, неземной, такой земной.
Всегда во мне, всегда со мной
Уж много лет, так много лет.
Холодная литая гроздь...
Созвездия лиловых звезд
На след от рубчатых колес
Прольются скоро, словно дождь;
Я укачу в наш стольный град.
Но не забыть мне темных изб,
Сирени праздничной карниз
И соловьиный звездопад.

ПОБЕГ ИЗ НО

Юрий ЛУШИН

Луна, путаясь в тополях, долго выбиралась на чистое небо, а выбравшись, засияла так, словно сошла с полотен Куинджи. Дырявый полог ночи, прожженный тут и там угольями звезд и черный от времени, опустился на Алма-Ату. Журчал арык, шептала листва, и хотелось читать стихи о любви.

— Хороша луна,— выдохнул я.

— Луна? — повторил поэт, и голос его как-то странно пресекся.— Она предавала меня, когда я переходил границу. Она охотилась за мной, как охотились хунвэйбины, она была с ними заодно...

Я посмотрел на него и промолчал. Перед этим несколько часов подряд я слушал его горькую исповедь о покинутой родине, о поистине трагической участи его земляков — уйгуров — по ту сторону границы, в Китае. Иногда мне казалось, что он рассказывал какую-то жуткую, страшную в своей неправдоподобности сказку, но ее персонажами были, к сожалению, живые реальные люди. Да, все это было...

— За мной приехали на рассвете,— рассказывал Учкун (псевдоним поэта, настоящего имени его не называю по причинам, которые станут понятны позже.— Ю. Л.).—Десятка полтора или два юнцов, называвших себя хунвэйбинами, стащили меня прямо с постели и принялись избивать, выкрикивая излюбленный лозунг: «Мало, мало и еще раз мало!» Шел 1968 год, самый разгар так называемой «культурной революции». Пятый год находился я на «социалистическом перевоспитании» в госхозе под Кумулом (город в Синьцзяне.— Ю. Л.), в отрыве от семьи, от детей...

— Что представлял собой этот госхоз? — спросил я.— Как вы туда попали и как вас там «перевоспитывали»?

— Ну, что же, придется начать издалека,— вздохнул Учкун и посмотрел на жену. Она сидела на диване, перебирала семейные фотографии, и редкие слезинки скатывались с ее щек.— Тяжело вспоминать и ей и мне, но и забыть это невозможно...

Наступила долгая пауза, и я боялся ее прервать. Лента диктофона медленно наматывалась на катушку.

— Впервые я попал в СССР в пятьдесят шестом,— снова заговорил Учкун.— Тогда целые группы китайской молодежи ехали в Москву, Алма-Ату, Ленинград и другие города, где поступали учиться в различные вузы. Я приехал в Ташкент и стал студентом филологического факультета университета, изучал русский язык, литературу, постигал азы журналистики, писал стихи, которые впервые в моей жизни напечатал журнал «Звезда Востока». Может быть, то были бы самые счастливые дни в моей жизни, если бы... не вопросы. Их задавали мои добрые друзья — студенты, помогавшие мне в учебе, самые обычные вопросы: «Как идет строительство социализма в КНР? Как живется уйгурскому народу в Синьцзяне? Как в Китае решается национальный вопрос?»

Что я мог им ответить тогда? Меня самого уже давно мучили эти простые вопросы. Я слышал, с одной стороны, красивые лозунги и обещания, на которые не скупился Пекин. Но, с другой стороны, видел, что все хорошие слова оказывались на деле лишь пустым звуком. Нам обещали автономию, обещали решить национальный вопрос на основе ленинских принципов, и все уйгуры думали, что наш родной Уйгурстан получит примерно такие же права, как Советский Казахстан, Узбекистан и другие республики Советского Союза, об успехах которых мы много слышали. Однако на деле все выходило иначе. Нам не разрешили даже назвать свою родину так, как желал народ,— Уйгурстаном, и дали название — Синьцзян-Уйгурский автономный район (СУАР). Но не это главное. Главное в том, что автономия оказалась лживой, а на деле началась искусственная ассимиляция уйгуров. Их насильно переселяли в глубинные районы Китая, и одновременно шло массовое переселение китайцев на плодородные земли Синьцзяна. Национальные кадры постепенно заменялись китайскими. Народ жил все хуже, и я часто задавал себе вопрос: к какому социализму мы идем? И к социализму ли вообще? Все это было горько сознавать, и я понимал, что рано или поздно должен буду ответить на эти вопросы хотя бы самому себе...

Учкун снова надолго замолчал. Я не торопил его, догадываясь, о чем примерно пойдет речь дальше. Я уже говорил об этом со многими, и все останавливались на этом месте, как бы собираясь с духом, потому что дальше шли, может быть, горчайшие страницы истории их родины. Я вспомнил, как рассказывали мне о них Зунун Таипов, бывший генерал китайской армии, заместитель начальника штаба Синьцзянского военного округа, и Зия Самеди, известный писатель. Оба принимали активное участие в народном восстании против гоминьдановцев в 1944 году, в образовании Восточно-Туркестанской республики, а затем жестоко разочаровались в пекинской политике, уничтожившей все завоевания уйгурского народа. Вот что, например, рассказывал Зия Самеди:

— В октябре 1950 года я прибыл в Пекин в составе делегации от всех национальных меньшинств Синьцзяна на празднование первой годовщины КНР. Нас приняли в ЦК КПК. Когда начался обмен мнениями о том, какой должна быть национальная автономия в Синьцзяне, все делегаты единогласно высказались за союзную республику Уйгурстан в составе КНР. В то время там проживало всего три процента китайцев, уйгуры составляли большинство, жили также казахи, узбеки, киргизы, дунгане и другие народности. Однако вопрос остался открытым, хотя еще в 1945 году Мао Цзэдун в отчетном докладе ЦК седьмому съезду КПК говорил, что еще в 1924 году Сунь Ят-сен в Манифесте I съезда гоминьдана писал: «Гоминьдан торжественно заявляет, что за всеми национальностями, населяющими Китай, признается право на самоопределение; после победы революции над империалистами и милитаристами будет создана свободная, единая, образованная на основе добровольного союза всех национальностей Китайская республика. «Компартия Китая полностью согласна с этой национальной политикой Сунь Ят-сена. Так говорил Мао, но, как видно, скоро забыл о своих обещаниях, а вернее, с самого начала и не думал их выполнять. Дьявольский его план становился все яснее. Китайские руководители делали вид, что советовались с национальной интеллигенцией, а на деле начали жестоко ее преследовать. Попросив нас откровенно высказаться по национальному вопросу, они наклеили затем на нас политические ярлыки местных «националистов» и «реакционеров». Началось притеснение тех, кто мог мыслить самостоятельно, мечтать, осмеливаться иметь свое мнение и высказывать его открыто.

На открывшемся в мае 1957 года Пленуме комитета КПК Синьцзян-Уйгурского автономного района рассматривался вопрос «о претворении в жизнь национальной политики». К этому времени вышло политическое указание ЦК КПК — «пусть расцветают сто цветов, пусть соперничают все ученые». Нам предложили «смело высказываться, свободно обмениваться мнениями» о тех или иных ошибках и просчетах, имевших место во время решения национального вопроса. Человек всегда надеется на лучшее. Верили и мы, что пришло наконец время торжества справедливости и разума. Поэтому мы честно и открыто говорили о том, что после формального провозглашения национальной автономии, кроме оформления документов на уйгурском и китайском языках, никаких изменений не произошло; о насильственной замене местных национальных кадров китайцами, об их неуважительном и грубом отношении к обычаям и традициям местных национальностей; о массовом заселении края китайцами и о притеснении ими коренного населения; о насилии и произволе по отношению к крестьянам двухсот тысяч бывших солдат гоминьдановской армии, объединенных после капитуляции в «производственную строительную армию», о вытеснении этими «вооруженными крестьянами» местных земледельцев со своих земель; об отрицании национальных классических памятников культуры и искусства как пережитков прошлого; о китаизации учебников и о запрещении пользоваться при их составлении опытом СССР и других стран социализма; о фактическом роспуске пятого корпуса (бывшей национальной армии) и отстранении некитайских офицеров от службы под предлогом «смены профессии» и так далее.

После пленума в дискуссию включился весь народ, и дорого обошлась всем нам наша доверчивая откровенность. «Высказываться, раскрываясь» — так назвали маоисты свою кампанию. Когда мы высказывались, они нам поддакивали, но, узнав мнение каждого, немедленно в августе того же года затеяли «большую чистку», видимо, запланированную заранее. Тех, кто правдиво высказал свое мнение, объявили «вредными элементами», «ядовитыми сорняками», объявили, что они «делят родину» и «делают нападки на партию». Спустя немного времени уже в общегосударственном масштабе маоисты начали «борьбу против правых», а в национальных районах — «борьбу против правых местных националистов». Высшей точкой борьбы явился расширенный Пленум комитета КПК СУАР, открывшийся 16 декабря 1957 года и длившийся более четырех месяцев (?!). Этот «партийный пленум», где склока и клевета были обычным делом, ежедневно продолжался с утра до вечера (ночные беседы не в счет). Выступавшие говорили все, что в голову взбредет, лишь бы побольнее задеть, оругать, оскорбить «обвиняемых», показав попутно свои доблести, свое рвение. «Виновные» брались под негласный надзор, каждый шаг контролировался, никто не смел подойти к ним близко или заговорить без риска, что сам не превратится в отверженного. Это называлось «оставить сиротой». Меня и многих других уйгурских интеллигентов тоже оставили сиротой. Мои книги были запрещены, съемки фильма по моему сценарию остановлены... На допросах нас весь день держали стоя. Кроме того, каждое утро в зале заседаний вывешивались штук семьдесят дацзыбао и грязные карикатуры на нас. Так формировалось общественное мнение. Самое страшное заключалось в том, что допрашивались также близкие друзья, коллеги по работе, родственники «обвиняемых», и под сильным нажимом их заставляли «разоблачать» близкого человека. К сожалению, находились и такие подлецы. А если честные и волевые люди ничего не говорили и никого не «разоблачали», то сами попадали в черный список и против них фабриковалось какое-либо «обвинение». Клевета, площадная брань, допросы, а затем и пытки — все это медленно и верно делало свое дело. Люди доводились до исступления. Так, например, не выдержав издевательств, покончил с собой мой друг Абдурахман Айса... Выставляя нас «местными националистами», маоисты тем самым пытались скрыть свое настоящее лицо — лицо великоханьских шовинистов. Они хотели, чтобы те, кто в соответствии

ЧИ

с ленинскими принципами решения национального вопроса требовал предоставить подлинную автономию Синьцзяну, признали себя реакционерами, подрывающими единство государства, хотели вытравить из сознания коренных народов само слово «Уйгурстан». Маоисты утверждали, что все культурное наследие малых народов — это лишь часть китайской, великоханьской культуры, и поэтому объявляли пропаганду национальных особенностей, традиций и обычаев «реакционной», а тех, кто приводил пример Советского Союза в решении национального вопроса,— «ревизионистами». В противовес они выдвинули собственную теорию так называемой «коммунистической ассимиляции». «Малые народы Китая сольются с китайской нацией,— обещала «Синьцзян гезити» в 1959 году,— культура, язык и письменность китайцев станут общими для всех малых народов. Это — неизбежное развитие общества...» Журнал «Синьцзян хунци» в № 23 за 1960 год вторил: «...С точки зрения политического, экономического и культурного развития они (китайцы) являются более передовыми. Поэтому слияние национальностей должно осуществляться на основе одной национальности. Говоря о Китае, таким костяком должны быть китайцы». И, наконец, газета «Синьцзян жибао» писала 21 марта 1960 года: «Это слияние является марксистской и коммунистической ассимиляцией, неизбежной тенденцией развития общества. Кто выступает против такой ассимиляции, тот выступает против социализма и коммунизма, против исторического материализма».

Как видите, тут все поставлено с ног на голову. Расцветали все цветы, но все они становились цветами зла... На том страшном пленуме было принято официальное решение: «вести всеобщую борьбу против местного национализма в Синьцзяне»— так китайские шовинисты назвали стремление национальных меньшинств к автономии. Эта кампания, длившаяся около двух лет, охватила весь край и, подобно разрушительному селевому потоку, прошлась по рядам общественных деятелей и интеллигенции, студентов и учащейся молодежи. Тысячи невинных людей были брошены в тюрьмы и сосланы в отдаленные места, направлены в принудительные трудовые лагеря и взяты под особый надзор. Я тоже попал в трудовой лагерь, где едва не умер от болезни, голода и непосильного труда. Но самое страшное для моей родины было еще впереди.

...Вспоминая рассказ Зия Самеди, я смотрел на Учкуна и думал о том, что он скорее всего тоже оказался бы в лагере, если бы не учеба в Ташкенте. Но как повлияло это обстоятельство на его жизнь, когда он вновь вернулся в КНР? — спросил я его. Он ответил:

— Конечно, мы, студенты, знали о том, что происходило в СУАР. И все же, вернувшись в КНР в 1961 году, я понял, что не представлял себе истинного положения вещей. Бесконечные кампании — «борьба против трех зол», «ловля тигров», «борьба против местного национализма», «исправление стиля», «борьба против двурушничества» и тому подобные — довели народ до крайнего обнищания. Несмотря на несходство в названиях, все кампании были направлены против некитайских народов. Курс «трех красных знамен» (большой скачок, народные коммуны, генеральная линия), провозглашенный по личному указанию Мао, привел экономику страны на грань катастрофы. К тому же великоханьские шовинисты из группы Мао взялись в этот период за массовое переселение обездоленных ханьцев из внутренних провинций Китая в наш край, следуя политике «коммунистической ассимиляции». «Карачапаны» (бродяги в черных куртках), как их называло местное население, на основании распоряжений маоистских властей не только занимали жилые помещения местных жителей, но и самовольно захватывали их имущество. Последняя капля переполнила чашу терпения, и доведенный до крайней степени нищеты народ массами стал покидать Синьцзян-Уйгурский автономный район. Десятки тысяч людей бежали в Советский Союз, Индию, Пакистан, Афганистан... До сих пор не понимаю, почему я не присоединился к ним тогда же. Я работал тогда в литературном журнале в Урумчи (столица СУАР.— Ю. Л.), и меня до поры до времени не трогали, может быть, потому, что отец мой был видным общественным деятелем,—не знаю. В шестьдесят третьем году я женился, а в мае того же года меня арестовали и выслали в госхоз на «социалистическое перевоспитание». Началась кампания против «ревизионизма», и мне сказали, что я насквозь им пропитан, поскольку учился в СССР. Из пятнадцати членов редакции — уйгуров и казахов — восьмерых постигла та же участь, а журнал тут же закрыли.

Вот вы спрашивали, что такое госхоз. По сути, это трудовой лагерь, где я и другие сосланные работали под строгим надзором. Считалось, что чем тяжелее труд, тем быстрее пойдет «воспитание». Я был грузчиком, арбакешем, долбил в твердой, словно камень, земле оросительные каналы. Работа начиналась на рассвете и кончалась в темноте, кормили скудно и плохо, а жил я в самой бедной хижине. После работы всех сгоняли на собрание, где хором выкрикивали цитаты Мао. Это тоже входило в систему «перевоспитания»...

Как-то пришло известие, что у меня родился сын. Впервые на моем лице появилась улыбка, и окружающие смотрели на меня с удивлением. Но радость была недолгой. К семье меня не отпустили (это положено было лишь раз в году, а год еще не прошел). Жена написала, что ей приехать ко мне тоже не разрешают. Система начала перемалывать меня... В госхозе царила атмосфера страха и подозрений, со мной боялись говорить и шарахались, как от прокаженного. Потом я стал замечать, что сам становлюсь подозрительным, и мне страшно становилось от этого. Мой бедный народ, думал я, куда девались твои веселость и чувство юмора? По вечерам, слушая выкрики нелепых цитат Мао, я думал об этом страшном человеке, называвшем себя коммунистом, и приходил к выводу, что он просто человеконенавистник и специально толкает народ на страдания. Неужели этого никто не видит и не понимает? — спрашивал я сам себя. Неужели в людях не осталось человеческого достоинства, гордости, неужели уничтожена даже способность мыслить, неужели все превратились в бессловесное стадо? К счастью, у меня были случаи убедиться в обратном. Расскажу об одном из них...

Летом я всегда работал в поле с крестьянином по имени Рузи. Три года мы работали вместе, и за три года не сказали друг другу двух слов. И вот однажды он заговорил.

— Зря вы опасаетесь меня,— тихо сказал он,— я не из тех, кто предает. Я знаю, что вас прислали сюда за то, что вы учились в Советском Союзе. Нам сказали, что вы опасный человек, но у меня есть глаза, и сердце у меня тоже есть, и они убеждают меня, что нас обманули.

— Что вы хотите? — спросил я, рассудив, что хуже того, что со мной произошло, уже не будет.

— Расскажите о Советской стране. Как там живут люди? Что получают по карточкам?

Я сказал, что в СССР нет карточной системы, что люди получают за работу деньги и покупают на них в магазинах все, что хотят. Я сказал, что в студенческих столовых студенты, когда я учился, получали хлеб бесплатно и могли есть его, сколько съедят. Рузи глубоко задумался, потом спросил: «А есть ли у крестьян собственные бараны?»

— Конечно,— ответил я,— и не только бараны, но и коровы, лошади, птица. Многие имеют собственные автомобили.

— Нам говорят, что это капитализм,— засомневался крестьянин.

— Нет, Рузи, в Советском Союзе самый настоящий социализм. Просто там правило такое: кто хорошо работает, тот и живет хорошо, богато.

Рузи словно остолбенел. Долго молчал, потом поднял к лицу свои черные, раздавленные работой руки, внимательно посмотрел на них и прошептал: «Но я ведь тоже хорошо работаю, всю жизнь работаю, а то, о чем вы говорили, мне и не снилось. Я обязательно расскажу об этом другим...» Я смотрел вслед Рузи с благодарностью. Этот крестьянин вернул мне веру в себя и во всемогущество правды. Он заставил меня понять, что нельзя держать правду в себе, надо делиться ею и от этого правды станет больше. В его душу упала искра, а он зажжет ею других. Все-таки я действительно «опасный человек»,— рассмеялся я про себя и тогда же решил, что если когда-нибудь снова буду писать стихи, то возьму себе псевдоним Учкун — Искра...

— Ты еще не знал тогда, что в Китае уже началась «культурная революция»,— вступила в разговор жена Учкуна Амина.

— Но когда узнал и на себе испытал ее прелести, то, уже не колеблясь, решил бежать.

Связанного по рукам и ногам, его привезли в Урумчи и поместили в народный комитет, превращенный в тюрьму. В окнах комитета, заложенных кирпичом, оставался лишь небольшой просвет. В этой темнице Учкуна держали полтора месяца, часто выводя на долгие бессмысленные допросы. Долбили, как попугаи, одно и то же: «Что делал в Советском Союзе?» Потом кричали: «ревизионист», «ядовитая трава», «вырвем с корнем сорную траву». Его спокойствие бесило хунвэйбинов. Однажды кто-то из них спросил его с кривой улыб-

Уйгуры из КНР. Первые шаги по советской земле.

кой: «Хочешь увидеть жену?» «Хочу!» — вырвалось у него. «Ну, смотри, так и быть, на свою красотку, пользуйся моей добротой»,— сказал он, толкнув его к окну, и засмеялся. Они все стояли за его спиной, и все смеялись, и выкрикивали площадные слова, а он смотрел и молчал. И то, что он видел, нельзя было увидеть даже в страшном сне. Амина стояла на возвышении босиком, в изорванной одежде. По лицу ее, густо измазанному сажей, катились слезы. Голову венчал шутовской колпак почти двухметровой высоты (их шила специальная фабрика), испещренный ругательствами. На груди висела доска с надписью: «Ее муж — ревизионист. Отец — местный националист. Она — защитница ревизионизма». У других «обвиняемых» на колпаках были нарисованы разные животные — баран, свинья, ишак и т. д. Таких заставляли ползать на четвереньках и при этом блеять и хрюкать, словом, изображать то, что нарисовано. Вокруг бесновалась орда хунвэйбинов, плевалась, выкрикивала ругательства и бросалась комьями грязи. Ничего не скажешь — «культурная революция».

— В тот день мне не разрешили даже переодеться и умыться, чтобы покормить грудного ребенка,— вспоминала Амина.— Малыш, увидев меня, испугался, заплакал, долго не мог успокоиться. Не знаю, как я вынесла этот ад. Хунвэйбины разрушали уйгурские исторические памятники, жгли книги, национальные музыкальные инструменты, даже головные уборы — тюбетейки и малахаи. Уйгуров избивали только за то, что те были одеты в национальную одежду, а после этого заставляли надевать китайские костюмы. Мужчинам стригли бороды, а у женщин обрезали длинные волосы. Когда один из пострадавших стариков сказал, что Маркс и Энгельс были первыми революционерами и борода не мешала им заниматься революционной деятельностью, хунвэйбины ответили: «Маркс и Энгельс были первыми и жили на сто лет раньше нас, и если тогда борода не мешала, то сейчас мешает. Мы должны равняться на великого кормчего Мао Цзэдуна». Родной язык и письменность местных народов были объявлены феодальными, вместо них маоисты навязывали китайский язык. Наша народная музыка вдруг стала «реакционной», в песнях традиционные слова заменялись цитатами Мао. Отца схватили, бросили в тюрьму, и только потом я узнала, что он расстрелян. Все это пекинская пропаганда называла борьбой против старых традиций. И все это напоминало фашизм. Я близка была к самоубийству, и тут однажды ночью появился Учкун. Я сразу поняла, что он бежал, и решила бежать вместе с ним...

Получилось так, что Учкун должен был уходить немедленно. Его уже искали. Он скрывался в Урумчи два месяца, а потом перешел границу. Ночь выдалась лунная, и ему казалось, что луна тоже выслеживает его, подобно хунвэйбинам... Амина со своей сестрой и братом Учкуна ушли через месяц, когда ей прямо сказали, что если ее муж не обнаружится, то ее посадят в тюрьму. Малолетних сыновей пришлось оставить у надежных людей, поэтому она и задержалась. Их фотографии, словно фотографии опасных преступников, висели во всех городах Китая. За поимку была обещана награда, и они понимали, что им не жить, если попадутся. Они скрывались в Кульдже и ее окрестностях целый год, ждали зимы и в декабре 1969 года решились, наконец, на переход. Шли четверо суток, ночами, затаиваясь днем. У Амины опухли ноги, и идти самостоятельно она уже не могла. Ее нес на себе брат Учкуна. Она умоляла оставить ее и спасаться самим, а он не слушал... Рассветным утром советские пограничники увидели три качающиеся тени. Тени сделали шаг, другой и повалились на снег. Идти дальше не оставалось сил...

— Что же было потом? — спросил я.

— Зачем спрашивать, разве не видно?— улыбнулся Учкун.— Мы получили отличную квартиру в Алма-Ате и какую хотели работу. Если в Китае я за пять лет не смог написать ни строчки, то здесь у меня уже вышло четыре стихотворных сборника. Я перевел Абая с казахского на уйгурский язык, мои стихи переводятся на русский и издаются в Ташкенте на узбекском языке. Я стал членом Союза писателей СССР. Я счастлив.

— Здесь родились у нас дочка Саадат и сынишка Садыр,— добавила Амина,— какое счастье, что им не придется испытать того, что испытывают теперь их братья в Китае,— унижение, бесправие, нищету. Сердце болит за них. А если узнают, что их родители в СССР, что будет?

Вот до чего доводили людей, думал я, что вынуждены даже детей родных оставлять в неизвестности, чтобы спастись. Вспоминаю поездку в село Байсиит, в Чиликский район, Алма-Атинской области. Село это, одно из отделений табаксовхоза имени 50-летия СССР, получающего, кстати, ежегодно миллионные прибыли, почти целиком состоит из уйгуров, причем больше половины из них эмигрировало из Китая в 60-е годы. Яблоневые сады окружили Байсиит со всех сторон. Аллеи пирамидальных тополей сделали улицы похожими на зеленые коридоры. Виноградная лоза превратила каждый дворик в уютный, прохладный шатер. Хорошо в таком шатре сидеть в жару, прихлебывать из пиал традиционный чай и слушать поливальщика Абдувариса Тохтыева.

— Профессия у меня самая чудесная,— говорил он,— от правильного полива зависит урожай, успех всей бригады...

По случаю приезда московского гостя он облачился в праздничный костюм и тюбетейку. На пиджаке поблескивал новенький орден Трудового Красного Знамени. Абдуварис поминутно косил на него глазом, видно, сам к нему еще не совсем привык. Он рассказывал, что совхоз выращивает дюбек — самый высший сорт табака, что по итогам минувшего года каждый член бригады получил почти по две тысячи рублей премиальных, что каждый третий член бригады ездит на собственном автомобиле, что, кроме уйгуров, в совхозе работают люди почти двух десятков национальностей, что многие, как и он, имеют награды за свой труд...

— Расскажите о своих депутатских заботах,— попросил я, заметив у него значок депутата.

— Не расскажу, а лучше покажу,— улыбнулся он, легко вставая,— только придется выйти для этого на улицу.

Мы шли вдоль села. Детишки бежали из школы с портфелями, с полей доносился аромат цветущего табака, афиша извещала о гастролях Уйгурского национального театра музыкальной комедии, у газетного киоска выгружали свежие оттиски газеты «Коммунизм туги» («Знамя коммунизма» — межреспубликанская газета на уйгурском языке). Абдуварис здоровался с бесчисленными знакомыми, и каждый, узнав, что я из Москвы, непременно приглашал нас на чай. Но у нас было дело, и мы шли дальше.

— На месте этой улицы, когда я приехал из Китая, не было ни одного дома,— говорил Абдуварис.— Мы сами, с помощью совхоза, конечно, строили для себя дома. В одно лето, помню, построили сразу пятьдесят семь домов. И тополя тоже в тот год сажали, чтобы наше село стало самым красивым. В моей жизни это был первый настоящий дом. Там, в Синьцзяне, родители мои умерли в нищете, и мы с братом работали за еду и одежду. Я был так беден, что ни одна девушка не хотела выйти за меня замуж, а ведь мне шел тогда четвертый десяток... Человеком я почувствовал себя впервые здесь, дом обрел, семью, детишки появились, сам пошел учиться. Среди беженцев было много неграмотных, и совхоз открыл тогда специальную школу для взрослых.

Улица кончилась. Дальше начинались поля и поля, а у горизонта синели горы. Абдуварис остановился и спросил:

— Ну, как вам показалось наше село?

— Удивительно чистые улицы,— сказал я,— к празднику готовитесь?

— Значит, заметили,— обрадовался он.— Только это не к празднику, у нас всегда так чисто. Это же заслуга нашей депутатской комиссии по благоустройству и чистоте. Меня избирают в нее уже третий созыв...

Я уезжал из Байсиита уже ночью. Плыла над тополями луна, и, посмотрев на нее, Абдуварис сказал:

— Добрая луна по эту сторону гор. Она обещает на завтра хорошую погоду...

К 70-ЛЕТИЮ ЦЕЗАРЯ СОЛОДАРЯ

ЮБИЛЕЙ ДРУГА

Война была в разгаре. У меня на квартире раздался телефонный звонок:

— С вами говорят из газеты «За храбрость».

— С кем имею честь? — спросил я.

— С писателем Цезарем Солодарем.

— Солодарь, поэт и очеркист? — спросил я.

— Да, тот самый, — ответил Солодарь.

— Мне нравятся ваши стихи,— сказал я.

— Редакция хотела бы получить экземпляр вашей пьесы о летчиках, обороняющих небо Москвы, — сказал Солодарь.

Я пришел в редакцию «За храбрость» на Чистые пруды. Тогда же и познакомился с Цезарем Солодарем, которого я уже знал с первых дней войны по его темпераментным очеркам и корреспонденциям прямо с фронта, о подвигах защитников нашей столицы, фронтовые стихи и песни которого слушал по радио.

Солодарь тогда был худощавым, подтянутым молодым человеком, майором Советской Армии.

...Сегодня Цезарю Самойловичу Солодарю исполняется семьдесят лет. Он известный драматург, поэт и публицист по международным вопросам.

Но особенно мне нравится легкая, веселая, но вместе с тем умная его комедия «В сиреневом саду», которая обошла подмостки сотен театров и долго не сходила со сцены. И несмотря на то, что пьеса написана четверть века тому назад, и сейчас встретишь ее в репертуаре некоторых театров.

У писателя Солодаря есть два неотъемлемых качества драматурга. Первое: спектакли по его пьесам увлекают и смотрятся с неослабевающим интересом; и второе: героями его пьес являются подлинно советские люди, строящие жизнь, образы и характеры которых возможны только в нашей советской действительности.

Достаточно вспомнить такие его пьесы, как «Твой милый образ», «Серебряная свадьба», «Любовь без прощения», и другие.

Солодарь писал и пишет для детей. Пользуются широкой популярностью у юного зрителя и «У лесного озера» о деятельности работников ВЧК, и «Первый рубеж», и «Портрет», рассказывающие о героических делах подростков в Великой Отечественной войне.

Цезарь Солодарь много пишет и для самодеятельных, народных театров. Его одноактные пьесы издаются большими тиражами у нас и в братских социалистических странах.

В последние годы, когда обострилась борьба идеологий двух миров, Солодарь, как и на фронте во время войны, страстно вступил в бой, выступает в газетах и журналах с публикацией статей, а также с изданием отдельных книг на международные темы.

Многие из наших писателей, как говорится, вышли из газет, и, как известно, именно эти писатели не порывают живой связи с периодической прессой. К ним относится и Цезарь Солодарь. Вот почему многие из книг, в частности сатирические, являются сборниками материалов, напечатанных в газетах и журналах. В его литературной работе всегда ощущается правда жизни.

Цезарь Солодарь — прекрасный, отзывчивый товарищ, у него много друзей, которые искренне любят его.

И мне, на чьих глазах прошло немало лет жизни и творчества Цезаря Солодаря, от души хочется пожелать ему дальнейших успехов как поэту, драматургу, публицисту.

Георгий **МДИВАНИ**

НАШИ ДЕТИ

Как удивительно мыслят и говорят наши дети! Иногда они вносят «поправки» в русскую речь, создают слова «по образцу».

Взобравшись в лесу на пень, Саша радостно кричит:

— Смотри, на какой я высоке! — Он ведь много раз слышал слово «высоко».

Сложен русский язык. Многообразен. Когда-то дети постигнут его премудрости. А пока они творят. Послушаем их.

У Сережи заболели зубки.

— Мама, поведи меня к врачу, который зубки отлечивает,— просит он.

Вечером прихожу с работы, сын докладывает:

— Бабушка дождик скипятила и помыла мне головку.

Идем с Сережей по улице. Навстречу — человек с собакой.

— Охотничья,— радостно сообщает сын.— А знаешь, как я узнаю охотничьих собак? Они на охотника похожи.

— Ты сегодня выходная? — спрашивает утром Сережа.

— Нет, завтра.

— Но сегодня же тоже завтра,— не отступает он.

В выходной день Сережа просится ко мне в кровать.

— В кровати тесно, можно упасть,— не соглашаюсь я.

— Ты ложись в серединку, а я буду по бокам, тогда ты не упадешь с кроватки,— рыцарски предлагает он.

Вечером, разгружая сумку с продуктами, я спрятала в буфет пакет с конфетами, чтобы не привлекать внимание сына.

— Что ты там принесла? — спросил он.

— Да ерунда всякая.

— Ну, дай мне кусочек ерунды. Попробовать.

Алику нет еще двух лет. Вечером бабуся гуляет с ним во дворе. Заметил молодой месяц, удивился:

— Луна сломалась. Нужно починить.

— Саша, почему у тебя короткие рукава у рубашечки?

— Остригли,— спокойно отвечает он.

Саша порезал пальчик. Забинтовываю ему.

— Что ты завинчиваешь палец?

— Смотри, какой я чай горячий пью,— хвастается Саша,— потрогай живот, теплый.

Саша ожегся крапивой. Дед успокаивает его:

— Ничего, крапива полезная.

— Значит, и я теперь полезный?

Саша влез в мамины сапоги. Прошелся по комнате, похлопал деловито по голенищам.

— Ничего босоножки! — заявил со знанием дела.

Собираемся гулять. Саша просит:

— Свесь мне пальто, пожалуйста.

Вся семья сидит у телевизора.

— А если телевизор разобьется, люди к нам в комнату выпадут? — спрашивает Ляля.

Идем с Виталей из садика, видим скамейку.

— Знаешь, эта скамейка красочная,— объясняет он.

— Почему?

— Я видел, как ее красили утром.

Виталик дышит на стекло, чтобы оно запотело.

— Сыночек, отойди от окна, там дует,— прошу его.

— Я окно замерзаю. Я — Дед Мороз,— отвечает он.

— Давай попросим таксиста, чтобы он довез нас домой,— просит уставший Виталик.

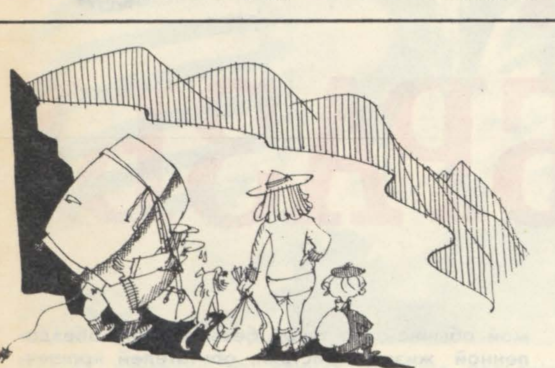
— Нет, таксист нас не подвезет, здесь очень близко.

— А этот жигулист подвезет?

Собрала и записала **В. ЛАРИНА.**

Рисунки

В. ВОЕВОДИНА

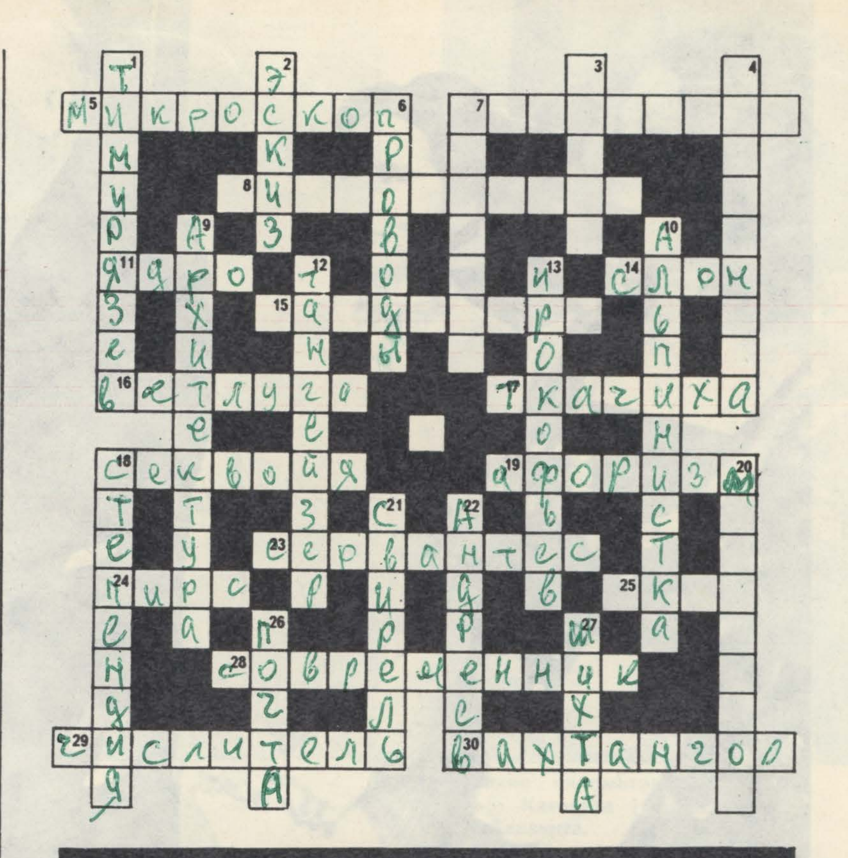
— Какой роскошный здесь ледник! Зря мы тащили с собой холодильник.

СОКИ — ВИНА

— Лица в спецодежде не обслуживаются.

— Я поставила себе задачу, Коленька, за месяц отпуска отучить тебя от бутылочки.

КРОССВОРД

По горизонтали: 5. Оптический прибор. 7. Действующее лицо оперы Ш. Гуно «Фауст». 8. Раздел науки, изучающей природные воды. 11. Спортивный снаряд. 14. Шахматная фигура. 15. Центр округа в ГДР. 16. Приток Волги. 17. Работница текстильной промышленности. 18. Гигантское хвойное дерево. 19. Краткое изречение. 23. Испанский писатель XVI—XVII веков. 24. Причальное сооружение. 25. Декоративное растение семейства лилейных. 28. Журнал, основанный А. С. Пушкиным. 29. Часть дроби. 30. Советский актер и режиссер.

По вертикали: 1. Русский естествоиспытатель-дарвинист. 2. Предварительный набросок, рисунок. 3. Старинный город в Ярославской области. 4. Актриса МХАТа, народная артистка СССР. 6. Песня на слова Д. Бедного. 7. Ударный инструмент, распространенный в Африке и Центральной Америке. 9. Зодчество. 10. Спортсменка, совершающая восхождения на горные вершины. 12. Опера Р. Вагнера. 13. Композитор, автор балета «Сказ о каменном цветке». 18. Регулярное пособие учащимся. 20. Комедия Ж. Б. Мольера. 21. Разновидность флейты. 22. Советский скульптор. 26. Учреждение связи. 27. Смесь сырья и топлива для переработки в металлургических печах.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 34

По горизонтали: 1. Гротеск. 3. Ротонда. 5. Папирус. 7. Буревестник. 9. Тыква. 11. Бегемот. 13. Лапта. 15. Америка. 16. Аллегро. 18. Пярну. 19. Возница. 20. Фокус. 22. Гравиметрия. 25. Аметист. 26. Антарес. 27. Рулетка.

По вертикали: 1. Геродот. 2. Копер. 3. Расин. 4. «Анафема». 6. Иремель. 7. Бранденбург. 8. Каллиграфия. 10. Кунашир. 11. Борисов. 12. Теплица. 14. Паводок. 17. Миномет. 18. Платина. 21. Смальта. 23. Аракс. 24. Ротор.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Бортпроводница теплохода «В. И. Ленин» Любовь Федорова.
(См. в номере материал «Капитан Петр Жук везет туристов»).

Фото Н. Козловского

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: В долине гейзеров (Камчатка).

Фото В. Кардашевского (Петропавловск-Камчатский. На фотоконкурс)

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ, Н. А. ИВАНОВА, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

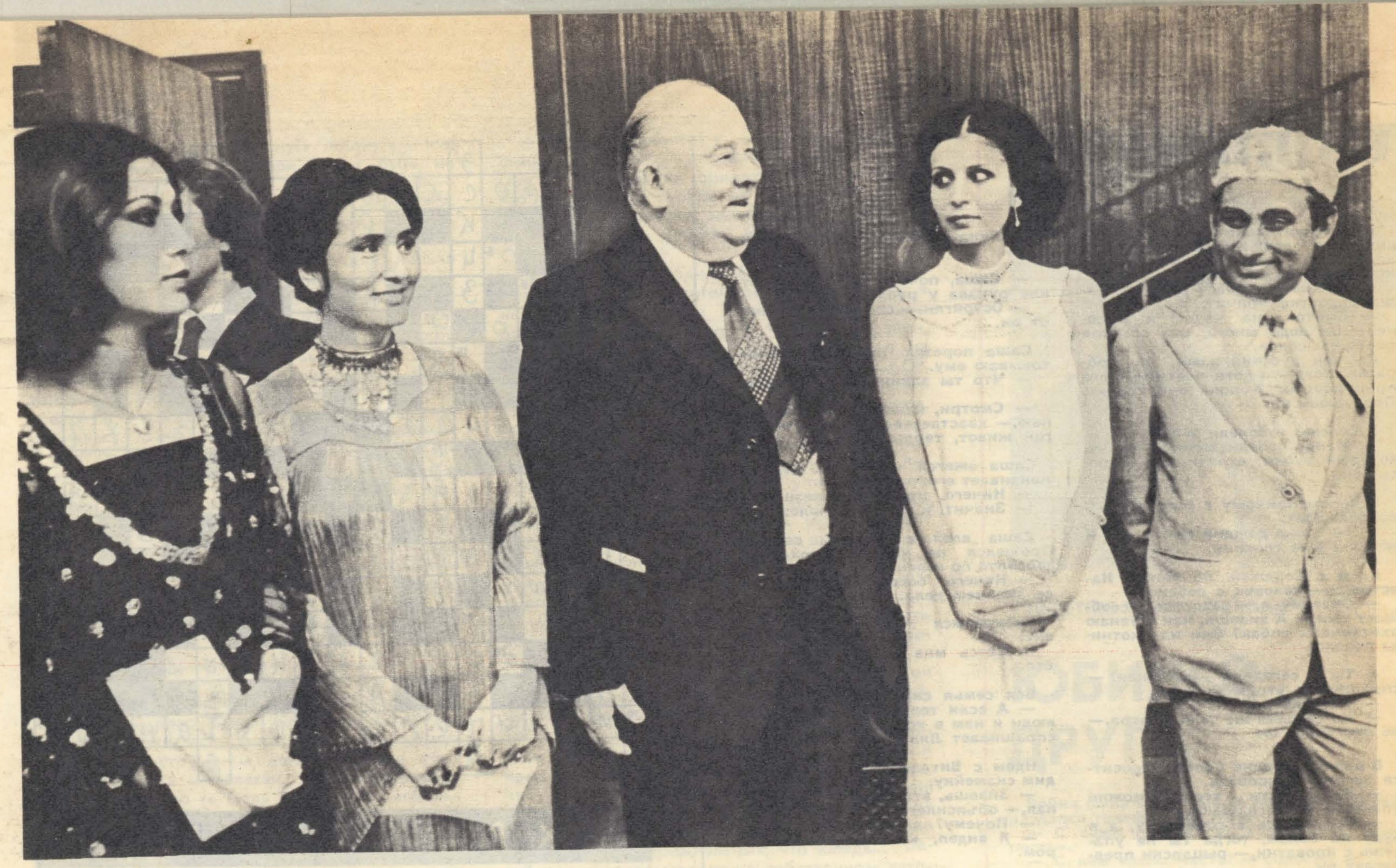
Адрес редакции: 101456. Москва, ГСП, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются.

Оформление Н. И. БУДКИНОЙ.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 214-33-70; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 212-14-07; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-32-45.

Сдано в набор 06.08.79. Подписано к печати 21.08.79. А 00700. Формат 70×108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 1 800 000 экз. Изд. № 1786. Заказ № 996.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865. ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Советский киноактер Борис Андреев приветствует участников кинофестиваля.

ТЕНДЕНЦИИ. СЮЖЕТЫ. ОБРАЗЫ

Одиннадцатый международный кинофестиваль 1979 Москва

Фильмы XI Международного кинофестиваля в Москве (и не только те, что стали участниками конкурса), пожалуй, именно в дни приближающегося финала позволили наиболее отчетливо обнаружить их основные, характерные для них тенденции. Одной из таких главных мировоззренческих тенденций явилась, думается, непосредственная, порою публицистически подчеркнутая связь киноискусства с сегодняшней жизнью, ее проблемами. Это прямая, в открытую показанная, словно «с места действия» взятая, обычная человеческая жизнь. Ее сюжеты, ее реальные коллизии, ее конфликты. Конечно, в виду имеется «обычность» лишь кажущаяся, прячущая свой, порою весьма острый драматизм под внешней повседневностью, но к ней-то как раз и обращенная.

В этой простой — и такой сложной! — живой жизни, в запоминающихся образах современников выражают свои творческие пристрастия и нравственное кредо крупные, широкоизвестные мастера и художники начинающие. Ленты, созданные ими, выявляют гуманизм взглядов, стремление к миру, дружбе и взаимопониманию людей земли. Оно, это доброе понимание людей, необходимо и в большом, глобальном существовании стран, государств, народов, и не менее остро нуждаются в нем дети, семьи, да просто каждый человек, с кем-то рядом работающий, кого-то любящий...

Вот так, призывом к сердечности, чуткости воспринимается «Портрет Терезы», лента, представленная на фестиваль Кубинским институтом киноискусства. Режиссер Пастор Вега ставит свою героиню, прядильщицу Терезу, в ситуации, кажется, самые непритязательные. День за днем проходят у нее в трудах, хлопотах, обязанностях... И ведь не Тереза тяготится ими, не она восстает против них, а ее муж Рамон, жестко требующий домашнего уюта и покоя... Размолвка затягивается. Ее ощущают уже и дети. Их трое... И мы не знаем, чем закончится фильм. Авторы заставляют зрителей думать, сравнивать, догадываться, искать ответа...

Иначе — смертью — обрывается сирийский фильм «Сладкая любовь моя», который привез в Москву режиссер Марвин Хаддад. Героям, поначалу любившим друг друга, совместная жизнь не удалась. Учитель Ахмат встал на нечестный путь наживы, а его молоденькую жену Сааду богатство не радует: муж стал для нее совсем чужим человеком. Их ребенку не суждено появиться на свет: Саада умирает...

Знаменитый итальянский режиссер Франческо Рози, представивший на конкурс свою нашумевшую (и по справедливости!), глубоко психологическую картину «Христос остановился в Эболи», тоже ведь говорит с нами — вопреки громкому названию фильма — о самой обычной, но такой безысходной, обездоленной жизни крестьян, обитателей крошечной деревушки, затерянной в горах Лукании. Все они оторваны от мира, но все принадлежат его жестоким законам.

Сосланный сюда за «политику» врач Карло Леви, сыгранный известным артистом Джан Мария Волонте, становится общим любимцем деревни: он здесь как бы посланец самого провидения — только в этом смысле читается заголовок картины, остро социальной, глубинной, вполне сохраняющей (и опять же не только для Италии) свое значение, общественное и политическое, не говоря уж об ее огромной художественной впечатляющей силе.

С большой симпатией и интересом встретили участники и гости фестиваля — а их на этот раз было более тысячи двухсот человек — советскую картину «Взлет». Особенно заинтересовало всех то, что режиссер Савва Кулиш снял в роли русского гения, ученого Циолковского, основоположника космонавтики, поэта Евгения Евтушенко. Разумеется, грим не позволил его узнать «в лицо». Однако слухом земля полнилась и на фестивале. О поэте заговорили как об актере... Замысел фильма, воплощение образов стали одной из серьезных удач не только новой советской картины, но и фестиваля в целом.

Н. ПАВЛОВА

— Привет тебе, Москва! — говорит гость фестиваля Мохамед Шариф Али из Судана.

Японские кинематографисты Нагамаса Кавакита (слева) и Касико Кавакита.

Многие узнавали на улицах Москвы польскую актрису Барбару Брыльску; ее сопровождает оператор Богуслав Ламбах.

В Международный год ребенка тридцать стран приняли участие в конкурсе фильмов для детей.

Фото И. Зотина, В. Мастюкова, Н. Малышева, Л. Пахомовой (ТАСС)

Гости фестиваля на ВДНХ.

Выставку «60 лет Советского кино» посетил режиссер из Сенегала Усман Сембеин со своим сыном.

Цена номера 35 коп.
Индекс 70663